

Vol. 54 #3 2025

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPICS

- ♦ *The Marketplace Act: Third Attempt*
- ♦ *Personal Data in the Digital Environment*
- ♦ *Russia in the Bern Union:
Results of 30-th Anniversary*
- ♦ *Legal Regulation for Video Games*
- ♦ *Cultural Capital and Creative Tourism*
- ♦ *Artificial Intelligence in the Antic Rome
Interior*

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2025

Том 54 #3 2025

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

- ♦ *Закон о маркетплейсах: третья попытка*
- ♦ *Персональные данные в цифровой среде*
- ♦ *Россия в Бернском союзе: итоги 30-летия*
- ♦ *Правовое регулирование видеоигр*
- ♦ *Культурный капитал и креативный туризм*
- ♦ *Искусственный интеллект в интерьере Древнего Рима*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2025

unesco
Chair

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on September 16, 2021 in the Federal Service of Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration of mass media ФC77–81925.

The reproduction of articles and other materials against the will of the copyright holders is prohibited in accordance with paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code of the Russian Federation.

The RLS “ConsultantPlus” was used when preparing the journal.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Higher Education and Science of Russian Federation for the publication of the main research results for the degree of candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue “Russian Press” 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2025

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 54 #3 2025. DOI: 10.17323/tis.2025.v54

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ФC77–45963 dated 15/07/2011)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

MARIA KATKOVA (HSE, Russian Federation)

Editorial Board:

BATURIN YURI (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)
BLIZNETS IVAN (Griboedov Moscow University, Russian Federation)
DIETZ ADOLF (Max Planck Society, Germany)
FICSOR MIHALY (Hungarian Copyright Experts Body, Hungary)
GADZHIYEV GADIS (HSE University, Russian Federation)
GAVRILOV EDUARD (HSE University, Russian Federation)
IVLIEV GRIGORY (Eurasian Patent Office)
IMANOV KAMRAN (Intellectual Property Agency, Republic of Azerbaijan)
KOVALEVA NATALIA (HSE University, Russian Federation)
KRASNOV MIKHAIL (HSE University, Russian Federation)
MAGGS PETER (University of Illinois, USA)
NAUMOV VICTOR (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
NERETIN OLEG (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)
NUSSBERGER ANGELIKA (University of Cologne, Germany)
PASCALI MICHELANGELO (University of Naples Federico II, Italy)
POLYAKOVA TATIANA (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
POTAPENKO SERGEY (Kuban State University, Russian Federation)
RASSOLOV ILYA (Moscow City University, Russian Federation)
SAIDOV AKMAL (National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan)
SERGEEV ALEXANDR (HSE University, Russian Federation)
SERGO ANTON (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)
TEDEEV ASTAMUR (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)
SHAKHNAZAROV BENIAMIN (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)
SHAKHRAIY SERGEY (HSE University, Russian Federation)
VOINIKANIS ELENA (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 7, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:
Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025

Напечатано с готового оригинал-макета. Отпечатано ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42

Подписано к печати 28.08.2025
Формат 60×90 1/8. Усл.печл. 15,0.
Тираж 150 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 54 #3 2025. DOI: 10.17323/tis.2025.v54

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ
№ 018878 от 28. 05. 1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредитель
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор
ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора
БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
КАТКОВА М.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:
БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)
БЛИЗНЕЦ И.А. (Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация)
ВОЙНИКАНИС Е.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)
ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)
ИВЛИЕВ Г.П. (Евразийское патентное ведомство)
ИМАНОВ К.С. (Агентство интеллектуальной собственности, Азербайджанская Республика)
КОВАЛЕВА Н.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)
НАУМОВ В.Б. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)
НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)
НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)
ПАСКАЛИ М. (Неаполитанский университет имени Федерико II, Италия)
ПОЛЯКОВА Т.А. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)
ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)
РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)
САИДОВ А.Х. (Национальный центр по правам человека, Республика Узбекистан)
СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российская Федерация)
ТЕДЕЕВ А.А. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне, КНР)
ФИЧОР М. (Венгерский совет экспертов по авторскому праву, Венгрия)
ШАХНАЗАРОВ Б.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)
ШАХРАЙ С.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

TABLE OF CONTENTS

5.1.2; 5.1.3. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

DEINEKO A.G. The Third Marketplace Act: Critical Analysis Experience.8

SMORODINOV E.V. Written Consent to the Processing of Personal Data in the Digital Environment 22

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

BELOV V.E. Right of Authority as an Element of the Legal Status of an Individual:
On the 30th Anniversary of Russia's Accession to the Berne Convention 35

LUKYANOV R.L., BUZOVA N.V. On Certain Aspects of the Draft Law "On the Development
and Distribution of Video Games on the Territory of the Russian Federation". 43

MAMMADLI E.J. Development of the Definition of "Industrial Design" in Russia and Azerbaijan 54

VALDES-MARTINES E.R. Remuneration for the Secondary Use of Phonograms
as a Mechanism Ensuring a Balance of the Interests of the Performer 59

STULOVA O.V. Cultural Capital: Intellectual Property as the Basis of Creative Tourism. 69

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

RYBIN A.I. Legal Personhood of Artificial Intelligence in the Light of the Concepts of Roman Law. 76

SHIRKOVA I.V., PODGAINAYA E.V. Evolution of the Contractual Process of Economic Relations:
Problems and Prospects of Legal Regulation with the Introduction of Artificial Intelligence. 92

OLIFIRENKO A.A. Legal Regulation of the Processing and Use of Faces and Voices as Exceptions
to the General Regime of Personal Data for Training Artificial Intelligence Models. 104

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL
AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY 117

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.2; 5.1.3. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ДЕЙНЕКО А.Г. Третий закон о маркетплейсах: опыт критического анализа. 8

СМОРОДИНОВ Е.В. Письменное согласие на обработку персональных данных в цифровой среде. . . 22

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

БЕЛОВ В.Е. Право авторства как элемент правового статуса личности:
к 30-летию присоединения России к Бернской конвенции. 35

ЛУКЬЯНОВ Р.Л., БУЗОВА Н.В. Об отдельных аспектах Законопроекта
«О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории
Российской Федерации» 43

МАММАДЛИ Э.Д. Развитие понятия «промышленный образец» в России и Азербайджане 54

ВАЛЬДЕС-МАРТИНЕС Э.Р. Вознаграждение за вторичное использование фонограмм
как механизм, обеспечивающий баланс интересов исполнителя. 59

СТУЛОВА О.В. Культурный капитал: интеллектуальная собственность
как основа креативного туризма 69

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

РЫБИН А.И. Правосубъектность искусственного интеллекта в свете концепций римского права 76

ШИРКОВА И.В., ПОДГАЙНАЯ Е.В. Эволюция договорного процесса экономических отношений:
проблемы и перспективы правового регулирования с внедрением искусственного интеллекта 92

ОЛИФИРЕНКО А.А. Правовое регулирование обработки и использования лица и голоса
как исключения из общего режима персональных данных для обучения моделей
искусственного интеллекта. 104

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» 117

Научная статья
УДК 347.78.01
DOI: 10.17323/tis.2025.27959

Original article

ТРЕТИЙ ЗАКОН О МАРКЕТПЛЕЙСАХ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА THE THIRD MARKETPLACE ACT: CRITICAL ANALYSIS EXPERIENCE

Алексей Геннадьевич ДЕЙНЕКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, adeineko@hse.ru,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3700-7364>,
SPIN РИНЦ: 8899-7709,
AuthorID: 704121

Информация об авторе

А.Г. Дейнеко — профессор департамента права цифровых технологий и биоправа НИУ «Высшая школа экономики», ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, кандидат юридических наук, государственный советник Российской Федерации 2 класса

Аннотация. Рассмотрен законопроект о регулировании платформенной экономики, внесенный в нижнюю палату российского парламента в июле 2025 г. Подробно проанализированы тезаурус и предмет правового регулирования законопроекта, а также его соотношение с имеющимся правовым регулированием общественных отношений, складывающихся в пространстве цифровых платформ. Отмечены положительные и спорные юридико-технические решения.

Содержательная сторона законопроекта рассматривается через призму прав и законных интересов ключевых субъектов правоотношений: пользователей посреднических цифровых платформ, их партнеров (продавцов товаров, подрядчиков, исполнителей услуг), владельцев

- и работников пунктов выдачи заказов. Предложены меры
- по балансировке интересов указанных субъектов и владельцев посреднических цифровых платформ.

- В заключение дана общая оценка законопроекта,
- отмечены социально-экономические риски, связанные с интенсивным развитием посреднических цифровых платформ.

- **Ключевые слова:** информационное право, платформенная экономика, маркетплейсы, классифайды, цифровые платформы, агрегаторы, экосистемы, киберпространство

- **Для цитирования:** Дейнеко А.Г. Третий закон о маркетплейсах: опыт критического анализа // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54. № 3. С. 8–21; DOI: 10.17323/tis.2025.27959

Alexey G. DEYNEKO

- National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
- adeineko@hse.ru,
- ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3700-7364>,
- SPIN RSCI: 8899-7709,
- AuthorID: 704121

Information about the author

- A.G. Deyneko — Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of the Digital Technology Law and Bio

Law, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the HSE University, State Councilor of the Russian Federation of 2 Class

Abstract. Has been considered the draft law on the regulation of the platform economy, submitted to the lower house of the Russian parliament in July 2025. The thesaurus and the subject of the legal regulation of the draft law are analyzed in detail, as well as its relationship with the existing legal regulation of public relations developing in the space of digital platforms. Positive and controversial legal decisions were noted.

The substantive part of the draft law is considered through the prism of the rights and legal interests of key subjects of legal relations: users of intermediary digital platforms, their partners (sellers of goods, contractors, service providers), owners and employees of pick-up points of orders. Measures are proposed to balance the interests of these entities and the interests of owners of intermediary digital platforms.

In conclusion, a general assessment of the draft law is given, and the socio-economic risks associated with the intensive development of intermediary digital platforms are noted.

Keywords: information law, platform economy, marketplaces, classifieds, digital platforms, aggregators, ecosystems, cyberspace

For citation: Aleksei G. Deineko The Third Marketplace Act: Critical Analysis Experience // Works on Intellectual Property. 2025. T. 54 (3). P. 8–21; DOI: 10.17323/tis.2025.27959

ВВЕДЕНИЕ

3 июля 2025 г. Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации (в части регулирования деятельности цифровых платформ)» (далее — законопроект № 959244-8) [1]. Вместе с указанным законопроектом в нижнюю палату парламента также был внесен его «технический дублер» — проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации” (в части согласования положений действующих законодательных актов с законодательством о платформенной экономике)» (далее — законопроект № 959248-8) [2], к которому мы будем обращаться по мере необходимости. 9 июля 2025 г. оба законопроекта были приняты нижней палатой в первом чтении, а уже 31 июля 2025 г. подписаны главой государства в виде соответственно федеральных законов № 289-ФЗ и № 290-ФЗ.

Формальное поручение о подготовке проекта федерального закона о платформенной экономике было дано Председателем Правительства Российской Федерации М.В. Мишустинным Минэкономразвития России в декабре 2024 г. [3], однако тема регулирования деятельности цифровых платформ активно обсуждалась на научных и практических конференциях, международных форумах и страницах научных журналов на протяжении уже нескольких лет. Это обусловлено лавинообразным ростом пользователей маркетплейсов в условиях пандемии и как следствие — экономических показателей последних. Так, за 2024 г. только москвичи потратили на онлайн-шопинг 1,55 трлн рублей, из них 398 млрд рублей — на доставку продуктов и готовой еды, 210 млрд рублей на товары для дома и мебель, 201 млрд рублей — на одежду и обувь [4].

Законодатели старались не отставать от право-ведов: достаточно упомянуть о двух законопроектах, внесенных в нижнюю палату парламента в 2021 и 2023 гг., но так и не прошедших процедуру первого чтения.

Первый проект Федерального закона «О маркетплейсе» был внесен в сентябре 2020 г. депутатом Федотом Тумусовым и был отклонен ответственным комитетом в ноябре 2021 г. [5]. Второй проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и в ст. 12 и 18 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” (в части организации деятельности маркетплейсов)» был внесен в нижнюю палату в сентябре 2023 г. группой депутатов и до сих пор находится в стадии подготовки к рассмотрению в первом чтении [6]. Он предполагает внесение поправок в различные законодательные акты, включая положения части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договорах дистанционной купли-продажи товаров и предоставления информационных услуг. Рискнем предположить, что и второй законопроект будет в ближайшее время снят с рассмотрения, поскольку его предмет регулирования входит в предмет регулирования федеральных законов № 289-ФЗ и № 290-ФЗ, объединенных общим законотворческим замыслом. Таким образом, принятые менее чем за месяц федеральные законы могут считаться третьей попыткой законодателя сформировать комплексное правовое регулирование отношений в пространстве маркетплейсов. Именно этот факт получил отражение в наименовании данной статьи.

Далее мы последовательно обратимся к предмету правового регулирования и тезаурусу федеральных законов № 289-ФЗ и № 290-ФЗ, а также рассмотрим содержание регулируемых правоотношений с точки зрения прав и законных интересов участвующих в них субъектов.

ТЕЗАУРУС И ПРЕДМЕТ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Характерной чертой законодательной техники последних лет является включение в нормативные тексты положений, не имеющих, по существу, прямого регулятивного воздействия, но отражающих взгляд законодателя на предмет и цели правового регулирования. Цели, перечисленные в ст. 2 Федерального закона № 289-ФЗ, были увязаны в пояснительной записке с национальными целями развития нашей страны, закрепленными в «майском указе» Президента Российской Федерации, а именно комфортной и безопасной средой для жизни, устойчивой и динамично развивающейся экономикой и технологическим лидерством [7, п. 1]. Являясь убежденным сторонником концепции судебного активизма, предположу, что данная логическая связка может быть полезна судебным органам при формировании правовых пози-

ций по тем спорам, которые будут возникать в связи с практикой применения данного закона.

Многообразие общественных отношений, связанных с функционированием различных видов цифровых платформ, предъявляет особые требования к определению предмета правового регулирования новых законодательных актов. Во всей своей полноте указанные правоотношения подпадают (должны подпадать) под действие норм гражданского, налогового, финансового, банковского, антимонопольного, трудового, административного, информационного законодательства и других его видов [8–12]. В связи с этим первой задачей, которую предстоит решить правоприменителю, станет вопрос о пределах нормативного воздействия федеральных законов № 289-ФЗ и № 290-ФЗ, отграничивающих их от иных нормативных правовых актов.

Предмет правового регулирования Федерального закона № 289-ФЗ сформирован при помощи четырех смысловых конструкций:

- 1) *правовые основы платформенной экономики (п. 1 ст. 1);*
- 2) *отношения между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами и пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг (там же);*
- 3) *определение «посреднической цифровой платформы» в тезаурусе закона (п. 7 ст. 2);*
- 4) *перечни видов (п. 3 ст. 1) и субъектов (п. 4 ст. 1) правоотношений, на которые не распространяется действие закона.*

В первом случае речь идет о закреплении определения платформенной экономики и принципов ее правового регулирования (ст. 2, 3 законопроекта). Также в качестве специальных принципов можно упомянуть положения ст. 20–22 Федерального закона № 289-ФЗ, устанавливающие особенности информационного взаимодействия цифровых платформ с налоговыми органами, органами государственного контроля и надзора за их деятельностью, а также «приземления» иностранных цифровых платформ в российскую юрисдикцию. Это осуществляется главным образом при помощи бланкетных норм.

Решению второй задачи посвящены положения ст. 4–19 Федерального закона № 289-ФЗ, которые выполняют его основную регуляторную функцию. По своему содержанию этот корпус правовых норм напоминает положения пользовательских соглашений, заключаемых владельцами цифровых платформ с партнерами и пользователями.

Третья составляющая вносит важное уточнение: разработчики законопроекта воздерживаются от использования популярного термина «маркетплейс»,

который упоминался в наименованиях законопроектов 2020 и 2023 гг. Вместо него используется термин «посреднические цифровые платформы» (далее — ПЦП). Это решение видится автору правильным, поскольку в ходе публичных дискуссий о регулировании цифровых платформ представители некоторых из них настаивали на введении нового термина — *классифайды*. Как утверждается, классифайды отличаются от маркетплейсов тем, что первые не участвуют в транзакциях покупателя и продавца и по своему правовому режиму приближены к базам данных [13]. В качестве примера таких классифайдов обычно приводят виртуальные «доски объявлений» — «Авито», «Авто.ру» и др. Таким образом, использование термина ПЦП, по-видимому, призвано сгладить разницу между маркетплейсами и классифайдами, распространив на обе категории цифровых платформ идентичный правовой режим.

Обращение к четвертой составляющей позволит наиболее полно проследить логику разработчиков Федерального закона № 289-ФЗ. В ст. 2 предлагается определение цифровой платформы как «*информационной системы, и (или) сайта в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, и (или) программы для ЭВМ, обеспечивающих технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг*». В целом, такой подход представляется корректным, хоть и не лишенным недостатков.

Во-первых, при буквальном толковании предложенной дефиниции можно сделать вывод, что разработчики приравнивают к цифровым платформам объекты информационных отношений (информационные системы), объекты авторских прав (программы для ЭВМ) и интернет-сайты, имеющие смешанную правовую природу [14]. Речь, по-видимому, должна идти не об отдельных объектах, а об их совокупности: информационной системе, которой управляет программа для ЭВМ и результаты функционирования которой отображаются на сайте в интернете. Во всяком случае, трудно представить ПЦП, которая функционировала бы без какого-либо из трех названных элементов.

Во-вторых, с точки зрения формальной логики дополнение определения указанием на цели взаимодействия лиц не имеет принципиального значения, поскольку перед этим указанием использована формулировка «в том числе». То есть под цифровой платформой в Федеральном законе № 289-ФЗ понимаются все существующие на данный момент цифровые платформы, а не только ПЦП.

Вместе с тем нельзя утверждать, что термин «цифровая платформа» является лишним в тезаурусе Федерального закона № 289-ФЗ. Напротив, намерение разработчиков закрепить легальное определение цифровой платформы заслуживает поддержки, поскольку этот термин используется в практике весьма вольно. В одном из исследований, посвященных выработке подходов к регулированию отношений, складывающихся в пространстве цифровых платформ и метавселенных [15], обращают на себя внимание некоторые такие примеры, приведенные ниже.

В 2023 г. антимонопольное законодательство было дополнено определением «сетевого эффекта» — «*свойством товарного рынка, при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для ЭВМ в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”, обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров, изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей*» [16, ст. 4]. Такую *программу или совокупность программ для ЭВМ* антимонопольное законодательство предлагает считать цифровой платформой. Больше данное определение на уровне законодательных актов не встречается.

Положение о единой цифровой платформе «ГосТех» определяет ее как «*цифровую экосистему создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем, включающую в себя единую программно-аппаратную среду, цифровые продукты платформы “ГосТех”, информацию, информационные технологии, государственные информационные системы, необходимые для реализации функций платформы “ГосТех”, а также совокупность нормативных правовых, организационных, методологических правил и процедур, обеспечивающих деятельность участников отношений, возникающих в связи с созданием и функционированием платформы “ГосТех”*» [17, п. 2]. То есть неизвестное определяется через неизвестное, что нарушает правила формальной логики.

Другой правительственный акт, определяющий правила предоставления субсидий российским организациям, разрабатывающим цифровые платформы, определяет последние как «*совокупность информационных технологий и технических средств, обеспечивающих решение ... технологических задач и взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности в сфере промышленности*» [18, п. 2]. Последнее определение представляется более корректным благодаря использованию объединяющей конструкции.

Не менее актуален вопрос о классификации цифровых платформ. Чтобы не задерживаться на всем многообразии доктринальных позиций, отметим, что

приоритетным критерием, на взгляд автора, должен быть характер взаимодействия цифровых платформ с пользователями и партнерами. На этом основании выделим шесть видов цифровых платформ:

- 1) цифровые платформы — агрегаторы информации о товарах (услугах), или маркетплейсы;
- 2) цифровые платформы — информационные посредники;
- 3) цифровые платформы — «двойники» публичных институтов;
- 4) цифровые платформы — экосистемы;
- 5) цифровые платформы — поисковые системы;
- 6) цифровые платформы — метавселенные.

Исключение из сферы действия Федерального закона № 289-ФЗ отношений, связанных с организацией и осуществлением деятельности аудиовизуальных сервисов, кредитных или некредитных финансовых организаций, а также лиц, оказывающих профессиональные услуги на финансовом рынке (подп. 1 п. 3 ст. 1 законопроекта), применительно к приведенной классификации означает исключение информационных посредников и экосистем. Формулировка подп. 2 п. 3 ст. 1 Федерального закона № 289-ФЗ «с предоставлением лицензии на использование программ для ЭВМ, баз данных посредством программы для ЭВМ, которая предназначена для поиска, просмотра и приобретения указанных программ, баз данных», по-видимому, имеет цель вывести из-под действия проектируемых норм магазины приложений и видеоигр, так называемые сторы (*AppStore, GooglePlay, PSStore, RuStore* и др.). Их можно отнести к цифровым платформам — метавселенным либо к поисковым системам, поскольку взаимодействие пользователей с ними не ограничивается заключением лицензионных соглашений, а предполагает также отзывы и рейтинги контента, финансовые операции, внутриигровое общение, формирование цифровых профилей игроков и разработчиков видеоигр, а также иные юридически значимые действия.

Исключение указанных категорий цифровых платформ из-под действия Федерального закона № 289-ФЗ можно объяснить нежеланием разработчиков создавать правовые коллизии между его положениями и законодательством об интеллектуальной собственности, а также финансовым и банковским законодательством.

Следующие за этим положения ч. 4 ст. 1 Федерального закона № 289-ФЗ исключают из круга субъектов правового воздействия операторов инвестиционных платформ (которые мы тоже относим к экосистемам), операторов государственных и муниципальных информационных систем и различных специализированных электронных площадок (по приведенной

выше классификации — «двойников» публичных институтов). Таким образом, из всех названных выше видов цифровых платформ в предмет регулирования Федерального закона № 289-ФЗ входят только маркетплейсы, расширенные до понятия ПЦП. С данным решением вполне можно согласиться, имея в виду отмеченное многообразие общественных отношений в пространстве цифровых платформ, но в таком случае разработчикам законопроекта № 959244-8 следовало бы скорректировать его наименование. Многообразие платформенной экономики не исчерпывается одними лишь ПЦП.

Наконец, если обратиться к входящему в общий пакет Федеральному закону № 290-ФЗ, мы увидим еще одно неоднозначное решение в части терминологии. Как известно, преамбула Закона о защите прав потребителей с 2018 г. стала включать определение владельца агрегатора информации о товарах (услугах), под которое подпадают владельцы и маркетплейсов, и классифайдов [19]. Законопроект № 959248-8 в своей первоначальной редакции не вносил дополнений в тезаурус Закона о защите прав потребителей, однако дополнял ст. 12 абзацем, устанавливающим ответственность за ненадлежащую информацию о товаре (работе, услуге) для владельцев агрегатора, «осуществляющих деятельность в качестве ПЦП». Таким образом, общая логика рассматриваемых законопроектов предполагала, что под их действие попадут не все владельцы агрегаторов. Вопрос о том, как может выглядеть на практике владелец агрегатора, не осуществляющий деятельность в качестве ПЦП, пока остается без ответа.

Эта очевидная юридико-техническая ошибка была устранена в ходе обсуждения законопроекта № 959248-8 во втором чтении, когда он был дополнен положениями, изменяющими преамбулу Закона о защите прав потребителей. Согласно итоговой редакции Федерального закона № 290-ФЗ, к владельцу агрегатора в преамбуле Закона о защите прав потребителей теперь приравнен оператор ПЦП, определяемый в соответствии с Федеральным законом № 289-ФЗ. Соответственно, проектируемое дополнение ст. 12 Закона о защите прав потребителей было исключено.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПЦП

Пожалуй, наиболее значимым практическим следствием интенсивного развития ПЦП в нашей стране стало заметное повышение качества жизни населения малых городов и сельских населенных пунктов. В отличие от жителей городов-миллионников, большинство наших сограждан не имеют в шаговой доступности крупных офлайн-магазинов одежды, электронной

техники, бытовых товаров, а доставка товаров до места жительства значительно увеличивает их стоимость. Появление разветвленной сети пунктов выдачи товаров даже в самых удаленных местах позволило владельцам ПЦП выстроить масштабную логистическую сеть и сэкономить на издержках.

Экономическая модель ПЦП, как следует из самого термина, строится на связывании покупателей (заказчиков, потребителей) товаров (работ, услуг) с их продавцами (подрядчиками, поставщиками) и взимании соответствующих комиссий с обеих сторон. При этом самоустранение ПЦП из правоотношений, связанных непосредственно с покупкой товара, выполнением работы или оказанием услуги, помогает им минимизировать свои юридические риски, но не всегда должным образом воспринимается пользователями ПЦП.

Во-первых, пользователь, заходя на сайт или в приложение ПЦП, обладающей широкой известностью и положительной деловой репутацией, обоснованно рассчитывает на достоверность информации, размещенной в публичном доступе. Обращение к текстам пользовательских соглашений показывает, что ПЦП предпочитают предоставлять продавцам (подрядчикам, исполнителям) возможность самостоятельного размещения информации без проверки и модерации. Поскольку на стороне продавца (подрядчика, исполнителя) может выступать любой хозяйствующий субъект, в том числе физическое лицо или «фирма-однодневка», информация о товаре (работе, услуге) может не соответствовать действительности и вводить пользователей в заблуждение. Кроме того, некоторые новые продавцы (подрядчики, исполнители) нередко просто копируют информацию, размещенную на карточках аналогичных товаров, работ и услуг.

Обширные нормативные требования ст. 7 Федерального закона № 289-ФЗ, возлагающей на оператора ПЦП обязанности по проверке информации о товарах, работах и услугах, касаются в основном продажи специальных категорий товаров: лекарственных средств, биологически активных добавок, пестицидов и агрохимикатов, товаров, подлежащих маркировке, и пр. При этом общая обязанность по предварительной проверке (премодерации) информации о товарах, работах и услугах законом не предусмотрена.

Во-вторых, недостоверная информация может исходить не только от продавцов товаров (подрядчиков, исполнителей услуг), но и от аффилированных с ними лиц. В условиях сверхпредложения товаров, работ и услуг именно пользовательские отзывы о них становятся значимым фактором, влияющим на принятие решения покупателем. Различные лица, прямо

или косвенно связанные с партнерами ПЦП, широко используют генеративные алгоритмы для массового размещения отзывов заданной направленности, а ПЦП, в свою очередь, вынуждены внедрять свои алгоритмы для их распознавания и удаления.

Данная практика первоначально возникла в сфере просмотров пользовательского контента в социальных сетях и видеохостингах, где монетизация этого контента прямо зависит от количества просмотров (прослушиваний), «лайков» и комментариев. В сферу ПЦП эта практика пришла уже на высокой стадии развития, и, по всей видимости, борьба «щита и меча» будет только усиливаться. В юридическом измерении можно утверждать, что необходимы признание и защита права пользователей ПЦП (и всех обитателей киберпространства в целом) на доступ к верифицированным знаниям.

В-третьих, практика заключения ПЦП пользовательских соглашений по принципу «соглашайся или уходи» нередко стимулирует потребителей к «поведению, противному их интересам» [20]. Например, введение платной процедуры возврата товаров надлежащего качества нередко обосновывают необходимостью борьбы с так называемым потребительским экстремизмом, когда потребители приходят на пункты выдачи заказов из праздного интереса, без реального намерения приобрести товар. Наряду с платностью возврата можно отметить и такие практики, как усложнение и искусственное затягивание претензионных процедур [21, 22] (в том числе за счет внедрения алгоритмов искусственного интеллекта), а в случае их завершения — замена денежных компенсаций различными бонусными баллами с истекающим сроком действия.

Формально данные условия не нарушают требований законодательства и являются проявлением принципа свободы договора, но, на взгляд автора, лишь незначительная доля пользователей способна воспринять и в полной мере осознать сложный юридический текст пользовательского соглашения. В этой связи представляется обоснованной разработка на уровне подзаконного акта типовой формы пользовательского соглашения (или нескольких их вариаций), чтобы операторы и пользователи «по умолчанию» заключали простые и лаконичные соглашения, а любое отклонение от них требовало бы дополнительной процедуры. К сожалению, такой возможности федеральный закон № 289-ФЗ не предусматривает.

Для иллюстрации проблемы доступности условий платформенных соглашений для пользователей ПЦП автор провел небольшое эмпирическое исследование. Он обратился к интернет-сайтам пяти крупнейших маркетплейсов в России и провел количественное

измерение объема документов, с которыми должен ознакомиться их пользователь. Не стремясь охватить всю совокупность размещенных документов, автор считал только те, которые разумно необходимы пользователю для совершения покупок: политика конфиденциальности, правила пользования сайтом, информация о рекомендательных технологиях, правила пользования учетной записью и личным кабинетом, общие условия бонусных программ и акций. Там, где указанные документы дублировались на нескольких языках, засчитывалась только русская версия. Все

документы были скопированы в текстовый редактор, и при помощи инструмента «Статистика» было определено количество печатных знаков. Результаты измерения представлены в табл. 1.

Также попутно автор обратил внимание на доступность указанных документов, поскольку все маркетплейсы разместили гиперссылку на них в нижней зоне своей главной страницы, именуемой «подвалом сайта». У некоторых маркетплейсов доступ к ним оказался усложнен, поскольку лента товаров при прокрутке сайта вниз все время увеличивается.

Таблица 1. Результаты оценки пользовательских документов маркетплейсов

Маркетплейс	Количество документов для ознакомления физическими лицами	Объем текста общих документов, тыс. знаков	Доступ с главной страницы
«Али Экспресс» [23]	7 общих + 12 дополнительных	Более 248	Обеспечен
«Вайлдберис» [24]	10 общих + 14 дополнительных	Более 113	Усложнен
«Ламода» [25]	6 общих	Более 97	Обеспечен
«Озон» [26]	11 общих + 8 дополнительных	Более 230	Усложнен
«Яндекс.Маркет» [27]	9 общих	Более 362	Обеспечен

Для сравнения можно упомянуть, что рекомендуемый объем курсовых работ на юридических факультетах составляет 50–60 тыс. знаков, выпускных квалификационных работ — 100–120 тыс. знаков. Иными словами, любой пользователь ПЦП должен перед началом ее использования прочитать, понять и согласиться с текстом средней дипломной работы по юриспруденции. В ряде случаев этот показатель оказался эквивалентен объему кандидатской диссертации.

В-четвертых, общей проблемой российского сегмента киберпространства в современных условиях является недоступность некоторого зарубежного программного обеспечения в связи с неправомерными ограничительными мерами («санкциями»), введенными в отношении нашей страны. Но если обычные пользователи легко могут подобрать замену большинству образцов программного обеспечения, то лица с ограниченными возможностями оказались в более сложной ситуации. 10 декабря 2024 г. в ходе заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека член Совета *Игорь Новиков* обратил внимание главы государства на проблему доступности российского программного обеспечения для лиц с ограниченными возможностями здоровья. В качестве примеров были приведены операционная система Linux и сервис «Яндекс.Документы», однако в не меньшей степени проблема доступности касается и ПЦП.

Успешная социализация человека с инвалидностью складывается не только из доступности обуче-

ния и последующего трудоустройства, но и из доступности процессов потребления как в духовном, так и в материальном отношениях. В этом смысле доступное для незрячих или неслышащих людей приложение маркетплейса обретает не меньшее значение, чем пандусы и тактильные указатели в Большом театре или Эрмитаже. По результатам указанного заседания президент России поручил Минцифры РФ в срок до 1 июля 2025 г. представить предложения об адаптации российских программ для ЭВМ и российских информационных ресурсов к использованию лицами с ограниченными возможностями здоровья [28, п. 9]. Хочется надеяться, что результатом исполнения поручения будут не только формальные отчеты, но и реальное внимание ведущих российских разработчиков программного обеспечения к данной проблеме.

В качестве общего принципа работы цифровых платформ п. 2 ст. 3 Федерального закона № 289-ФЗ указывает, что предоставление доступа к ним, а также их использование «основываются на принципах прозрачности (открытости), запрета дискриминации и недопустимости ограничения свободного доступа лиц к цифровой платформе, за исключением случаев, предусмотренных законодательством». Однако конкретных правовых механизмов обеспечения доступности цифровых платформ для лиц с ограниченными возможностями здоровья закон не содержит. На взгляд автора, критерий доступности программного обеспечения цифровых платформ для лиц с ограниченными возможностями здоровья мог бы быть

установлен в качестве обязательного при включении таких программ для ЭВМ в Реестр российского программного обеспечения. Возможности алгоритмов искусственного интеллекта также можно было бы использовать для автоматизированной проверки программного обеспечения и интернет-сайтов на доступность. Дополнительным инструментом «мягкого регулирования» может стать публикация рейтингов доступности цифровых платформ и их мобильных приложений всероссийскими организациями инвалидов.

В-пятых, еще одной общей проблемой современного киберпространства является повсеместное цифровое профилирование его пользователей, часто осуществляемое хозяйствующими субъектами без их ведома. Деятельность ПЦП по сбору и систематизации информации о пользователях подпадает под требования ст. 10.2-2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [29], устанавливающей особенности предоставления информации с применением рекомендательных технологий, однако нормы данной статьи весьма формально исполняются на практике. Крупные российские маркетплейсы опубликовали на своих интернет-сайтах правила применения рекомендательных технологий, однако их содержание столь же трудно для восприятия обычного пользователя, как и условия пользовательских соглашений. Зачастую наиболее важный для пользователя вопрос — «Какие данные обо мне собирает маркетплейс и как он их использует?» — остается без прямого ответа, скрываясь за мишурой технических терминов. Владелец ПЦП следует обращать внимание не просто на формальное соответствие этих документов требованиям законодательства, но и на их доступность для восприятия рядовыми пользователями без высшего технического образования.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОДАВЦОВ (ПОДРЯДЧИКОВ, ИСПОЛНИТЕЛЕЙ) ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Актуальная для пользователей ПЦП проблема восприятия сложных юридических текстов пользовательских соглашений и иных документов не в полной мере актуальна для партнеров ПЦП, поскольку, даже если они действуют в режиме самозанятого или зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, это уже предполагает некоторый минимальный уровень юридической грамотности. Предпринимательская деятельность в принципе основана на рисках, которые каждый хозяйствующий субъект идентифицирует и купит по-своему.

Специфической проблемой договорного статуса во взаимоотношениях операторов и партнеров

ПЦП является частое изменение условий соглашений о предоставлении услуг. По сложившейся практике в таких «партнерских соглашениях» закрепляется право оператора ПЦП в одностороннем порядке вносить в них изменения, например, увеличивая размеры штрафов для продавца (подрядчика, исполнителя) или вводя новые.

Недовольство хозяйствующих субъектов вызывают частые изменения, в которых их положение ухудшается, а также дискриминационная практика введения повышенных комиссий и сборов в отношении отдельных продавцов (подрядчиков, исполнителей) на основании непрозрачных показателей внутреннего мониторинга. На различных экспертных площадках неоднократно звучали инициативы о запрете маркетплейсам изменять условия таких соглашений чаще, чем раз в полугодие (раз в год), однако в тексте ст. 5 Федерального закона № 289-ФЗ предусмотрена лишь обязанность оператора ПЦП размещать договор с партнером и все его предыдущие редакции «с указанием периодов их действия», но не установлена максимально допустимая периодичность их изменения.

Другой проблемой, с которой столкнулись хозяйствующие субъекты в последние годы, стала агрессивная политика ПЦП по введению скидок на товары в целях привлечения клиентов. Распространенным условием партнерских соглашений является право оператора ПЦП самостоятельно определять уровень цен на товары (работы, услуги), в том числе предоставляя скидки за свой счет. Зачастую предоставление скидки на товар (работу, услугу) увязывается с необходимостью оформления пользователем банковской карты в кредитной организации, созданной при участии владельца ПЦП.

Экономический смысл данных действий заключается в том, что ПЦП может потратить часть средств на установление такой цены товара (работ, услуг), которая будет ниже, чем на интернет-сайте производящего его хозяйствующего субъекта. Со временем это может привести к закрытию таких интернет-сайтов и переходу потребителей к ПЦП, после чего платформа сможет самостоятельно определять уровень цен на товары (работы, услуги). Кроме того, эти действия привлекают клиентов в аффилированную кредитную организацию. В качестве достоинств платформенной экономики часто упоминают агрегирование спроса, которое приводит к снижению цен, но представляется, что эта характеристика справедлива лишь для текущего момента. Как только ПЦП займут доминирующее положение на рынке, издержки входа на него для новых субъектов будут столь высоки, что ПЦП смогут долго наслаждаться своим монопольным положением.

Первой публичной реакцией на внесение законопроектов № 959244-8 и № 929284-8 в нижнюю палату стало открытое письмо руководителей крупных розничных сетей к руководству Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и палат Федерального Собрания Российской Федерации с предложением ограничить объем инвестиций ПЦП в подобные скидки размером 10% их годового оборота. В обращении прямо указано, что сохранение статус-кво приведет к монополизации рынка торговли, уходу с рынка продавцов и производителей, а также к росту цен на товары [30]. Предложенная мера в Федеральном законе № 289-ФЗ отсутствует, но вместе с тем в ст. 9 предусмотрена обязанность оператора ПЦП согласовывать размер скидки с продавцом (подрядчиком, исполнителем) путем «направления уведомления о намерении снизить цену товара не менее чем за 5 рабочих дней». При этом в случае отказа партнера ПЦП от предложенного снижения цены к нему не могут быть применены такие меры, как ограничение доступа к личному кабинету, прекращение размещения карточки товара, снижение рейтинга, изменение положения карточки товара в поисковой выдаче и т.п. (п. 5 ст. 9 закона). Отметим, что указанные негативные последствия, по мнению автора, относятся к новому виду юридической ответственности, которую следует именовать информационно-правовой [31, с. 712–719].

Другая практическая проблема зачастую связана с хозяйствующими субъектами, вообще не представленными на маркетплейсах, но обладающими интеллектуальными правами на различные объекты (прежде всего на товарные знаки). Масштабы торговли и аудитории ПЦП таковы, что размещение на них контрафактного товара наноситкратно больший ущерб правообладателям, чем его продажа на отдельных интернет-ресурсах. Вопросы защиты интеллектуальных прав при функционировании маркетплейсов часто становятся предметом юридических исследований [32–35]. В них отмечается, что на практике правообладатели часто несут избыточные временные и финансовые издержки сначала в ходе рассмотрения претензии ПЦП, а затем — в ходе судебного разбирательства. За время, затраченное на эти процедуры, недобросовестные продавцы нередко успевают распродать товар, удалить аккаунт и прекратить свою деятельность на данном ПЦП.

Пункт 6 ст. 7 Федерального закона № 289-ФЗ предусматривает на этот случай лишь общую норму о том, что правообладатель в случае обнаружения нарушения его исключительного права и законных интересов «вправе обратиться к оператору с заявлением о прекращении размещения на ПЦП информации,

нарушающей такое исключительное право. Срок рассмотрения такого заявления законом не определен.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВЛАДЕЛЬЦЕВ И РАБОТНИКОВ ПУНКТОВ ВЫДАЧИ ЗАКАЗОВ

Специфика экономической модели ПЦП подразумевает, что многочисленные пункты выдачи заказов не являются их обособленными структурными подразделениями, а действуют в качестве независимых экономических агентов. В 2024 г. Комиссией по созданию условий саморегулирования в электронной торговле в Российской Федерации (совещательным органом при Минпромторге России, в состав которого входят представители крупнейших ассоциаций и союзов в сфере электронной торговли) были утверждены Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов [36]. Многие положения указанного документа воспроизведены в Федеральном законе № 289-ФЗ, что в целом представляется нам правильным. Рекомендательный характер упомянутых Стандартов, в отличие от федерального закона, не предполагает наступления юридической ответственности за их нарушение.

На взгляд автора, наиболее уязвимой категорией лиц во всей экономической модели маркетплейсов являются работники инфраструктуры маркетплейсов (складов и пунктов выдачи заказов). На работников пунктов выдачи заказов возлагаются не только их непосредственные должностные обязанности, вытекающие из трудового договора, к ним предъявляются также дополнительные требования, устанавливаемые маркетплейсами. В частности, условия взаимодействия с некоторыми из них предполагают обязательное видеонаблюдение за рабочим местом с последующей записью, штрафы владельцев пунктов выдачи заказов за длительное отсутствие работников на рабочем месте и т.п. Нередко в нарушение требований трудового законодательства владельцы пунктов выдачи заказов в косвенной форме перекладывают эти штрафы на своих работников.

В инфраструктуре маркетплейсов распространено взаимодействие с работниками, использующими специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход» (так называемыми самозанятыми) и не являющимися наемными работниками. Это приводит к тому, что несчастные случаи на производстве не всегда получают должную реакцию со стороны владельцев складов и пунктов выдачи заказов. Проведение расследований несчастных случаев, страховые выплаты из Социального фонда России и иные меры реагирования предусмотрены только для наемных работников, о чем самозанятые, как правило, не

задумываются. Таким образом, переход работника офлайн-магазина на склад маркетплейса в качестве самозанятого сокращает его трудовые и социальные гарантии. Экономия от уменьшения своих социальных обязательств владельцы складов и пунктов выдачи заказов присваивают себе. При этом интенсивное развитие инфраструктуры маркетплейсов, приводящее к сокращению рабочих мест в офлайн-магазинах, зачастую не оставляет их работникам выбора.

Есть и специфические проблемы, связанные с организацией оплаты труда работников складов маркетплейсов. Зачастую она основана на рейтинговом принципе, когда все полезные действия работника за день подлежат цифровому учету. Задания персоналу внутри складов распределяют менеджеры (бригадиры), а участки работ неравномерны по своей сложности и оплате, что провоцирует конфликты. При этом персонал лишен возможности объединиться в профсоюзы или использовать иные механизмы для защиты своих прав на обеспечение справедливых условий труда, равенство прав и возможностей [37, ст. 2].

«Уберизация» инфраструктуры маркетплейсов ставит и более серьезные социальные вопросы, «выдергивая» производительные силы из экономики в силу более высокого уровня заработной платы, создавая искусственный спрос на рабочую силу. Вряд ли это можно оправдать одной лишь экономией издержек для потребителей или популярным аргументом об удобстве. Впрочем, это замечание напрямую не относится к рассматриваемым федеральным законам. Включение в них норм, регулирующих взаимоотношения персонала, задействованного в инфраструктуре маркетплейсов, привело бы к заметному увеличению нормативного текста и неизбежно создало бы коллизии с трудовым и социальным законодательством. Положения, касающиеся платформенной занятости, рано или поздно найдут свое отражение в законодательстве о занятости населения [38], и в этом смысле их включение в предмет регулирования законодательства о платформенной экономике было бы неоправданным.

ВЫВОДЫ

Во-первых, еще раз отметим высокую потребность в правовом регулировании отношений, связанных с функционированием цифровых платформ во всем их многообразии. В этой связи появление федеральных законов, сфокусированных на общественных отношениях, возникающих по поводу функционирования ПЦП, следует приветствовать. Авторы законопроектов весьма точно сформулировали предмет их правового регулирования, что позволило не вторгаться в сферу действия финансового, страхового,

банковского законодательства, законодательства об интеллектуальных правах и других отраслей.

Во-вторых, общую логику рассмотренных федеральных законов можно назвать делегирующей, поскольку ряд нормативных требований подлежит детализации путем принятия подзаконных нормативных правовых актов. В этой связи стоит указать на риски выхолащивания сути законодательных норм при их детализации. Вместе с тем принятие подзаконных нормативных актов в ряде случаев может обеспечить дополнительную балансировку интересов операторов, пользователей и партнеров ПЦП.

В-третьих, вызвала споры запланированная дата вступления в силу законопроектов — 1 марта 2027 г. В перечне нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием законопроекта № 959244-8, были приведены восемь постановлений Правительства Российской Федерации, для каждого из которых установлен аналогичный срок принятия. Однако никакого обоснования столь длительной подготовки указанных актов в пояснительной записке не приводится. На взгляд автора, актуальность рассмотренных законопроектов столь высока, что дата их вступления в силу должна быть перенесена как минимум на 1 марта 2026 г. В ходе рассмотрения законопроектов во втором чтении срок вступления в силу сократили, но лишь на полгода — до 1 октября 2026 года.

В заключение — небольшое лирическое отступление. В малых городах и сельских населенных пунктах наблюдается уникальный процесс переноса социальной функции «обычных» магазинов на пункты выдачи заказов. Особенно это заметно в труднодоступных местностях, где эти пункты становятся точкой притяжения для населения, подобно тому, как данную функцию раньше выполняли почтовые отделения и сберкассы. Здесь возникают вопросы не юридического, а социального характера: должен ли магазин в современном обществе выполнять функцию места общения или же его функционал ограничен продажей товаров? Подобно тому, как строительство многоквартирных домов свело к минимуму общение между соседями, социальная среда взаимодействия продавцов и покупателей в небольших магазинах пешей доступности была разрушена с появлением гипермаркетов. Работник крупного магазина сегодня не в состоянии запомнить предпочтения и интересы приходящих к нему покупателей, что уменьшает шансы хоть на какой-то диалог. Для многих лиц старшего возраста, да и просто одиноких людей разговор

с продавцом в магазине может быть единственным шансом пообщаться с человеком на протяжении дня. С дальнейшей роботизацией «рутинных профессий» продавцов и кассиров эти шансы будут стремиться к нулю. Представляется, что такое кратковременное социальное взаимодействие (*small talk*) крайне важно для поддержания психологического самочувствия граждан и противодействия процессам атомизации общества. Если появление пунктов выдачи заказов позволит хотя бы частично восполнить недостаток социального взаимодействия, значит, наше общество — на верном пути.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Законопроект № 959244-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/959244-8> (дата обращения: 10.07.2025).
2. Законопроект № 959248-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/959248-8> (дата обращения: 10.07.2025).
3. Правительство поручило Минэкономразвития разработать закон «О платформенной экономике» // Минэкономразвития России: [сайт]. 2024. [Электронный ресурс]. — URL: https://economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_poruchilo_minekonomrazvitiya_razrabotat_zakon_o_platformennoy_ekonomike.html (дата обращения: 10.07.2025).
4. АКИТ: Сумма онлайн-покупок москвичей в 2024 году превысила 1,5 трлн рублей // Агентство городских новостей «Москва»: [сайт]. 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://mskagency.ru/materials/3454833> (дата обращения: 10.07.2025).
5. Законопроект № 1015918-7 // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1015918-7> (дата обращения: 10.07.2025).
6. Законопроект № 445923-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8> (дата обращения: 10.07.2025).
7. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «Консультант Плюс».
8. Блинова Ю.В., Утемова К.В. О некоторых проблемах правового регулирования маркетплейсов в России // Экономика. Социология. Право. 2024. № 1 (33). С. 71–76.
9. Высогурская Т.В. Правовое регулирование маркетплейсов: на примере Wildberries // Время науки. 2023. № 4. С. 37–43.
10. Дементьева М.В. Проблемы правового регулирования маркетплейсов в России: на примере Wildberries // Архонт. 2023. Т. 36. № 3. С. 102–106.
11. Ильяшенко С.Б., Депутатова Е.Ю., Куришева О.А. Ключевые проблемы торговли на маркетплейсах // Экономические системы. 2023. Т. 16. № 4. С. 60–72.
12. Фоменко Д.А. Инвестиционные платформы и маркетплейсы как субъекты антимонопольного регулирования: проблемы и перспективы в контексте законодательных нововведений // Конкурентное право. 2024. № 1. С. 6–9.
13. Василевская Л.Ю., Рожкова М.А. Оказание электронных услуг онлайн-классифайдами: проблемы правовой регламентации // Хозяйство и право. 2020. № 11. С. 41–50.
14. Басманова Е.С. Интернет-сайт как объект имущественных прав: автореф. дис.... канд. юр. наук: 12.00.03 — Гражданское право, семейное право, предпринимательское право, международное частное право. М.: ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации, 2010.
15. Дейнеко А.Г. Основные подходы к правовому регулированию отношений, складывающихся в пространстве цифровых платформ и метавселенных // Вестник Московского университета. Сер. 26: Государственный аудит. 2024. № 3. С. 125–138. DOI: 10.55959/MSU2413-631X-27-15-3-09
16. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 14 октября 2024 г.) «О защите конкуренции» // СПС «Консультант Плюс».
17. Положение о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 2388, в ред. от 3 апреля 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».
18. Правила предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2019 г. № 529, в ред. от 22 ноября 2022 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2023 г.) // СПС «Консультант Плюс».
19. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 8 августа 2024 г.) «О защите прав потребителей» // СПС «Консультант Плюс».
20. Васильева А.В. Проблема соблюдения прав потребителей в условиях дистанционной торговли через

- маркетплейсы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. № 1 (13). С. 139–145.
21. Лопатина С.В. Применение альтернативных способов урегулирования споров маркетплейсами (информационными посредниками) в качестве альтернативы судопроизводству // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 19–22.
 22. Чеботарева А.А. Электронная коммерция: стратегические направления государства в развитии и проблемы правового регулирования // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2 (55). С. 51–58.
 23. Пользовательские соглашения Али Экспресс Россия. [Электронный ресурс]. — URL: <https://business.aliexpress.ru/legal-docs> (дата обращения: 10.07.2025).
 24. Пользовательские соглашения Wildberries. [Электронный ресурс]. — URL: <https://legal.wildberries.ru> (дата обращения: 10.07.2025).
 25. Пользовательские соглашения Lamoda. [Электронный ресурс]. — URL: <https://lamoda.ru/lp/termservice> (дата обращения: 10.07.2025).
 26. Пользовательские соглашения Ozon. [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.ozon.ru/legal> (дата обращения: 10.07.2025).
 27. Пользовательские соглашения «Яндекс.Маркет». [Электронный ресурс]. — URL: https://yandex.ru/legal/market_termsofuse (дата обращения: 10.07.2025).
 28. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека от 7 февраля 2025 г. № Пр-248. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76233> (дата обращения: 10.07.2025).
 29. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Консультант Плюс».
 30. Онлайн-продавцы объединились с сетями против скидок на Wildberries и Ozon. [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. 2025. — URL: https://rbc.ru/technology_and_media/04/07/2025/686699fd9a79475a6ca0c53b (дата обращения: 10.07.2025).
 31. Информационное право: учебник для вузов / М.А. Федотов, М.А. Борисов, Р.А. Будник и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 868 с.
 32. Борисенко Д.Ю. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав в России и за рубежом // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53. № 2. С. 90–103. DOI: 10.17323/tis.2025.27370
 33. Гайдаенко А.А. Гражданско-правовая охрана товарных знаков, используемых на маркетплейсах // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 92–104.
 34. Козинец Н.В. Правовое регулирование деятельности маркетплейсов: актуальные проблемы // Закон и власть. 2023. № 1. С. 29–31.
 35. Малюшев А.В., Синельникова В.Г. Ответственность маркетплейсов за нарушения интеллектуальных прав // Legal Bulletin. 2023. № 1. С. 87–96.
 36. Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов (редакция № 3, утв. Комиссией по созданию условий саморегулирования в электронной торговле в Российской Федерации, протокол № 15-689 от 19 сентября 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».
 37. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 7 апреля 2025 г.) // СПС «Консультант Плюс».
 38. Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2025 г.) «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

REFERENCES

1. Zakonoproekt No. 959244-8 // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti: [sait]. 2025. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/959244-8> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
2. Zakonoproekt No. 959248-8 // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti: [sait]. 2025. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/959248-8> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
3. Pravitel'stvo poruchilo Minekonomrazvitiya razrabotat' zakon "O platformennoj ekonomike" // Minekonomrazvitiya Rossii: [sait]. 2024. — [Elektronnyj resurs]. — URL: https://economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_poruchilo_minekonomrazvitiya_razrabotat_zakon_o_platformennoj_ekonomike.html (data obrashcheniya: 10.07.2025).
4. AKIT: Summa onlajn-pokupok moskvichej v 2024 godu prevysila 1,5 trln rub // Agentstvo gorodskih novostej "Moskva": [sait]. 2025. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://mskagency.ru/materials/3454833> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
5. Zakonoproekt No. 1015918-7 // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti: [sait]. 2025. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1015918-7> (data obrashcheniya: 10.07.2025).

6. Zakonoproekt No. 445923-8 // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti: [sajt]. 2025. [Elektronnyj resurs] — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
7. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 No. 309 "O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda" // SPS "Konsul'tant Plyus".
8. Blinova Y.V., Utemova K.V. O nekotoryh problemah pravovogo regulirovaniya marketplejsov v Rossii // *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*. 2024. No 1 (33). P. 71–76.
9. Vysogurskaya T.V. Pravovoe regulirovanie marketplejsov: na primere Wildberries // *Vremya nauki*. 2023. No. 4. P. 37–43.
10. Dement'eva M.V. Problemy pravovogo regulirovaniya marketplejsov v Rossii: na primere Wildberries // *Arhont*. 2023. Vol. 36. No. 3. P. 102–106.
11. Il'yashenko S.B., Deputatova E.Y., Kurisheva O.A. Klyuchevye problemy trgovli na marketplejsah // *Ekonomicheskie sistemy*. 2023. Vol. 16. No. 4. P. 60–72.
12. Fomenko D.A. Investicionnye platformy i marketplejisy kak sub"ekty antimonopol'nogo regulirovaniya: problemy i perspektivy v kontekste zakonodatel'nyh novovvedenij // *Konkurentnoe pravo*. 2024. No. 1. P. 6–9.
13. Vasilevskaya L.Y., Rozhkova M.A. Okazanie elektronnyh uslug onlajn-klassifajdami: problemy pravovoj reglamentacii // *Hozyajstvo i pravo*. 2020. No. 11. P. 41–50.
14. Basmanova E.S. Internet-sajt kak ob"ekt imushchestvennyh prav: avtoref. dis.... kand. jur. nauk: 12.00.03 — *Grazhdanskoe pravo, semejnoe pravo, predprinimatel'skoe pravo, mezhdunarodnoe chastnoe pravo*. M.: IZiSP pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2010.
15. Dejneko A.G. Osnovnye podhody k pravovomu regulirovaniyu otnoshenij, skladyvayushchihsya v prostranstve cifrovyyh platform i metavselennyh // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 26: Gosudarstvennyj audit. 2024. No. 3. P. 125–138. DOI: 10.55959/MSU2413-631X-27-15-3-09
16. Federal'nyj zakon ot 26.07.2006 No. 135-FZ (red. ot 14.10.2024) "O zashchite konkurencii" // SPS "Konsul'tant Plyus".
17. Polozhenie o edinoj cifrovoj platforme Rossijskoj Federacii "GosTekh" (utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 16.12.2022 No. 2388, v red. ot 03.04.2024) // SPS "Konsul'tant Plyus".
18. Pravila predostavleniya subsidij rossijskim organizacijam na vozmeshchenie chasti zatrat na razrabotku cifrovyyh platform i programmyh produktov v celyah sozdaniya i (ili) razvitiya proizvodstva vysokotekhnologichnoj promyshlennoj produkcii (utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30.04.2019 No. 529, v red. ot 22.11.2022, s izm. i dop., vstup. v silu s 1.01.2023) // SPS "Konsul'tant Plyus".
19. Zakon Rossijskoj Federacii ot 7.02.1992 No. 2300-1 (red. ot 8.08.2024) "O zashchite prav potrebitelej" // SPS "Konsul'tant Plyus".
20. Vasil'eva A.V. Problema soblyudeniya prav potrebitelej v usloviyah distancionnoj trgovli cherez marketplejisy // *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij*. 2024. No. 1 (13). P. 139–145.
21. Lopatina S.V. Primenenie al'ternativnyh sposobov uregulirovaniya sporov marketplejsami (informacionnymi posrednikami) v kachestve al'ternativy sudoproizvodstvu // *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*. 2023. No. 8. P. 19–22.
22. Chebotareva A.A. Elektronnyaya kommerciya: strategicheskie napravleniya gosudarstva v razvitii i problemy pravovogo regulirovaniya // *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. 2019. No. 2 (55). P. 51–58.
23. Pol'zovatel'skie soglasheniya Ali Ekspres Rossiya. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://business.aliexpress.ru/legal-docs> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
24. Pol'zovatel'skie soglasheniya Wildberries. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://legal.wildberries.ru> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
25. Pol'zovatel'skie soglasheniya Lamoda. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://lamoda.ru/lp/termservice> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
26. Pol'zovatel'skie soglasheniya Ozon. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://docs.ozon.ru/legal> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
27. Pol'zovatel'skie soglasheniya "Yandeks.Market". [Elektronnyj resurs]. — URL: https://yandex.ru/legal/market_termsfuse (data obrashcheniya: 10.07.2025).
28. Perechen' poruchenij Prezidenta Rossijskoj Federacii po itogam zasedaniya Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka ot 7.02.2025 No. Pr-248. [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76233> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
29. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 No 149-FZ (red. ot 24.06.2025) "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" // SPS "Konsul'tant Plyus".
30. Onlajn-prodavcy ob"edinilis' s setyami protiv skidok na Wildberries i Ozon. [Elektronnyj resurs] // RBK [sajt]. 2025. — URL: https://rbc.ru/technology_and_media/

- 04/07/2025/686699fd9a79475a6ca0c53b (data obrashcheniya: 10.07.2025).
31. Informacionnoe pravo: uchebnik dlya vuzov / M.A. Fedotov, M.A. Borisov, R.A. Budnik i dr. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2023. 868 s.
 32. Borisenko D.Y. Otvetstvennost' marketplejsov za narushenie isklyuchitel'nyh prav v Rossii i za rubezhom // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 53. No. 2. P. 90–103. DOI: 10.17323/tis.2025.27370
 33. Gajdaenko A.A. Grazhdansko-pravovaya ohrana tovarnyh znakov, ispol'zuemyh na marketplejsah // Voprosy rossijskoj yusticii. 2022. No. 21. P. 92–104.
 34. Kozinec N.V. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti marketplejsov: aktual'nye problem // Zakon i vlast'. 2023. No. 1. P. 29–31.
 35. Malyushev A.V., Sinel'nikova V.G. Otvetstvennost' marketplejsov za narusheniya intellektual'nyh prav // Legal Bulletin. 2023. No 1. P. 87–96.
 36. Standarty po vzaimodejstviyu marketplejsov s vladel'cami punktov vydachi zakazov (redakciya No. 3, utv. Komissiej po sozdaniyu uslovij samoregulirovaniya v elektronnoj trgovle v Rossijskoj Federacii, protokol No. 15-689 ot 19.09.2024) // SPS "Konsul'tant Plyus".
 37. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 No. 197-FZ (red. ot 7.04.2025) // SPS "Konsul'tant Plyus".
 38. Federal'nyj zakon ot 12.12.2023 No. 565-FZ (red. ot 8.08.2024, s izm. i dop., vstup. v silu s 1.03.2025) "O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tant Plyus".

ПИСЬМЕННОЕ СОГЛАСИЕ НА ОБРАБОТКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

WRITTEN CONSENT TO THE PROCESSING OF PERSONAL DATA IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Егор Викторович СМОРОДИНОВ

АО «Вкусвилл», Москва, Россия,
evsmorodinov@edu.hse.ru,
ORCID: 0000-0002-6393-4383

Информация об авторе

Е.В. Смородинов — юрист по персональным данным (DPO) АО «Вкусвилл», магистр юриспруденции

Аннотация. Согласие — универсальное основание обработки персональных данных. Его повсеместное использование владельцами интернет-сервисов обусловлено отсутствием формально определенных требований к форме и содержанию. Между тем для обработки отдельных категорий персональных данных необходимо получить согласие в письменной форме, соответствующее определенным законом требованиям. В работе рассматриваются требования российского законодательства к форме и содержанию письменного согласия, а также их влияние на практики владельцев интернет-сервисов в сфере b2c (business to consumer), осуществляющих обработку специальных категорий персональных данных и биометрии, а именно на практики страховых и телемедицинских организаций, владельцев сервисов подбора психологов и сервисов знакомств.

Исследование выявляет основные сложности, связанные с соблюдением требований закона, такие как невозможность изменить перечень лиц, обрабатывающих персональные данные по поручению оператора, без получения нового письменного согласия, сбор излишних персональных данных исключительно для исполнения требований к письменному согласию, затраты на автоматизацию формирования, сбора и учета согласий. Указанные сложности обуславливают отказ владельцев интернет-сервисов в сфере b2c от использования письменных согласий даже в случаях, когда получение письменного согласия необходимо.

- На основе анализа практик владельцев интернет-сервисов предлагаются рекомендации по со-
- вершенствованию законодательства, направленные на упрощение требований к письменному согласию.
- Реализация этих рекомендаций позволит операторам
- снизить административные барьеры и увеличить привлекательность для потребителей сервисов, обрабатывающих специальные категории персональных данных
- и биометрию.

- **Ключевые слова:** персональные данные, согласие
- в письменной форме, специальные категории персональных данных, электронная коммерция

- **Для цитирования:** Смородинов Е.В. Письменное согласие на обработку персональных данных в цифровой среде // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 22–34; DOI: 10.17323/tis.2025.27960

- **Egor V. SMORODINOV**
Vkusvill JSC, Moscow, Russia,
evsmorodinov@edu.hse.ru,
• ORCID: 0000-0002-6393-4383

Information about the author

- E.V. Smorodinov — Lawyer for Personal Data (DPO) of
Vkusvill JSC, Master of Law

- **Abstract.** Consent is a universal condition for the processing of personal data. Its widespread use by online service providers in Russia is caused by lack of formally defined requirements for its form and content. Meanwhile, in
- order to process special categories of personal data, it is necessary to obtain written consent in accordance with the requirements defined by Russian legislation. The paper
- examines the requirements of Russian legislation on the form

and content of written consent, as well as their impact on the practices of b2c online service providers, processing special categories of personal data, including insurance and telemedicine organizations, providers of therapy and dating applications. The study reveals the main difficulties with personal data laws compliance, such as the inability to change the list of processors without obtaining a new written consent, the collection of unnecessary personal data solely for the purpose of fulfilling the requirements for written consent, the costs of automating the creation, collection and accounting of consents. These difficulties cause the b2c online service providers to refuse to use written consents, even in cases where obtaining written consent is necessary. Based on the analysis of the practices of online service providers, recommendations are proposed for simplifying the requirements for written consent. The implementation of these recommendations will allow operators to reduce administrative barriers and increase the attractiveness of services that process sensitive personal data for consumers.

Keywords: personal data, written consent, special categories of personal data, e-commerce

For citation: Smorodinov E.V. Written Consent to the Processing of Personal Data in the Digital Environment // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 54 (3). P. 22–34; DOI: 10.17323/tis.2025.27960

ВВЕДЕНИЕ

Согласие на обработку персональных данных является единственным универсальным легитимирующим основанием для любого сбора, использования или иных видов обработки персональных данных [1]. По общему правилу согласие может быть получено в любой форме и любым способом. Это позволяет операторам персональных данных использовать согласие субъектов повсеместно, в том числе «для подстраховки», даже в случаях, когда обработка может осуществляться на альтернативном согласии основании. Указанный подход обеспечил широкую распространенность согласий на обработку персональных данных в сфере электронной коммерции.

Тем не менее для обработки, в частности, специальных категорий персональных данных и биометрии оператору недостаточно получить обычное согласие субъекта. Для обработки таких данных требуется согласие, которое соответствует ч. 4 ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон 152-ФЗ) [2]. Хотя соответствующее ч. 4 ст. 9 Закона № 152-ФЗ согласие в литературе называется согласием в письменной форме, оно может быть получено в форме электронного документа. Поэтому операторы, обрабатывающие специальные категории персональных данных и биометрию в рамках интернет-сервисов, также могут использовать согласие в качестве основания для обработки персональных данных, но при условии соблюдения ряда требований. Тем не менее согласие в письменной форме указанными операторами используется крайне редко.

В фокусе статьи — вопрос о том, какое влияние существующее законодательство о персональных данных оказывает на интернет-сервисы, осуществляющие сбор и обработку специальных категорий персональных данных и биометрии. Цель статьи — оценить роль письменного согласия в форме электронного документа как основания для обработки специальных категорий персональных данных в сфере электронной коммерции для поиска путей совершенствования отечественного законодательства о персональных данных.

ПИСЬМЕННОЕ СОГЛАСИЕ КАК ОСНОВАНИЕ, ЛЕГИТИМИРУЮЩЕЕ ОБРАБОТКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Действующие требования к письменному согласию на обработку персональных данных были оформлены в 2011 г. в связи со вступлением в силу Федерального закона от 25.07.2011 № 261-ФЗ и с того момента в ответ на развитие сферы электронной коммерции не изменялись. Данные требования можно разделить на требования к форме и требования к содержанию согласия.

Так, письменное согласие должно быть составлено на бумажном носителе и подписано собственноручно субъектом. Альтернативно, письменное согласие может быть получено в форме электронного документа, подписанного электронной подписью.

Требованием к содержанию письменного согласия является обязательное включение в текст согласия ряда реквизитов, в числе которых:

- фамилия, имя, отчество, адрес и данные документа, удостоверяющего личность субъекта;
- аналогичные данные представителя субъекта, если согласие дает представитель;
- наименование или фамилия, имя и отчество, адрес лица, осуществляющего обработку персональных данных по поручению оператора, если обработка будет поручена такому лицу;
- иные реквизиты, обеспечивающие соответствие согласия требованиям конкретности, информированности, сознательности и однозначности.

Закон дает операторам механизм сбора письменных согласий через интернет путем формирования под каждого пользователя интернет-сервиса отдельного электронного документа с текстом согласия и подписания его электронной подписью. Тем не менее реализация данного механизма на практике приносит ряд издержек и дополнительных рисков, делающих использование письменного согласия как основания обработки персональных данных в b2c-проектах нецелесообразным.

1. Согласие в письменной форме должно формироваться под каждого субъекта персональных данных. Поскольку в ч. 4 ст. 9 Закона 152-ФЗ установлены требования к содержанию согласия, оператору недостаточно получить фамилию, имя и отчество субъекта, его адрес и данные документа, удостоверяющего личность. Эти сведения должны быть включены в текст согласия. Нарушение требований к составу сведений, включаемых в письменное согласие, влечет ответственность по ч. 2 ст. 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях [3] (размер штрафа за отсутствие одного из обязательных реквизитов согласия тот же, что и за обработку персональных данных в отсутствие согласия).

Отметим сразу два момента. Оператору необходимо понести дополнительные затраты на работников, заполняющих согласия вручную, либо на автоматизацию процесса формирования согласий под каждого субъекта. Также далеко не всегда для предоставления субъекту услуг, предполагающих сбор специальных категорий персональных данных, оператору необходимы адрес регистрации субъекта и его паспортные данные. Включение данных сведений в текст согласия приводит к сбору и обработке излишних персональных данных, что критикуется рядом исследователей [4, 5]. Необходимость сбора дополнительных данных, особенно паспортных данных, помимо прочего снижает конверсию проекта, ограничивает потенциальное количество людей, которые будут готовы воспользоваться услугами проекта [6], а также повышает ущерб, наносимый субъекту в случае утечки, позволяя связать «утекшие» специальные категории персональных данных либо биометрию с конкретным физическим лицом.

2. Оператор обязан вести учет полученных им согласий в письменной форме. В соответствии с ч. 3 ст. 9 Закона 152-ФЗ на оператора возложено бремя доказывания наличия согласия на обработку персональных данных субъекта. Поскольку по общему правилу согласие может быть получено в любой форме и любым способом при условии, что оно соответствует требованиям ч. 1 ст. 9 Закона № 152-ФЗ, операторы свободны в способах доказывания факта получения «обычного» согласия.

Таковыми доказательствами могут выступать, например, лог-файлы, свидетельствующие об активации субъектом чек-бокса согласия на обработку его персональных данных, совершение субъектом действий на сайте, которое невозможно без предоставления владельцу сайта согласия на обработку персональных данных субъекта [1]. Такая свобода в вопросах доказывания позволяет ограничиться простым логированием действий пользователей сайта и не требует от операторов создавать систему учета предоставленных субъектами согласий.

Поскольку к письменному согласию предъявляются требования по содержанию и форме, оператору необходимо доказать не просто факт получения согласия, но факт получения согласия, соответствующего требованиям ч. 4 ст. 9 Закона № 152-ФЗ. Таким образом, оператору, собирающему письменные согласия в форме электронного документа, нужна система учета таких согласий, внедрение которой потребует дополнительных затрат, приведет к созданию дополнительной информационной системы персональных данных, чем увеличит риски утечки персональных данных в организации.

3. Оператор обязан включить в текст согласия в письменной форме реквизиты лиц, осуществляющих обработку персональных данных по поручению, и повторно собирать согласие после изменения перечня обработчиков. Одним из обязательных элементов согласия в письменной форме являются реквизиты лиц, осуществляющих обработку персональных данных по поручению оператора (далее — обработчики). В связи с этим нарушениями являются:

- составление письменного согласия без включения в его текст реквизитов обработчиков либо передача персональных данных для обработки по поручению лицу, чьи реквизиты не указаны в тексте согласия [7–10];
- включение в письменное согласие ссылки на перечень обработчиков, размещенный на сайте оператора [11].

Любое изменение в перечне обработчиков обязывает оператора получать письменное согласие повторно. Иное справедливо для «обычного» согласия. Оператор свободен в определении способов информирования субъекта об обработчиках, в том числе может размещать их перечень на своем сайте, обновлять его без необходимости получать согласие субъекта повторно [11].

Столь ограничивающий операторов подход, применимый к письменному согласию, является значительной проблемой. Необходимо понимать, что ни один современный проект в сфере электронной коммерции не обходится без привлечения обработчиков, таких как хостинг-провайдеры, провайдеры метрических систем и иной аналитики, контекстной рекламы. Функционирование таких проектов не обходится без аутсорсинга даже центральных бизнес-процессов. Так, работа телемедицинских организаций и медицинских страховых организаций невозможна без привлечения медицинских организаций-партнеров, оказывающих очные медицинские услуги.

Существующий подход законодателя и регулятора, требующий от оператора не только указывать в тексте согласия перечень обработчиков, но и заново получать согласие в случае изменения этого перечня, «привязывает» операторов к текущим бизнес-партнерам, препятствует масштабированию проектов путем привлечения новых партнеров-обработчиков, привносит риск невозможности осуществления деятельности проекта на период с момента смены ключевого обработчика (такого, как хостинг-провайдер) до повторного получения от субъектов согласий с измененным перечнем обработчиков.

4. В соответствии с легальным толкованием Закона № 152-ФЗ согласие в письменной форме должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью. Из буквального толкования закона следует, что письменное согласие в форме элек-

тронного документа может быть подписано любой электронной подписью, установленной законом. Тем не менее указанная позиция не столь однозначна.

Действующая редакция ч. 4 ст. 9 Закона 152-ФЗ появилась в 2011 г., уже после принятия, но до вступления в силу Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее — ФЗ «Об электронной подписи») [12]. Такая хронология вступления в силу указанных изменений породила неопределенность в части распространения на ч. 4 ст. 9 Закона № 152-ФЗ переходных положений ч. 3 ст. 19 ФЗ «Об электронной подписи»: «В случаях, если федеральными законами, вступившими в силу до 1 июля 2013 г., предусмотрено использование электронной цифровой подписи, используется усиленная квалифицированная электронная подпись ...»

Из публичных разъяснений Роскомнадзора следует, что указанные переходные положения следует применять и к ч. 4 ст. 9 Закона № 152-ФЗ, в связи с чем согласие должно подписываться усиленной квалифицированной электронной подписью [13]. Отметим, что в более поздних, но частных разъяснениях ведомство скорректировало свою позицию, допустив использование вместо квалифицированной подписи простую электронную [14], однако обозначенная публично позиция скорректирована так и не была.

Позиция о допустимости подписания согласий простой электронной подписью разделяется как территориальными управлениями ведомства, так и судами [15]. Тем не менее единственное легальное толкование закона скорректировано не было, что позволяет говорить о сохранении неопределенности и риске изменения практики регулятора и судов в сторону запрета на подписание письменного согласия простой электронной подписью.

Вывод. Таким образом, письменное согласие не является удобным для операторов легитимирующим основанием для обработки персональных данных при его предоставлении в форме электронного документа.

Важно отметить, что каждый из рассмотренных в разделе нюансов работы с письменными согласиями преодолим. На рынке присутствуют решения как по автоматическому формированию документов, так и по учету согласий на обработку персональных данных. При этом внедрение таких решений не влияет значительно на пользовательский путь субъекта персональных данных, в том числе благодаря использованию простой электронной подписи (представляющей собой зачастую сочетание логина и пароля) для подписания согласий.

Тем не менее значительно затрудняют использование письменного согласия требования по сбору дополнительных персональных данных субъекта и необходимость повторного получения согласия при

изменении перечня обработчиков. Иными словами, использование письменного согласия снижает конверсию проекта, приводит к излишнему накоплению персональных данных, ограничивает возможности масштабирования бизнеса и приносит риск остановки работы проекта при смене ключевых обработчиков.

Из рассмотрения требований к письменному согласию становится очевидно, что только два из всех предусмотренных законодательством РФ требований к письменному согласию способствуют защите прав субъектов, а именно :

- требование указывать информацию о процессе обработки (цель, способы и сроки обработки, перечень обрабатываемых персональных данных, реквизиты обработчиков);
- требование повторно получать согласие при изменении перечня обработчиков.

При этом первое требование к письменному согласию фактически предъявляется и к «обычному» согласию, поскольку отсутствие этих сведений в согласии (если оно составлено отдельным документом) или в политике конфиденциальности (если согласие не составлено отдельным документом, а субъект соглашается на обработку персональных данных на условиях политики) нарушило бы принцип информированности согласия. Второе требование предоставляет субъекту персональных данных минимальный контроль за тем, каким лицам будут раскрыты его персональные данные. Тем не менее на практике отказ субъекта от предоставления согласия на обработку его персональных данных при смене перечня обработчиков будет означать невозможность использования субъектом сервиса оператора, ведь согласие в подавляющем большинстве случаев является условием предоставления субъекту сервисов [16, 17].

Это сводит к минимуму ценность письменного согласия как инструмента защиты прав субъектов персональных данных. Вот почему заслуживают критики позиции тех исследователей, которые заявляют о необходимости распространить обязательное предоставление письменных согласий, например, на случаи обработки персональных данных нейросетями [18], или на всю обработку, осуществляемую на основании согласия [19, 20].

АНАЛИЗ ПРАКТИК ОПЕРАТОРОВ, ОБРАБАТЫВАЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ

Чтобы оценить влияние обозначенных особенностей работы с письменными согласиями при их сборе

в форме электронных документов, недостаточно теоретического анализа. Необходимо рассмотреть практики операторов по легитимации обработки персональных данных. Обработка специальных категорий персональных данных может осуществляться рядом интернет-сервисов, например сервисами знакомств, форумами, интернет-сервисами, обрабатывающими сведения о состоянии здоровья (сервисами страховых организаций, телемедицинскими сервисами, сервисами подбора психологов).

В ходе анализа пользовательского пути указанных интернет-сервисов, рассмотрения текста политик обработки персональных данных и согласий, собираемых посредством сервиса, было выделено три основных подхода к легитимации обработки специальных категорий персональных данных:

- получение согласия, не соответствующего требованиям ч. 4 ст. 9 Закона № 152-ФЗ, для обработки специальных категорий персональных данных;
- легитимация обработки персональных данных с использованием альтернативных согласию оснований обработки;
- игнорирование факта сбора специальных категорий персональных данных.

ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСЫ СТРАХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Интернет-сервисы страховых компаний позволяют организовать дистанционное взаимодействие между страховщиком, страхователем, застрахованным лицом и лицом, имеющим право на страховое возмещение. Интернет-сервисы могут использоваться страховщиками для сбора сведений о наступлении страхового случая, для получения страхового возмещения, в том числе для записи в медицинскую организацию при получении медицинской помощи по полису добровольного медицинского страхования (далее также — ДМС).

Для получения этих сведений страховщики используют мобильные приложения и специальные формы сбора сведений на сайтах страховщиков. Так, ООО СК «Сбербанк страхование» (далее — «Сберстрахование») собирает сведения о страховом случае через онлайн-помощника [21]. Аналогичный функционал есть в мобильном приложении СПАО «Ингосстрах» (далее — «Ингосстарх») [22], в мобильном приложении и на сайте АО «АльфаСтрахование» (далее — «АльфаСтрахование») [23]. Для использования всех трех сервисов необходимо предоставить согласие на обработку персональных данных, в том числе сведений о состоянии здоровья. Тем не менее ни одно из собираемых страховщиками согласий не соответствует требованиям, предъявляемым к пись-

менному согласию. Так, согласие, предоставляемое при оформлении полиса ДМС на сайте «СберСтрахования», не формируется под каждого субъекта и не содержит в своем тексте список обработчиков, а только ссылку на него [24]. Согласие, собираемое компанией «АльфаСтрахование» [25] на этапе оформления полиса ДМС, также не формируется под каждого субъекта и только отсылает к перечню обработчиков. Согласие, получаемое «Ингосстрахом», включено в текст договора ДМС, который субъект должен заполнить собственноручно. Соответственно, в тексте согласия присутствуют такие сведения, как фамилия, имя и отчество, паспортные данные субъекта, его адрес. Тем не менее в тексте указанного согласия нет перечня обработчиков и оно не подписывается электронной подписью, поскольку в соответствии с законом договор страхования в форме электронного документа может быть заключен исключительно конклюдентными действиями путем оплаты страхового полиса [26, ст. 6.1].

Таким образом, каждый из рассмотренных страховщиков использует согласие как основание для обработки персональных данных, в том числе персональных данных специальных категорий, являющихся сведениями о состоянии здоровья. Однако собираемые рассмотренными страховщиками согласия не являются письменными согласиями.

Необходимо отметить, что страховщики могут осуществлять обработку специальных категорий персональных данных на основании страхового законодательства [2, п. 8 ч. 2 ст. 10]. В связи с этим согласие не требуется, например, для сбора сведений о страховом случае от страхователя или выгодоприобретателя, поскольку обязанность по предоставлению указанных сведений прямо возложена на этих лиц законом [27, ст. 961].

Тем не менее не любой сбор или обмен персональными данными осуществляется страховщиками на основании предусмотренных законом прав и обязанностей. Так, взаимодействие страховщиков и медицинских организаций в рамках исполнения договоров ДМС построено на обмене реестрами данных, а именно реестрами застрахованных лиц и реестрами данных об услугах, оказанных медицинскими организациями застрахованным лицам. Первые позволяют страховщикам информировать медицинские организации о лицах, имеющих право обратиться за медицинской помощью. На основании вторых определяется вознаграждение медицинской организации по окончании отчетного периода, в котором она оказывала медицинские услуги застрахованным у страховщика лицам.

Реестры данных об услугах могут содержать информацию о дате и времени посещения застрахован-

ным лицом медицинской организации, об оказанных застрахованному услугах, о поставленном диагнозе с кодами международной классификации болезней. Получение от медицинских организаций указанных сведений для целей приемки и оплаты оказанных медицинскими организациями услуг прямо не предусмотрено страховым законодательством, в связи с чем из закона не следует, что обработка персональных данных в указанных целях может осуществляться на альтернативном письменному согласию основании.

Кроме того, страховые организации могут привлекать хостинг-провайдеров для хранения персональных данных застрахованных лиц, в том числе сведений о состоянии их здоровья. Например, рассмотренные выше страховщики, собирающие сведения о состоянии здоровья через свои сайты, прибегают к услугам хостинг-провайдеров. По данным reg.ru, сайт «АльфаСтрахования» размещен на серверах ПАО «МТС» [28], а сайт «СберСтрахования» — на серверах ООО «Облачные технологии» [29].

Таким образом, не все случаи обработки персональных данных о состоянии здоровья в рамках договоров страхования могут полноценно покрываться альтернативным письменному согласию основанием обработки. Тем не менее страховщики не спешат внедрять сбор письменных согласий в пользовательский путь своих мобильных приложений и сайтов, опираясь на обычные согласия для легитимации обработки персональных данных о состоянии здоровья застрахованных лиц.

ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСЫ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Интернет-сервисы телемедицинских организаций используются для коммуникации между телемедицинской организацией и заказчиком ее услуг. Как и страховые организации, телемедицинские организации осуществляют через интернет-сервисы сбор персональных данных специальных категорий, например, в ходе онлайн-консультаций с врачом, а также обмениваются персональными данными с лечебно-профилактическими учреждениями, чтобы принять оказанные пациенту лечебно-профилактическим учреждением услуги и предоставить пациенту доступ к результатам анализов и иных проведенных очно обследований.

Телемедицинские организации, как и страховые организации, могут использовать альтернативное согласию основание для обработки персональных данных в медико-профилактических целях, в целях установления медицинского диагноза, оказания медицинских и медико-социальных услуг [2, ст. 10, ч. 2,

п. 4]. Тем не менее осуществлять обработку по данному основанию могут только лица, обязанные сохранять врачебную тайну. Такими лицами в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» являются медицинские организации и медицинские работники. Из содержания закона неясно, могут ли иные сотрудники медицинской организации, не являющиеся медицинскими работниками, обрабатывать сведения о состоянии здоровья без согласия субъекта, ведь для раскрытия таким работникам сведений о состоянии здоровья в рамках режима врачебной тайны согласие на раскрытие врачебной тайны необходимо [30, ст. 13, ч. 3].

Поскольку телемедицинские сервисы предполагают дистанционное взаимодействие пациента и врача, записи онлайн-консультаций, чатов, отчетов врача могут быть доступны техническим специалистам для исправления ошибок в работе сервиса и его улучшения. Кроме того, доступ к персональным данным могут иметь сотрудники отдела контроля качества. Согласие на обработку сведений о состоянии здоровья в указанных целях получают, например, ООО «ДМО» (далее — «Доктис») [31] и ООО «Мобильные Медицинские Технологии» (далее — «Онлайн Доктор») [32].

Кроме того, из закона не следует, может ли телемедицинская организация передавать медицинским организациям-партнерам персональные данные на рассматриваемом альтернативном основании. Как и в случае с работниками медицинской организации, которые не являются врачами, для передачи сведений, составляющих врачебную тайну, другой медицинской организации необходимо получить согласие на раскрытие врачебной тайны от пациента. Однозначно, согласие на обработку сведений о состоянии здоровья необходимо в случае привлечения хостинг-провайдеров для хранения персональных данных пользователей телемедицинского сервиса.

Таким образом, подходящее для телемедицинских организаций альтернативное согласию основание может использоваться в более узком перечне случаев. В отличие от подходящего страховщикам основания, данное основание применимо исключительно при обработке персональных данных врачом и объективно не покрывает все случаи обработки персональных данных телемедицинской организацией и ее партнерами-обработчиками (прежде всего хостинг-провайдерами, такими как ООО «Яндекс» для ООО «Клиника Яндекс.Здоровье» (далее — «Яндекс.Здоровье») [33]).

Между тем телемедицинские организации не спешат получать от своих пользователей письменные

согласия. Если «Яндекс.Здоровье» прямо в своей политике указывает, что согласие на обработку персональных данных ему не требуется [34], то иные сервисы получают согласие, которое не соответствует требованиям ч. 4 ст. 9 Закона № 152-ФЗ. Так, ООО «ДокДок» (далее — «СберЗдоровье») собирает согласия [35] в момент записи на прием к врачу, однако это согласие не формируется под каждого субъекта, от чего не содержит обязательных для согласия реквизитов. Упомянутые выше «Доктис» и «Онлайн Доктор» собирают согласия в момент регистрации на сервисе. Эти согласия также не формируются под каждого субъекта персональных данных. Интересен подход ООО «Медицинская компания Доктор рядом», разместившего в форме регистрации незаполненное письменное согласие, пригодное для собственноручного подписания на бумаге [36]. Даже если бы эта форма письменного согласия наполнялась персональными данными пользователя по мере его регистрации, сформированное по факту регистрации согласие все равно не соответствовало бы требованиям закона, поскольку на сервисе не предусмотрено подписание документов простой электронной подписью [37].

СЕРВИСЫ ЗНАКОМСТВ И ПОДБОРА ПСИХОЛОГОВ

Сервисы знакомств и подбора психологов могут обрабатывать специальные категории персональных данных для лучшей персонализации, то есть подбора более подходящих пользователю партнеров и психологов. При этом могут собираться сведения о сексуальной ориентации, религиозных, философских и политических убеждениях, о состоянии здоровья, включая психологическое состояние. Хотя психологическое состояние прямо не упоминается в перечне персональных данных специальных категорий или в перечне сведений о состоянии здоровья, приведенном в ст. 22 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ, относить его к общим персональным данным было бы неверно. В связи с этим ряд исследователей включает психологическое состояние в специальные категории персональных данных [38]. Некоторые сервисы знакомств могут устанавливать личность своих пользователей, используя технологии распознавания лиц [39].

Из этого следует, что функционирование данных сервисов сопряжено с обработкой специальных категорий персональных данных. При этом данные сервисы объединяет то, что российский закон не позволяет им обрабатывать специальные категории персональных данных на альтернативных согласию основаниях.

В связи с этим владельцы данных сервисов обязаны получать письменные согласия своих пользователей для обработки их персональных данных.

Между тем ни один из владельцев рассмотренных ниже сервисов не получает письменных согласий своих пользователей. Вместо этого владельцы сервисов либо указывают на факт обработки специальных категорий персональных данных в своих политиках, игнорируя при этом российское законодательство, либо заявляют об отсутствии на сервисе сбора и обработки таких персональных данных, указывая на это в том числе в тексте политик обработки персональных данных.

К первой категории операторов относятся, например, Tinder LLC, владелец сервиса Tinder, и Online Classifieds AG, владелец сервиса Pure, являющиеся иностранными компаниями. Обе компании создали и опубликовали на своих ресурсах политики обработки сведений о состоянии здоровья [40, 41] во исполнение требований законодательства штатов Вашингтон и Невада, но при этом не внедрили на своих ресурсах механизмы формирования письменных согласий для соблюдения российского законодательства. Ко второй категории относятся сервисы, работающие преимущественно на территории РФ. К ним относятся, например, сервис «VK знакомства», владельцем которого является ООО «В Контакте». Сервис позволяет настроить фильтры выдачи анкет по цели знакомства и полу. В связке указанные настройки выдачи позволяют установить сексуальные предпочтения конкретного пользователя. Несмотря на это, в политике обработки персональных данных проекта факт сбора специальных категорий персональных данных не упоминается [42].

Аналогичную позицию занимают и владельцы российских сервисов подбора психологов, такие как Alter (ООО «Альтер») [43], «Ясно» (ООО «Ясно.лайф») [44], и «Мета» (ООО «Мета») [45]. Для подбора психолога на каждом из сервисов необходимо заполнить входную анкету и сообщить беспокоящие темы, которые хотелось бы обсудить с психологом. Интересна входная анкета сервиса Alter, содержащая такие варианты причин обращения, как: «Большую часть времени я чувствую себя подавленным», «У меня бывают панические атаки» и «У меня суицидальные мысли». Выбор пользователем сервиса варианта из предложенных позволяет оценить его психологическое состояние.

Тем не менее владельцы рассматриваемых сервисов не собирают с пользователей письменных согласий. Такой подход может быть аргументирован тем, что работа психологов не связана с оказанием медицинской помощи, психолог не является специ-

алистом, уполномоченным ставить медицинский диагноз. Поэтому сообщаемые психологу сведения (в том числе собранные посредством входных анкет) не являются анамнезом, а результат консультаций не является результатом оказания медицинской помощи. Однако такой подход не отменяет чувствительности природы собираемых такими сервисами данных и не учитывает, что перечень сведений о состоянии здоровья, закрепленный в законе, является открытым. Соответственно, в конкретном случае к сведениям о состоянии здоровья могут быть отнесены сведения о субъекте, не связанные с оказанием ему медицинских услуг. Иными словами, отказ сервисов подбора психологов от сбора письменных согласий порождает для их владельцев риск привлечения к ответственности за обработку персональных данных специальных категорий без законного основания.

Рассмотрение практик операторов, обрабатывающих специальные категории персональных данных в рамках b2c-сервисов, позволяет прийти к выводу, что такие операторы не легитимируют обработку специальных категорий персональных данных путем получения письменного согласия в форме электронного документа. Вместо получения согласия, соответствующего требованиям ч. 4 ст. 9 Закона № 152-ФЗ, операторы идут на риск привлечения к ответственности за обработку персональных данных без правового основания. Таким образом, предложенный законодателем механизм легитимации обработки, хотя и реализуем теоретически, на практике операторами не применяется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действующее законодательство существенно ограничивает возможность операторов, владеющих интернет-сервисами в сфере b2c, осуществлять обработку персональных данных специальных категорий и биометрии на основании письменного согласия субъектов в форме электронного документа. Существующие ограничения в целом преодолимы, тем не менее их достаточно, чтобы рассмотренные в работе операторы отказывались применять письменное согласие.

Между тем действующие нормы подталкивают операторов использовать согласия для легитимации обработки специальных категорий персональных данных и биометрии. Так, альтернативные согласия основания обработки специальных категорий персональных данных и биометрии не покрывают всех достаточно распространенных в сфере электронной коммерции случаев обработки. Альтернативных согласия оснований не предусмотрено для сервисов подбора психологов, дейтинговых приложений. Кро-

ме того, альтернативные согласию основания обработки персональных данных могут не покрывать всех существенных для оператора, владеющего интернет-сервисом, случаев обработки персональных данных. Так, ими не покрывается передача специальных категорий персональных данных и биометрии хостинг-провайдером, обеспечивающим работу интернет-сервисов и хранящим эти персональные данные по поручению оператора. Наконец, закон создает для операторов состояние неопределенности, поскольку не указывает прямо на возможность отказаться от согласий в пользу альтернативных оснований. В частности, из закона прямо не следует, что обработка персональных данных по поручению может осуществляться на альтернативных согласию основаниях. Также из закона неясно, требуется ли согласие для обмена между медицинскими организациями, между медицинскими организациями и страховщиками сведениями о состоянии здоровья пациента в целях оказания ему медицинских услуг. Операторы при этом далеко не всегда могут опираться на позиции регулятора и судебную практику из-за рисков изменения существующих подходов.

В результате складывается парадоксальная ситуация: операторы собирают с субъектов согласия, но без учета требований к письменному согласию. Из-за недостатков российского законодательства согласие сохраняет для операторов роль основного легитимизирующего основания. При этом операторы не готовы нести издержки по приведению согласий, собираемых через интернет, в соответствие законным требованиям. Этому способствует пассивность регулятора, снижающая риски привлечения операторов к ответственности и позволяющая откладывать комплаенс до момента получения требований регулятора об устранении нарушений законодательства, тем самым экономя на нем.

Важно понимать, что сами по себе требования к письменному согласию не способствуют защите интересов субъектов. На это указывает, например, отсутствие аналогичных требований в других правовых порядках, прежде всего в законодательстве Европейского Союза [46]. Как было показано выше, соблюдение требований к письменному согласию в форме электронного документа является прежде всего технической задачей, влияющей на пользовательский путь лишь в части предоставления субъектом дополнительных и зачастую излишних сведений о себе. Кроме того, текущая роль согласия как обязательного условия для получения услуг противоречит сути согласия как свободного волеизъявления субъекта и активно критикуется в литературе [16, 17]. В этом контексте отказ от письменного согласия как неэффективного инструмента защиты интересов субъек-

тов в пользу доработанных и расширенных оснований обработки персональных данных специальных категорий (в первую очередь) и биометрии воспринимается положительно, может способствовать развитию ряда отраслей электронной коммерции.

Тем не менее инициатива полной отмены требований к письменному согласию может критиковаться, поскольку потребует значительной реформы законодательства о персональных данных, внедрения реально работающих механизмов защиты прав субъектов. В связи с этим на текущем этапе возможна отмена наиболее обременительных для операторов положений, а именно требований к содержанию согласия. Из текста согласий относительно безболезненно могут быть исключены:

- реквизиты документа, удостоверяющего личность, как излишне собираемые персональные данные;
- перечень обработчиков персональных данных.

Требование о включении перечня обработчиков в текст согласия должно быть в таком случае заменено требованием об информировании субъекта об изменении перечня обработчиков. Вместе с тем субъекту может быть предоставлено право:

- запретить оператору передавать персональные данные новым обработчикам;
- в упрощенном порядке (через интерфейс сайта/приложения оператора) отозвать согласие при несогласии с изменениями в перечне обработчиков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Журавлев М.С. Защита персональных данных в телемедицине // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 72–84.
5. Калачев О.В., Сушильников И.С. Международный опыт использования персональных данных пациентов при телемедицинских консультациях // Военно-медицинский журнал. 2020. Т. 341. № 7. С. 54–56.
6. Malheiros M., Preibusch S. Sign-up or give-up: Exploring user drop-out in web service registration // Symposium on Usable Privacy and Security (SOUPS). 2013.
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2020 по делу № А40-48952/2020.

8. Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2021 № 09АП-9100/2021.
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2022 № 09АП-85268/2021 по делу № А40-205463/2021.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.01.2018 по делу № А40-81171/17-149-793.
11. Вебинар Роскомнадзора от 27 июля 2023 г. // [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/video-76229642_456239470 (дата обращения: 06.10.2024).
12. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
13. Вебинар Роскомнадзора от 26 ноября 2020 г. // [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/video-76229642_456239243 (дата обращения: 06.10.2024).
14. GDPR&152ФЗ | Коллеги, добрый день // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.facebook.com/groups/gdpr152/permalink/1128821184302321> (дата обращения: 06.10.2024).
15. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 03.06.2024 по делу № А56-26456/2024.
16. Bergemann B. The consent paradox: Accounting for the prominent role of consent in data protection // Privacy and Identity Management. The Smart Revolution: 12th IFIP WG 9.2, 9.5, 9.6/11.7, 11.6/SIG 9.2. 2nd International Summer School, Ispra, Italy, September 4–8, 2017 // Revised Selected Papers 12. 2018. С. 111–131.
17. Zuiderveen Borgesius F.J., Kruikemeier Sanne, Boerman Sophie, Helberger Natali. Tracking walls, take-it-or-leave-it choices, the GDPR, and the ePrivacy regulation // Eur. Data Prot. L. Rev. 2017. Т. 3. Р. 353.
18. Минбалева А.В., Сторожакова Е.Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 2 (102). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-ohrany-personalnyh-dannyh-v-protssesse-ispolzovaniya-neyronnyh-setey> (дата обращения: 08.03.2025).
19. Тарасова Ю.И., Плугарь Д.М. Некоторые проблемы законодательного регулирования защиты персональных данных // Криминалистика. 2023. № 3(44). С. 126–132.
20. Мазина Н.Е., Лазарева А.А. Правовое регулирование процедуры получения согласия на обработку персональных данных // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 г. Донецк: Донецкий государственный университет, 2024. С. 208–210.
21. Сберстрахование. Онлайн-помощник // [Электронный ресурс]. — URL: <https://sberbank-insurance.ru/online-helper/insurance-case> (дата обращения: 06.10.2024).
22. Ингосстрах. Страховой случай ДМС // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ingos.ru/incident/dms> (дата обращения: 06.10.2024).
23. АльфаСтрахование. Как получить медицинскую помощь при наступлении страхового случая // [Электронный ресурс]. — URL: https://www.alfastrah.ru/accident/need_medical_help/ (дата обращения: 06.10.2024).
24. Согласие на обработку персональных данных для посетителей сайта // [Электронный ресурс]. — URL: https://sberbank-insurance.ru/i/docs/political-personal-data_2.pdf (дата обращения: 06.10.2024).
25. Согласие на обработку персональных данных // [Электронный ресурс]. — URL: https://www.alfastrah.ru/docs/soglasie_pd.pdf (дата обращения: 06.10.2024).
26. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
27. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
28. Reg.ru. Whois-сервис // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.reg.ru/whois/?dname=www.alfastrah.ru&csrf=58eaf877b61e3a77b08f2c58da5af7c7> (дата обращения: 06.10.2024).
29. Reg.ru. Whois-сервис // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.reg.ru/whois/sberbankins.ru> (дата обращения: 06.10.2024).
30. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
31. Согласие на обработку персональных данных и сведений, отнесенных к врачебной тайне // [Электронный ресурс]. — URL: <https://fileserver.doctis.ru/content/personal-data-consent.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).
32. Согласие на обработку персональных данных и передачу информации, составляющей врачебную тайну // [Электронный ресурс]. — URL: <https://onlinedoctor.ru/privacy/contract2/> (дата обращения: 06.10.2024).
33. Reg.ru. Whois-сервис // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.reg.ru/whois/?dname=health.yandex.ru> (дата обращения: 06.10.2024).
34. Политика ООО «Клиника Яндекс.Здоровье» в отношении обработки персональных данных и сведения

о реализуемых требованиях к защите персональных данных // [Электронный ресурс]. — URL: https://yandex.ru/legal/kyz_privacy/ (дата обращения: 06.10.2024).

35. Согласие на обработку персональных данных при использовании сервиса записи «СберЗдоровье» // «ДокДок» // [Электронный ресурс]. — URL: <https://docdoc.ru/agreement> (дата обращения: 06.10.2024).
36. Согласие на обработку персональных данных // [Электронный ресурс]. — URL: <https://telemed-dr.ru/api/v1/document-agreements/4a9d7aa5-6645-4be6-a264-e5b65473fff2/attached-file> (дата обращения: 06.10.2024).
37. Пользовательское соглашение ООО «МК Доктор рядом» // [Электронный ресурс]. — URL: <https://telemed-dr.ru/api/v1/document-agreements/95b3cfe2-d769-4d19-8937-0f39e52f9d44/attached-file> (дата обращения: 06.10.2024).
38. Гафурова А.Х., Доротенко Е.В., Контемиров Ю.Е. Федеральный закон «О персональных данных»: научно-практический комментарий (постатейный). М.: Ред-я «Российской газеты», 2015. 175 с.
39. Как работает проверка фото? // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.help.tinder.com/hc/ru/articles/4422771431309-Как-работает-проверка-фото> (дата обращения: 06.10.2024).
40. Политика конфиденциальности данных о здоровье потребителей // [Электронный ресурс]. — URL: <https://policies.tinder.com/consumer-health-data-privacy-policy/intl/ru/?lang=ru> (дата обращения: 06.10.2024).
41. Pure's Consumer Health Data Privacy Policy // [Электронный ресурс]. — URL: <https://pure.app/content/en/legal/consumer-health-data-privacy-policy> (дата обращения: 06.10.2024).
42. Политика конфиденциальности VK Знакомства // [Электронный ресурс]. — URL: <https://dating.vk.com/legal/ru/privacy.html> (дата обращения: 06.10.2024).
43. Политика конфиденциальности ООО «Альтер» // [Электронный ресурс]. — URL: https://alter.ru/privacypolicy?alter_campaign=footer (дата обращения: 06.10.2024).
44. Политика в отношении обработки и защиты персональных данных на сервисе «Ясно» // [Электронный ресурс]. — URL: <https://yasno.live/personaldata> (дата обращения: 06.10.2024).
45. Политика конфиденциальности ООО «Мета» // [Электронный ресурс]. — URL: <https://bemeta.co/legal/politics> (дата обращения: 06.10.2024).
46. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональ-

ных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС // СПС «Консультант Плюс».

REFERENCES

1. Savel'ev A.I. Nauchno-prakticheskij postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu "O personal'nyh dannyh" // SPS "Konsul'tantPlyus".
2. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 No. 152-FZ "O personal'nyh dannyh" // SPS "Konsul'tant Plyus".
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 No. 195-FZ // SPS "Konsul'tant Plyus".
4. Zhuravlev M.S. Zashchita personal'nyh dannyh v telemedicine // Pravo. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki. 2016. No. 3. S. 72–84.
5. Kalachev O.V., Sushil'nikov I.S. Mezhdunarodnyj opyt ispol'zovaniya personal'nyh dannyh pacientov pri telemedicinskih konsul'tacijah // Voenno-medicinskij zhurnal. 2020. T. 341, No. 7. P. 54–56.
6. Malheiros M., Preibusch S. Sign-up or give-up: Exploring user drop-out in web service registration // Symposium on Usable Privacy and Security (SOUPS). 2013.
7. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 09.12.2020 po delu No. A40-48952/2020.
8. Postanovleniem Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 30.03.2021 No. 09AP-9100/2021.
9. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 28.03.2022 No. 09AP-85268/2021 po delu No. A40-205463/2021.
10. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 15.01.2018 po delu No. A40-81171/17-149-793.
11. Vebinar Roskomnadzora ot 27 iyulya 2023 g. // [Elektronnyj resurs]. — URL: https://vk.com/video-76229642_456239470 (data obrashcheniya: 06.10.2024).
12. Federal'nyj zakon "Ob elektronnoj podpisi" ot 06.04.2011 No. 63-FZ // SPS "Konsul'tant Plyus".
13. Vebinar Roskomnadzora ot 26 noyabrya 2020 g. // [Elektronnyj resurs]. — URL: https://vk.com/video-76229642_456239243 (data obrashcheniya: 06.10.2024).
14. GDPR&152FZ | Kollegi, dobryj den' // [Elektronnyj resurs] <https://www.facebook.com/groups/gdpr152/permalink/1128821184302321> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
15. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti ot 03.06.2024 po delu No. A56-26456/2024.

16. Bergemann B. The consent paradox: Accounting for the prominent role of consent in data protection // *Privacy and Identity Management. The Smart Revolution: 12th IFIP WG 9.2, 9.5, 9.6/11.7, 11.6/SIG 9.2. 2nd International Summer School, Ispra, Italy, September 4-8, 2017, Revised Selected Papers 12*. 2018. S. 111–131.
17. Zuiderveen Borgesius F.J., Kruikemeier Sanne, Boerman Sophie, Helberger Natali. Tracking walls, take-it-or-leave-it choices, the GDPR, and the ePrivacy regulation // *Eur. Data Prot. L. Rev.* 2017. T. 3. P. 353.
18. Minbaleev A.V., Storozhakova E.E. Problemy pravovoj ohrany personal'nyh dannyh v processe ispol'zovaniya nejronnyh setej // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 2023. No. 2 (102). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-ohrany-personalnyh-dannyh-v-protseesse-ispolzovaniya-nejronnyh-setej> (data obrashcheniya: 08.03.2025).
19. Tarasova Yu.I., Plugar' D.M. Nekotorye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya zashchity personal'nyh dannyh // *"Kriminalist"*. 2023. No 3(44). S. 126–132.
20. Mazina N.E., Lazareva A.A. Pravovoe regulirovanie procedury polucheniya soglasiya na obrabotku personal'nyh dannyh // *Doneckie chteniya 2024: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Doneck, 15–17 oktyabrya 2024 g. Doneck: Doneckij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 208–210.*
21. Sberstrahovanie. Onlajn-pomoshchnik // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://sberbank-insurance.ru/online-helper/insurance-case> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
22. Ingrosstrah. Strahovoj sluchaj DMS // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.ingos.ru/incident/dms> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
23. Al'faStrahovanie. Kak poluchit' medicinskuyu pomoshch' pri nastuplenii strahovogo sluchaya // [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.alfastrah.ru/accident/need_medical_help/ (data obrashcheniya: 06.10.2024).
24. Soglasie na obrabotku personal'nyh dannyh dlya posetitelej sajta // [Elektronnyj resurs]. — URL: https://sberbank-insurance.ru/i/docs/political-personal-data_2.pdf (data obrashcheniya: 06.10.2024).
25. Soglasie na obrabotku personal'nyh dannyh // [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.alfastrah.ru/docs/soglasie_pd.pdf (data obrashcheniya: 06.10.2024).
26. Zakon RF ot 27.11.1992 № 4015–1 "Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tant Plyus".
27. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii, chast' 2 (GK RF ch.2) ot 26 yanvarya 1996 g. No. 14-FZ // SPS "Konsul'tant Plyus".
28. Reg.ru. Whois-servis // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.reg.ru/whois/?dname=www.alfastrah.ru&csrf=58eaf877b61e3a77b08f2c58da5af7c7> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
29. Reg.ru. Whois-servis // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.reg.ru/whois/sberbankins.ru> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
30. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 No. 323-FZ "Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tant Plyus".
31. Soglasie na obrabotku personal'nyh dannyh i svedenij, otnesennyh k vrachebnoj tajne // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://fileserver.doctis.ru/content/personal-data-consent.pdf> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
32. Soglasie na obrabotku personal'nyh dannyh i peredachu informacii, sostavlyayushchej vrachebnuyu tajnu // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://onlinedoctor.ru/privacy/contract2/> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
33. Reg.ru. Whois-servis // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.reg.ru/whois/?dname=health.yandex.ru> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
34. Politika OOO "Klinika YAndeks.Zdorov'e" v otnoshenii obrabotki personal'nyh dannyh i svedeniy o realizuemym trebovaniyah k zashchite personal'nyh dannyh // [Elektronnyj resurs]. — URL: https://yandex.ru/legal/kyz_privacy/ (data obrashcheniya: 06.10.2024).
35. Soglasie na obrabotku personal'nyh dannyh pri ispol'zovanii servisa zapisi "SberZdorov'e" / "DokDok" // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://docdoc.ru/agreement> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
36. Soglasie na obrabotku personal'nyh dannyh // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://telemed-dr.ru/api/v1/document-agreements/4a9d7aa5-6645-4be6-a264-e5b65473fff2/attached-file> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
37. Pol'zovatel'skoe soglasenie OOO "MK Doktor ryadom" // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://telemed-dr.ru/api/v1/document-agreements/95b3cfe2-d769-4d19-8937-0f39e52f9d44/attached-file> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
38. Gafurova A.H., Dorotenko E.V., Kontemirov Yu.E. Federal'nyj zakon "O personal'nyh dannyh": nauchno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj). M.: Red. "Ros. Gazety", 2015. 175 s.
39. Kak rabotaet proverka foto? // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.help.tinder.com/hc/ru/articles/4422771431309-Kak-rabotaet-proverka-foto> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
40. Politika konfidential'nosti dannyh o zdorov'e potrebitelej // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://>

policies.tinder.com/consumer-health-data-privacy-policy/intl/ru/?lang=ru (data obrashcheniya: 06.10.2024).

41. Pure's Consumer Health Data Privacy Policy // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://pure.app/content/en/legal/consumer-health-data-privacy-policy> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
42. Politika konfidencial'nosti VK Znakomstva // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://dating.vk.com/legal/ru/privacy.html> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
43. Politika konfidencial'nosti ООО "Al'ter" // [Elektronnyj resurs]. — URL: https://alter.ru/privacypolicy?alter_campaign=footer (data obrashcheniya: 06.10.2024).
44. Politika v otnoshenii obrabotki i zashchity personal'nyh dannyh na servise "Yasno" // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://yasno.live/personaldata> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
45. Politika konfidencial'nosti ООО "Meta" // [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://bemeta.co/legal/politics> (data obrashcheniya: 06.10.2024).
46. Reglament Evropejskogo parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuza 2016/679 ot 27 aprelya 2016 g. o zashchite fizicheskikh lic pri obrabotke personal'nyh dannyh i o svobodnom obrashchenii takih dannyh, a takzhe ob otmene Direktivy 95/46/ES // SPS "Konsul'tant Plyus".

Научная статья

УДК: 347.121.2

DOI: 10.17323/tis.2025.27962

Original article

ПРАВО АВТОРСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ: К 30-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РОССИИ К БЕРНСКОЙ КОНВЕНЦИИ

RIGHT OF AUTHORITY AS AN ELEMENT OF THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL: ON THE 30TH ANNIVERSARY OF RUSSIA'S ACCESSION TO THE BERNE CONVENTION

Валерий Евгеньевич БЕЛОВ

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия,

gppois@rgiis.ru,

ORCID: 0009-0009-3597-1476

Информация об авторе

В.Е. Белов — профессор кафедры гражданского и предпринимательского права РГАИС, доктор юридических наук, доцент

Аннотация. Рассмотрены вопросы, касающиеся права авторства как личного неимущественного права, принадлежащего автору результата интеллектуальной деятельности. Показано, что право авторства не только играет системообразующую роль в отношении комплекса авторских прав, закрепленных в гражданском законодательстве, но и выполняет функцию связующего звена с личными неимущественными правами, составляющими конституционные основы правового статуса личности. Отмечена необходимость учета тесной взаимосвязи права авторства и иных личных неимущественных прав при защите гражданских прав.

- **Ключевые слова:** результат интеллектуальной деятельности, право авторства, личные неимущественные права, нематериальные блага, правовой статус личности, Бернская конвенция

- Исследование проведено в рамках выполнения НИР «Совершенствование судебной защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации и ее гармонизация с аналогичными системами стран — участниц ЕАЭС», согласно государственному заданию для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (3-ГЗ-2023).

- **Для цитирования:** Белов В.Е. Право авторства как элемент правового статуса личности: к 30-летию присоединения России к Бернской конвенции // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 35–42; DOI: 10.17323/tis.2025.27962

Valeriy E. BELOV

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow,
Russia,
gppois@rgiis.ru,
ORCID: 0009-0009-3597-1476

Information about the author

V.E. Belov — Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of RGAIS, Doctor of Law, Associate Professor

Abstract. The article examines issues related to the right of authorship as a personal non-property right belonging to the author of the result of intellectual activity. It is shown that the right of authorship not only plays a system-forming role in relation to the complex of copyrights enshrined in civil legislation, but also performs the function of a link with personal non-property rights that constitute the constitutional foundations of the legal status of an individual. The need to take into account the relationship between the right of authorship and other personal non-property rights in the protection of civil rights is noted.

Keywords: result of intellectual activity, copyright, personal non-property rights, intangible benefits, recognition of personality status, Berne Convention

The study was conducted as part of the research project "Improving the judicial protection of intellectual rights in the Russian Federation and its harmonization with similar systems of the EAEU member states", according to the state assignment for the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property" (3-GZ-2023).

For citation: Belov V.E. Right of Authority as an Element of the Legal Status of an Individual: on the 30th Anniversary of Russia's Accession to the Berne Convention // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 54 (3). P. 35–42; DOI: 10.17323/tis.2025.27962

- -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
- ЗНАЧЕНИЕ БЕРНСКОЙ КОНВЕНЦИИ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ
И НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

- Нынешний год примечателен для нашей страны тем, что ровно 30 лет назад — 13 марта 1995 г. — Российская Федерация присоединилась к Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (далее — Бернская конвенция, Конвенция). Бернская конвенция сыграла важную роль в формировании общих правовых подходов к охране литературных и художественных произведений, а также иных результатов интеллектуальной (творческой) деятельности. Значение данного международного акта сохраняется и в современных условиях.

- В Бернской конвенции в том числе идет речь об авторских правах: помимо исключительного права выделены личные неимущественные права авторов литературных и художественных произведений, ключевым из которых является право авторства (авторство как нематериальное благо). Согласно ст. 6 bis Конвенции, «независимо от имущественных прав автора и даже после уступки этих прав он имеет право требовать признания своего авторства на произведение и противодействовать всякому извращению, искажению или иному изменению этого произведения, а также любому другому посягательству на произведение, способному нанести ущерб чести или репутации автора».

- Положения Бернской конвенции сыграли ключевую роль не только при формировании национальных правовых систем, но и при разработке и принятии международных соглашений регионального уровня. Это касается в том числе перечня прав, принадлежащих авторам результатов интеллектуальной деятельности.

Примером являются нормы национального законодательства государств — членов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) как международной организации региональной экономической интеграции.

Речь идет о нормах авторского права (а также нормах патентного права, нормах о смежных правах),

содержащихся в законодательстве государств — членов ЕАЭС.

Республика Армения: Гражданский кодекс Республики Армения от 5 мая 1998 г.; Закон Республики Армения от 15 июня 2006 г. «Об авторском праве и смежных правах»; Закон Республики Армения от 3 марта 2021 г. «О патентах».

Республика Беларусь: Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г.; Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах»; Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы».

Республика Казахстан: Гражданский кодекс Республики Казахстан (общая часть) от 27 декабря 1994 г.; Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. «Об авторском праве и смежных правах»; Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г.

Кыргызская Республика: Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. — части первая и вторая; Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 г. «Об авторском праве и смежных правах»; Патентный закон Кыргызской Республики от 23 марта 2023 г. № 69.

Российская Федерация: Гражданский кодекс Российской Федерации — части первая, вторая, четвертая.

Общим для государств — членов ЕАЭС является то, что в гражданских кодексах, а также специальных законах об авторском праве, смежных правах, в патентных законах речь идет об одном и том же закрытом перечне личных неимущественных прав авторов, подлежащих защите.

Это касается и наднационального, союзного уровня. В п. 3 Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе) перечислены те же, что и в национальных правовых системах государств — членов ЕАЭС, личные неимущественные права авторов результатов интеллектуальной деятельности: право авторства; право на имя; право на неприкосновенность произведения; право на обнародование произведения.

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА АВТОРОВ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЗАКРЫТЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ)

Можно рассмотреть положения гражданского законодательства, касающиеся личных неимущественных прав авторов, на примере норм, содержащихся в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Согласно части четвертой ГК РФ, в закрытый перечень принадлежащих автору личных неимуществен-

ных прав входят: право авторства; право автора на имя; право на неприкосновенность произведения; право на обнародование произведения (право на отзыв).

Под правом авторства понимается право признаваться автором произведения (п. 1 ст. 1265 ГК РФ). Следует обратить внимание на то, что авторство упоминается в ст. 150 части первой ГК РФ наряду с иными нематериальными благами, принадлежащими гражданину от рождения или в силу закона, которые «неотчуждаемы и непередаваемы иным способом».

Право автора на имя — право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, то есть анонимно (п. 1 ст. 1265 ГК РФ). Имени гражданина как средству его идентификации посвящена ст. 19 ГК РФ. Имя гражданина также упоминается в ст. 150 ГК РФ наряду с другими нематериальными благами.

Право на неприкосновенность произведения (п. 1 ст. 1266 ГК РФ) предполагает запрет в случае отсутствия согласия автора на «внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями».

В научной литературе, в частности, высказывается мнение о необходимости расширения данного понятия. Так, А.Г. Матвеев предлагает использовать следующую формулировку: «Автор имеет право противодействовать всякому извращению, искажению или иному изменению произведения, а также любому другому посягательству на произведение, которые способны нанести ущерб личным, творческим или духовным интересам автора (право на неприкосновенность произведения)» [1].

Под правом на обнародование произведения понимается «право осуществить действие или дать согласие на осуществление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю либо любым другим способом» (п. 1 ст. 1268 ГК РФ). В соответствии с данным определением правонарушением будет являться обнародование произведения не автором, а иным лицом без получения согласия автора.

Право на отзыв примыкает к праву на обнародование произведения. Согласно ст. 1269 ГК РФ, «автор имеет право до фактического обнародования произведения отказаться от ранее принятого решения о его обнародовании».

Применительно к смежным правам следует сказать о правах исполнителя, закрепленных в части чет-

вертой ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 1315 ГК РФ, исполнителю помимо исключительного права на исполнение принадлежат право авторства — право признаваться автором исполнения; право на имя — право на указание своего имени или псевдонима на экземплярах фонограммы и в иных случаях использования исполнения; право на неприкосновенность исполнения. Согласно подп. 4 п. 1 ст. 1315 ГК РФ, право на неприкосновенность исполнения, в том числе постановки, связывается с правом на защиту исполнения от всякого искажения.

В части патентных (изобретательских) прав часть четвертая ГК РФ содержит положения о праве авторства на изобретение, полезную модель или промышленный образец как о праве признаваться автором изобретения, полезной модели или промышленного образца, которое, как и иные личные неимущественные права, является неотчуждаемым и непередаваемым (ст. 1356 ГК РФ).

В этой связи О.А. Городов отмечает, что «формально к числу патентных прав, имеющих личный неимущественный характер, законодатель относит только право авторства (ст. 1356 ГК РФ). На самом деле все несколько сложнее, поскольку общая норма, закрепленная в п. 2 ст. 1228 ГК РФ, не исключает из состава неимущественных прав право на имя и иные личные неимущественные права, но только в случаях, предусмотренных ГК РФ. Анализ норм, регламентирующих патентные отношения, показывает, что в отношении изобретений, полезных моделей и промышленных образцов таких случаев в настоящее время законодатель не предусматривает, если не считать косвенных указаний на осуществление права на авторское имя путем его упоминания (п. 1 ст. 1394 ГК РФ) и не вдаваться в существо так называемых *иных и других* прав ...» [2].

Закрытый перечень личных неимущественных прав авторов дублируется и в актах высших судов, содержащих разъяснения по вопросам судебной практики. Так, в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», а также п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» названы перечисленные выше личные неимущественные права авторов. При этом особо подчеркивается, что данные права возникают и подлежат защите только в случаях, когда они специально поименованы и их охрана установлена положениями части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации о конкретном виде результатов интеллектуальной деятельности.

ПРАВО АВТОРСТВА КАК ЯДРО СИСТЕМЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

Базовым для сферы интеллектуальной собственности является понятие авторства. Автором признается гражданин, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности, например произведение науки, литературы или искусства (ст. 1257 ГК РФ) либо изобретение, полезная модель или промышленный образец (ст. 1347 ГК РФ). В соответствии со ст. 1313 ГК РФ исполнителем (автором исполнения) признается гражданин, творческим трудом которого создано исполнение. Это может быть артист-исполнитель либо дирижер, режиссер — постановщик спектакля.

Согласно философскому подходу, под личностью понимается, «во-первых, человеческий индивид как субъект отношений и сознательной деятельности (лицо, в широком смысле слова), а во-вторых, устойчивая система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности» [3]. В этой связи следует говорить о личности автора как человеческого индивида — создателя результата интеллектуальной деятельности, которому принадлежат в том числе личные неимущественные права (нематериальные блага), требующие защиты в случае нарушения данных прав (посягательства на соответствующие нематериальные блага).

Право авторства выступает как системообразующее право (авторство как системообразующее нематериальное благо) по отношению к иным личным неимущественным правам (нематериальным благам), принадлежащим автору. Право авторства находится в центре системы личных неимущественных прав, поскольку от него производны право автора на имя, право на обнародование произведения (право на отзыв), право на неприкосновенность произведения.

С правом авторства также связано возникновение исключительного права. Можно говорить и о том, что право авторства выступает основой возникновения третьей группы прав (иных прав): права следования, права доступа, права на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности и других.

ПРАВО АВТОРСТВА КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ АВТОРСКИМИ ПРАВАМИ И ЛИЧНЫМИ НЕИМУЩЕСТВЕННЫМИ ПРАВАМИ, СОСТАВЛЯЮЩИМИ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

В целом, оценивая совокупность личных неимущественных прав (нематериальных благ), принадлежащих

автору, можно констатировать их тесную взаимосвязь. Тесная связь личных неимущественных прав (нематериальных благ) отмечается в научной литературе.

Так, Е.А. Флейшиц в свое время обратила внимание на то, что «... особое место занимает имя изобретателя и автора, неразрывно связанное с самим “авторством”, с “авторской честью”...» [4, с. 447].

Тесная связь личных неимущественных прав не только характерна для сферы интеллектуального права, но и касается неимущественных прав личности в целом. Образно отразила картину общей взаимосвязи неимущественных благ (личных прав) Л.Ю. Михеева, отметив, что «... описание того или иного, как будто бы отдельного личного блага, моделирование как будто бы отдельного личного права наталкивается на тесную неразрывную связь этого блага с иными нематериальными благами, связь одного личного права с другими личными правами» [5].

На этом фоне право авторства не только выступает системообразующим правом в отношении совокупности личных неимущественных прав авторов, закрепленных в части четвертой ГК РФ, но и одновременно является связующим звеном с личными неимущественными правами, составляющими основы правового статуса личности (закрепленными в главе второй Конституции Российской Федерации). Речь идет, в частности, о таких нематериальных благах, принадлежащих автору, как жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация, доброе имя, свобода.

В ч. 1 ст. 44 Конституции России содержатся положения, касающиеся свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также охраны интеллектуальной собственности законом. Данные конституционные положения нашли соответствующее отражение в гражданском законодательстве Российской Федерации.

Способность иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности включена в содержание правоспособности граждан (ст. 18 ГК РФ). Закрепленная в Конституции Российской Федерации свобода творчества на уровне гражданского законодательства трансформировалась в право авторства.

Как уже отмечалось, в части первой ГК РФ авторство отнесено к числу нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом (п. 1 ст. 150).

О трансформации личных неимущественных прав (нематериальных благ), принадлежащих каждому с момента рождения, в личные неимущественные права автора следует говорить с момента создания

результата интеллектуальной деятельности, влекущего за собой возникновение как права авторства, так и иных авторских прав.

Таким образом, в момент создания результата интеллектуальной деятельности — возникновения авторства — происходит «расщепление» правового статуса личности. Можно говорить как об общем правовом статусе личности, так о правовом статусе автора — личности, создавшей результат интеллектуальной деятельности.

Правовой статус автора, в частности, охватывает такие нематериальные блага, как жизнь и здоровье автора; его честь, достоинство, деловую репутацию; его доброе имя; неприкосновенность его личности; неприкосновенность созданного автором результата интеллектуальной деятельности.

ЗАЩИТА ПРАВА АВТОРСТВА И ИНЫХ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ АВТОРУ. ПОЗИЦИИ ВЫСШИХ СУДОВ

Отмечая особое значение Бернской конвенции для формирования положений национальных правовых систем, касающихся личных неимущественных прав авторов и их охраны, одновременно следует обратить внимание на привнесенную Конвенцией определенную ограниченность законодательных подходов, касающихся возможных нарушений личных неимущественных прав и их защиты.

Так, как уже было отмечено, в ст. 6 bis Бернской конвенции речь идет о необходимости противодействовать всякому извращению, искажению или иному изменению этого произведения, а также любому другому посягательству на произведение, способному нанести ущерб чести или репутации автора.

Данное положение нашло непосредственное отражение в части четвертой ГК РФ. Согласно п. 2 ст. 1266 Кодекса, извращение, искажение или иное изменение произведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию автора, равно как и посягательство на такие действия, дают автору право требовать защиты его чести, достоинства или деловой репутации в соответствии с правилами ст. 152 Кодекса.

При этом вполне очевидно, что речь идет о ситуации, когда одновременно умаляются различные нематериальные блага: неприкосновенность произведения, а также честь, достоинство и деловая репутация автора. В то же время защита чести, достоинства и деловой репутации автора обусловлена лишь посягательством на неприкосновенность произведения, а не умалением данных нематериальных благ как таковых. Одновременно нельзя не учитывать особенность иска о защите чести, достоинства и деловой репутации

ции, связываемого с распространением сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (ст. 152 ГК РФ).

Можно говорить также о защите иных личных неимущественных принадлежащих автору прав (нематериальных благ), не нашедших непосредственного отражения в части четвертой ГК РФ. Так, это относится к защите доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции России, ст. 150 ГК РФ), что непосредственно касается и автора результата интеллектуальной деятельности.

Необходимо отметить, что на фоне закрытого перечня личных неимущественных прав авторов (соответствующих нематериальных благ), предусмотренного частью четвертой ГК РФ, институт защиты личных неимущественных прав авторов в современных условиях развивается за счет формирования позиций высших судов Российской Федерации, которые способствуют выходу за пределы закрытого перечня за счет обеспечения связи с конституционными основами правового статуса личности. В этой связи можно привести соответствующие примеры.

Так, нарушением права авторства является присвоение авторства (плагиат), которому посвящена ст. 146 УК РФ. Как представляется, несмотря на то что речь идет об уголовной ответственности, сформулированные судебные позиции актуальны и для сферы гражданского права. В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» отмечается, что нарушение авторских прав путем присвоения авторства (плагиата), может состоять, в частности, «в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами без указания их имени» [6].

В соответствии с п. 13 рассматриваемого постановления «присвоение авторства как способ нарушения изобретательских и патентных прав применительно к ст. 147 УК РФ предполагает объявление себя автором чужих изобретения, полезной модели или промышленного образца, получение патента лицом, не внесшим личного творческого вклада в создание указанных объектов интеллектуальной собственности, в том числе лицом, которое оказало автору только техническую, организационную или материальную помощь либо только способствовало оформлению прав на них и их использование».

Следует также обратить внимание на то, что в п. 14 данного судебного акта говорится о наруше-

нии изобретательских или патентных прав путем принуждения к соавторству, в том числе сопровождаемого применением насилия, состоящего в совершении деяний, направленных против жизни, здоровья или свободы потерпевшего. Таким образом, в данном случае речь идет непосредственно о нарушении таких личных неимущественных прав, принадлежащих авторам, как права на жизнь, на здоровье, на свободу.

С охраной прав граждан на жизнь и здоровье связаны и нормы гл. 59 ГК РФ, посвященные возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также компенсации морального вреда. Данные нормы в полной мере касаются также граждан, являющихся авторами результатов интеллектуальной деятельности.

При нарушении авторских прав в том числе нельзя исключать причинения вреда психическому здоровью. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 января 2024 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» подчеркивается особая важность психического здоровья. В частности, в п. 2 данного судебного акта отмечается: «... вводя меры противодействия физическому и психическому насилию, устанавливая наказания за посягательства на личность, за причинение вреда здоровью человека во всех его проявлениях, законодатель обязан учитывать высокую значимость психического здоровья для качества жизни человека, для восприятия и реализации его прав, обязанностей и социальных возможностей, обеспечивать эффективную защиту психического здоровья, соразмерность ответственности ценностям, охраняемым законом ...» [7].

Данный пример, касающийся плагиата, свидетельствует о том, что нарушение права авторства может повлечь нарушения иных личных неимущественных прав, принадлежащих автору (уменьшение соответствующих нематериальных благ), что обуславливает необходимость их защиты.

Особо следует сказать о компенсации морального вреда как способе защиты права авторства и иных личных неимущественных прав, принадлежащих авторам. Согласно ст. 151 ГК РФ, компенсация морального вреда предусматривается при нарушении личных неимущественных прав либо посягательстве на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Применительно к сфере интеллектуального права можно вести речь о компенсации морального вреда при нарушении различных личных неимущественных прав автора (принадлежащих автору нематериальных

благ). Как было сказано ранее, речь идет не только о содержащемся в части четвертой ГК РФ закрытом перечне личных неимущественных прав авторов, но и о принадлежащих авторам правах, составляющих основы правового статуса личности.

Следует также обратить внимание на связь права авторства, а также иных личных неимущественных прав, принадлежащих автору, с исключительным правом.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» ч. 1 ст. 151 ГК РФ признана частично не соответствующей Конституции России. Согласно данному судебному акту, при квалификации деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего должно быть установлено на основе исследования фактических обстоятельств дела, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага [8].

Представляется, что данная судебная позиция, касающаяся сферы вещного права, актуальна и для рассматриваемой сферы отношений. Нарушение принадлежащего автору исключительного права как права имущественного характера само по себе не означает, что автор при этом не мог испытывать физические либо нравственные страдания, а соответственно, не может потребовать компенсации морального вреда вследствие нарушения принадлежащих ему личных неимущественных прав (посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткий итог сказанному, следует отметить, что Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. сыграла важную роль в формировании национальных правовых систем в части интеллектуального права, в том числе охраны как литературных и художественных произведений, так и иных результатов интеллектуальной деятельности. Значение данного международного акта сохраняется и в нынешних условиях.

Право авторства играет системообразующую роль в отношении комплекса личных неимущественных прав авторов, закрепленных в гражданском законодательстве. Одновременно данное право выступает связующим звеном между личными неимущественными правами авторов и личными неимущественными

правами, составляющими основы правового статуса личности.

В современных условиях требуется расширительное толкование норм гражданского права, касающихся перечня личных неимущественных прав авторов, а также их защиты, в увязке с личными неимущественными правами, закрепленными в Основном законе государства и составляющими основы правового статуса личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матвеев А.Г. Российская модель права на неприкосновенность произведения // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2011. Вып. 4 (14). С. 91–99.
2. Городов О.А. Право авторства на изобретения, полезные модели и промышленные образцы // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 12. С. 8–14.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 314.
4. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран: Избранное. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2007. С. 362–460.
5. Михеева Л.Ю. О неразрешенных проблемах института личных прав по российскому гражданскому праву // Закон. 2025. № 1. С. 94–104.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2024 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» // СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Matveev A.G. Russian model of the right to the inviolability of a work [Rossijskaja model' prava

- na neprikosновенnost' proizvedeniya]. Bulletin of Perm University. Legal sciences [Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Juridicheskie nauki]. 2011. No. 4 (14). S. 91–99.
2. Gorodov O.A. Copyright of inventions, utility models and industrial designs [Pravo avtorstva na izobreteniya, poleznye modeli i promyshlennye obrazcy]. Patents and licenses. Intellectual rights [Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava]. 2015. No. 12. S. 8–14.
3. Philosophical Encyclopedic Dictionary [Filosofskij enciklopedicheskij slovar']. M.: Sov. Enciklopediya, 1983. S. 314.
4. *Fleishits E.A.* Personal rights in the civil law of the USSR and capitalist countries: Selected [Lichnye prava v grazhdanskom prave Sojuza SSR i kapitalisticheskikh stran: Izbrannoe]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2007. S. 362–460.
5. *Mikheeva L.Yu.* Unresolved Problems of the Personal Rights Institute in Russian Civil Law [O nerazreshennykh problemah instituta lichnykh prav po rossijskomu grazhdanskomu pravu] // Law [Zakon]. 2025. No. 1. S. 94–104.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26 aprelya 2007 g. No. 14 "O praktike rassmotreniya sudami ugovolnykh del o narushenii avtorskih, smezhnykh, izobretatel'skih i patentnykh prav, a takzhe o nezakonnom ispol'zovanii tovarnogo znaka" // SPS "Konsul'tantPlyus".
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11 yanvary 2024 g. No 1-P "Po delu o proverke konstitucionnosti chasti pervoj stat'i 111 i chasti pervoj stat'i 112 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe punkta 3 Pravil opredeleniya stepeni tyazhesti vreda, prichinennogo zdorov'yu cheloveka, v svyazi s zhaloboj grazhdanina B." // SPS "Konsul'tantPlyus".
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26 oktyabrya 2021 g. No. 45-P "Po delu o proverke konstitucionnosti stat'i 151 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina S.F. Shilovskogo" // SPS "Konsul'tantPlyus".

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ЗАКОНОПРОЕКТА «О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАЗРАБОТКЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ ВИДЕОИГР НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» ON CERTAIN ASPECTS OF THE DRAFT LAW “ON THE DEVELOPMENT AND DISTRIBUTION OF VIDEO GAMES ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION”

Роман Львович ЛУКЬЯНОВ

Юридическая компания Semenov&Pevzner, Москва,
Россия,
rlukyanov@semenovpevzner.ru,
ORCID: 0009-0004-9217-5306

Наталья Владимировна БУЗОВА

Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия,
nbuzova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2268-0345

Информация об авторах

Р.Л. Лукьянов — управляющий партнер юридической
компании Semenov&Pevzner
Н.В. Бузова — кандидат юридических наук, доцент
кафедры предпринимательского и корпоративного
права Российского государственного университета
правосудия

Аннотация. В современном мире видеоигры из категории безобидного развлечения, время от времени порицаемого по разным причинам общественностью, перешли в категорию совершенно иного толка. Сегодня индустрия видеоигр во многих развитых и развивающихся странах не только составляет значимую часть экономики, но также является источником пристального внимания государства с точки зрения культуры, здравоохранения, информационной безопасности. Российская Федерация в этом контексте не является исключением. На протяжении последних нескольких лет сфера видеоигр все чаще попадала в поле зрения органов государственной власти, динамика появления зако-

- нодательных инициатив, связанных с регулированием
- данной сферы, возрастала. С принятием Федерального
- закона от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии
- креативных (творческих) индустрий в Российской Феде-
- рации» деятельность по созданию видеоигр была прямо
- отнесена к креативным индустриям. Однако на этом за-
- конодатель не остановился: 12 декабря 2024 г. группа
- депутатов внесла в Государственную Думу Российской
- Федерации отраслевой Законопроект № 795581-8
- «О деятельности по разработке и распространению
- видеоигр на территории Российской Федерации».
- Положения данного законопроекта представляют собой
- весьма любопытный предмет для изучения юридической
- наукой. Авторы проанализировали отдельные идеи,
- отраженные в этом законопроекте.

- **Ключевые слова:** видеоигры, компьютерные игры,
- интеллектуальная собственность, креативные инду-
- стрии, государственное регулирование деятельности по
- разработке и распространению видеоигр

- **Для цитирования:** Лукьянов Р.Л., Бузова Н.В. Об отдель-
- ных аспектах Законопроекта «О деятельности по раз-
- работке и распространению видеоигр на территории
- Российской Федерации» // Труды по интеллектуальной
- собственности Works on Intellectual Property. 2025. Т. 54,
- № 3. С. 43–53; DOI: 10.17323/tis.2025.27963

Roman L. LUKYANOV

Semenov&Pevzner Law Firm, Moscow, Russia,
rlukyanov@semenovpevzner.ru,
ORCID: 0009-0004-9217-5306

Natalia V. BUZOVA

Russian State University of Justice, Moscow, Russia,
nbuzova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2268-0345

Information about the authors

R.I. Lukyanov — Managing partner, Semenov&Pevzner
Law Firm

N.V. Buzova — Associate Professor of the Department of
Business and Corporate Law of the Russian State University
of Justice, Candidate of Legal Sciences

Abstract. In the modern world, video games have moved from the category of harmless entertainment, condemned from time to time by the public for various reasons, to a completely different category. Today, the video game industry, in addition to being a significant part of the economy in many developed and developing countries, is also a source of close attention from the state in terms of culture, health, information security. The Russian Federation is no exception in this context. Over the past few years, the video game industry has increasingly come to the attention of government agencies, and the dynamics of the emergence of legislative initiatives related to the regulation of this area has increased. With the adoption of Federal Law No. 330-FZ of August 8, 2024 "On the Development of Creative (Creative) Industries in the Russian Federation", the activity of creating video games was directly attributed to the creative industries. However, the legislator did not stop there and on December 12, 2024, a group of deputies submitted to the State Duma of the Russian Federation industry bill No. 795581-8 "On the activities for the development and distribution of video games on the territory of the Russian Federation". The provisions of this bill are a very interesting subject for study by legal science. This article offers an analysis of individual ideas reflected in the said bill.

Keywords: video games, computer games, intellectual property, creative industries, government regulation of video game development and distribution

For citation: *Lukyanov R.L., Buzova N.V. On Certain Aspects of the Draft Law "On the Development and Distribution of Video Games on the Territory of the Russian Federation" // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 54 (3). P. 43–53; DOI: 10.17323/tis.2025.27963*

Принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [1] (далее — Закон о креативных индустриях) демонстрирует интерес государства к творческим сферам, которые имеют не только культурный, но и экономический потенциал. Ряд положений данного закона направлен на стимулирование предпринимательской и в целом экономической деятельности в связи с созданием, введением в гражданский оборот и продвижением результатов интеллектуальной деятельности, а также товаров и услуг, в которых выражены результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В ст. 6 Закона о креативных индустриях определены виды креативных индустрий, сгруппированные в четыре блока:

- индустрии, основанные на историко-культурном наследии;
- индустрии, основанные на произведениях литературы и искусства, а также на фонограммах;
- индустрии, основанные на прикладном творчестве;
- индустрии, основанные на информационно-телекоммуникационных технологиях, куда отнесены в том числе создание компьютерных игр и видеоигр, а также деятельность средств массовой информации, деятельность в сфере связей с общественностью.

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации находится проект Федерального закона № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» (далее — законопроект) [2], внесенный депутатами А.В. Горелкиным, А.И. Немкиным, Я.В. Лантратовой, а также сенаторами Л.С. Гумеровой, А.Г. Шейкиным, Н.С. Кувшиновой.

Появление в Российской Федерации отдельного федерального закона для какой-либо отдельно взятой творческой индустрии — событие достаточно нетипичное. Пожалуй, до недавнего времени таких федеральных законов было два: Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» [3] и Федеральный закон от 13 марта 2006 г.

№ 38-ФЗ «О рекламе» [4]. Причем последний из названных законов мы относим к рассматриваемой сфере, поскольку рекламная деятельность является одним из видов креативных индустрий в силу п. 3 ч. 1 ст. 6 Закона о креативных индустриях.

Хотя при этом нельзя забывать и о других законах, которые связаны с креативными индустриями: Законе Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации» [5], Законе Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [6], Федеральном законе от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» [7], Федеральном законе от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [8], Федеральном законе от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» [9], Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [10] и т.д.

В этом смысле представляют особый интерес предпосылки и цели, которыми руководствуется государство при разработке отдельных узкоотраслевых законов. В определенной степени эти предпосылки и цели можно идентифицировать непосредственно в тексте таких законов.

Так, в преамбуле к Федеральному закону от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» констатируется, что кинематография Российской Федерации является неотъемлемой частью культуры и искусства и должна сохраняться и развиваться при поддержке государства. В указанном законе выделяются принципы, на которые должна опираться государственная поддержка: ответственность государства за сохранение и развитие кинематографии, создание населению условий для доступа к произведениям кинематографии.

В ст. 1 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» цель закона определяется следующим образом: развитие рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции, обеспечение в Российской Федерации единства экономического пространства, реализация права потребителей на получение добросовестной и достоверной рекламы, создание благоприятных условий для производства и распространения социальной рекламы, предупреждение нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, а также пресечение фактов ненадлежащей рекламы.

В этом смысле законопроект определенным образом отличается от двух предыдущих. Из его содер-

жания достаточно сложно установить предпосылки, которыми руководствовался законодатель. В пояснительной записке к законопроекту указано, что он будет способствовать достижению цели по обеспечению психологической безопасности граждан от негативного воздействия видеотигр, обозначенной в п. 4 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 27 января 2022 г. № Пр-190.

В ст. 1 законопроекта определяется его предмет. Сформулирован он следующим образом: настоящим федеральным законом определяются правовые основы деятельности по разработке и распространению видеотигр на территории Российской Федерации и устанавливаются ограничения осуществления данной деятельности в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан.

Первая часть, описывающая предмет законопроекта, во многом повторяет предмет Закона о креативных индустриях, также сформулированный в ст. 1: настоящий федеральный закон определяет основы правового регулирования организации и развития в Российской Федерации креативных (творческих) индустрий как базового сектора креативной экономики и устанавливает условия деятельности и государственной поддержки в сфере креативных (творческих) индустрий. С учетом того, что деятельность по созданию компьютерных и видеотигр относится в силу п. 3 ч. 1 ст. 6 комментируемого закона к креативным индустриям, предмет данного закона и первая часть предмета законопроекта фактически полностью пересекаться по своему содержанию.

Под правовыми основами в российской юридической науке понимается система правовых актов, создающих с помощью принципов и иных юридических средств базу для организации либо функционирования социально-правовых институтов и осуществления юридической деятельности в целях обеспечения условий для наиболее полной жизненной самореализации личности, удовлетворения потребностей индивидов, их коллективных образований и общества [11, с. 86]. Содержание правовых основ складывается из следующих элементов: принципы правового регулирования, конкретные цели и средства правового регулирования, а также система нормативных правовых актов, учреждающих правовое регулирование [12, с. 135–136].

Строго говоря, в современном нормотворчестве достаточно часто используется термин «правовые основы» там, где его использование не требуется, что вносит определенную путаницу в интерпретацию норм, содержащихся в отдельных законах. Представляется, что подобная путаница возникает, в частности, применительно к законопроекту и Зако-

ну о креативных индустриях. Ни в российской науке, ни в российском законодательстве не содержится какого-либо запрета квалифицировать два (или более) федеральных закона в качестве правовых основ для какой-либо сферы общественных отношений. Более того, как было указано выше, правовые основы в целом предполагают наличие системы законодательных актов. Однако вследствие в значительной степени пересекающихся заявленных предметов регулирования комментируемых закона и законопроекта возникают серьезные сомнения в уместности в обоих случаях применять комментируемый термин.

Эти сомнения подкрепляются отсутствием в Законе о креативных индустриях и законопроекте указания на принципы правового регулирования (которые, например, присутствуют в преамбуле к Федеральному закону № 126-ФЗ от 22 августа 1996 г. «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации») как важный составляющий правовые основы элемент.

Кроме того, как указывает Н.А. Попандопуло, в идеале правовые основы должны обеспечить работу системы правовых актов, исключая логические противоречия и коллизии, а каждый правовой акт в такой системе должен органично встраиваться в систему действующих актов, и, дополняя друг друга, они должны оказывать воздействие на общественные отношения [12, с. 134]. С этой точки зрения сформулированный в законопроекте предмет создает как раз именно такую коллизию.

Что касается целей правового регулирования как элемента правовых основ, то в отличие от Закона о креативных индустриях в законопроекте они явным образом не выделены. Между тем содержание пояснительной записки к законопроекту и вторая часть предмета, сформулированного в ч. 1 ст. 1 законопроекта, позволяют сделать вывод о том, что реальной его целью является обеспечение «психологической безопасности граждан от негативного воздействия видеоигр». И действительно, примерно половина норм законопроекта посвящена достижению именно этой цели.

Так, ст. 7, 8 и 9 законопроекта посвящены специальной маркировке видеоигр и вопросам проведения экспертизы видеоигр на предмет соответствия их содержания предлагаемой маркировке. При этом текст ст. 8 и 9 практически полностью воспроизводит аналогичные нормы Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [13, ст. 17 и 18].

Статья 7 законопроекта устанавливает общие положения о маркировке видеоигр в целях обеспечения безопасности видеоигр для здоровья граждан (поль-

зователей видеоигры). Примечательно, что в отличие от Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» законопроект предлагает маркировку в целях информирования граждан об определенном содержании видеоигры, независимо от их возраста.

В ч. 4 ст. 7 законопроекта содержится открытый перечень категорий видеоигр, которые должны быть соответствующим образом маркированы. В данном случае законопроект также дублирует часть существующих законоположений. Например, в п. 6 ч. 4 ст. 7 законопроекта говорится о видеоигре, содержащей изображения, упоминания или описания употребления наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ и их прекурсоров. Между тем Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в ст. 1 и 46 Федерального закона “О наркотических средствах и психотропных веществах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14] уже внесены поправки (вступающие в силу с 1 сентября 2025 г.), предусматривающие специальную маркировку при распространении информации и/или материалов, в которых содержатся изображения, упоминания или описания употребления наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ и их прекурсоров. Представляется, что указание на «информацию» и «материалы» в ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» в редакции, вступающей в силу с 1 сентября 2025 г., охватывает в том числе и видеоигры. То есть использование в видеоиграх каких-либо изображений, упоминаний или описаний употребления наркотических и подобных средств уже запрещено.

В указанном законопроекте содержится оговорка, согласно которой содержание видеоигры должно составлять оправданную жанром неотъемлемую часть художественного замысла. Если данный критерий не выполняется, содержание видеоигры может быть квалифицировано как информация, запрещенная к распространению в Российской Федерации.

В новой редакции п. 2 ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» уже предусмотрены исключения для произведений литературы и искусства. С одной стороны, в основе многих видеоигр лежит программа для ЭВМ (далее — ПЭВМ), которая в соответствии с п. 1 ст. 1259 ГК РФ охраняется как литературное произведение, то есть можно предположить, что к ПЭВМ и соответственно к видеоиграм могут быть применены положения п. 2 ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веще-

ствах». С другой стороны, если ПЭВМ рассматривать как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности в соответствии со ст. 1225 ГК РФ, представляется в таком случае более целесообразным отразить ПЭВМ и другие объекты, способные быть носителями информации, соответственно в качестве исключений именно в п. 2 ст. 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», для того чтобы перечень исключений был более полным.

Если видеоигры рассматривать как самостоятельный объект и если есть намерение ввести специальные ограничения, аналогичные предусмотренным указанному в п. 2 указанной выше статьи, полагаем целесообразным дополнить именно п. 2 указанной статьи, поскольку в ст. 46 в новой редакции не указывается на то, что перечень исключений может быть расширен посредством положений других федеральных законов.

Интересным представляется п. 2 ч. 4 ст. 7 законопроекта, согласно которому маркировать необходимо видеоигры, отдельные элементы которых способны вызывать у пользователей страх, ужас или панику, в том числе содержащие изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и (или) их последствий. Поскольку норма предполагает открытый перечень элементов, которые могут вызвать страх, под обязательную маркировку, предусмотренную данной нормой, может попасть весьма широкий круг видеоигр. Так, согласно международной классификации болезней (МКБ), фобические тревожные расстройства (ФТР) представляют собой группу расстройств, при которых единственным или преобладающим симптомом является боязнь (страх) определенных ситуаций, не представляющих текущей опасности [15]. Точного перечня всех возможных фобий не существует, однако в МКБ прямо поименованы такие виды ФТР, как боязнь пристального внимания со стороны других людей, ведущая к избеганию социальных ситуаций; боязнь темноты; боязнь закрытых пространств; боязнь животных и т.д. Все эти элементы достаточно часто встречаются в видеоиграх. Строго говоря, практически невозможно предугадать, какая ситуация, связанная с видеоигрой, может вызвать страх у конкретного человека.

Следует также принять во внимание отсутствие жесткой сценарной основы во многих современных видеоиграх (видеоигры с открытым миром, игры-песочницы, MMORPG и другие), что в практической плоскости предопределяет формирование пользовательского опыта не только под влиянием реализован-

ных разработчиками игровых механик и творческих форм, но и под влиянием действий других игроков. Предсказать хотя бы с какой-то степенью достоверности произведенный на игрока эффект в результате игрового процесса в таких обстоятельствах представляется крайне затруднительным.

Подобная неопределенность с высокой степенью вероятности может привести либо к необходимости маркировать все игры, либо к ситуациям, когда маркировка будет признаваться некорректной. В этой связи представляется необходимым предусмотреть или закрытый перечень случаев маркировки, или критерии, позволяющие однозначно квалифицировать действия, подпадающие под случаи, требующие маркировки, и определить целесообразность маркировки видеоигры.

Статья 4 законопроекта определяет его терминологический аппарат. Видеоигра в указанной норме определяется как программа для электронных вычислительных машин, созданная в художественной, учебной, анимационной или иной форме на основе творческого замысла, воспроизводящая изображения, звуки, которые объединены сюжетом, определяемым в том числе действиями пользователя.

Представляется, что попытка раскрыть термин «видеоигра» в законодательстве обусловлена прикладной позитивной целью. На проблемы, связанные с неопределенностью данного термина, обращают внимание некоторые специалисты [16, с. 32–35]. Между тем нельзя не отметить разнообразие подходов к квалификации видеоигры в юридической науке. Одни авторы считают, что видеоигра — это программа для ЭВМ (см. [17, 18], а также [19, с. 74–75]), другие рассматривают ее в качестве сложного объекта (мультимедийного продукта) [20]. Существуют и более экзотические варианты определения видеоигры. Исследование Всемирной организации интеллектуальной собственности национальных подходов к определению видеоигр ярко демонстрирует, что проблема квалификации видеоигры не является особенностью российского правового порядка, а имеет международный характер [21, р. 10].

В законопроекте предлагается квалифицировать видеоигру в качестве ПЭВМ. Представляется, что известное российскому законодательству определение ПЭВМ (ст. 1261 ГК РФ), если и относится к определенному кругу видеоигр, точно не может охватить все их разнообразие. Видеоигра не исчерпывается представленной в объективной форме совокупностью данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ, а также порождаемыми ею аудиовизуальными отображениями.

Авторы законопроекта предприняли попытку определить содержание видеоигры через добавление

дополнительных характеристик к ПЭВМ. В частности, предполагается, что такая ПЭВМ создана в художественной, учебной, анимационной или иной форме. Абстрагируясь от вопроса, возможно ли существование анимационной или художественной формы совокупности данных и команд, формирующих ядро термина ПЭВМ, подчеркнем: наличие в этой характеристики оборота «и иной форме» в принципе не позволяет провести границу между видеоигрой (в предложенном законопроектом определении) и другими ПЭВМ.

Другая предложенная в законопроекте характеристика, призванная очертить сущность видеоигры, — наличие творческого замысла. Между тем, поскольку речь идет о потенциально охраняемом объекте интеллектуальной собственности, наличие творческого замысла, в принципе, является данностью. Результат творческого труда, приводящего к созданию любого объекта авторского права, предполагает такой замысел. В этом смысле добавление комментируемой фразы также едва ли способствует обособлению видеоигр от ПЭВМ и других произведений.

Наконец, третий признак, которым, очевидно, предполагалось определить видеоигру в системе других произведений, заключается в том, что видеоигра функционально нацелена на воспроизведение изображений и звуков, которые объединены сюжетом. Сюжет при этом, согласно терминологии законопроекта, может определяться действиями пользователя.

Действительно, большинство видеоигр предполагает воспроизведение изображений и звуков. Без этих элементов достаточно сложно себе представить видеоигру. Что же касается сюжета, то современные игры достаточно часто его лишены и основаны исключительно на конструировании игрового процесса без воплощения какого-либо авторского замысла о последовательности происходящих в игре действий, об отношениях персонажей и без иных традиционных творческих форм. Еще меньшее количество видеоигр предусматривает возможность игрока влиять на развитие сюжета (хотя, безусловно, такие видеоигры также существуют).

Иными словами, предложенный в п. 2 ст. 4 законопроекта термин представляется неточным: если он и охватывает какие-либо видеоигры, то весьма небольшой их круг. Можно предположить, что попытка определить видеоигру исключительно как особый вид ПЭВМ связана с прикладной потребностью сохранить за индустрией предоставляемые государством налоговые льготы для традиционных ПЭВМ, однако едва ли этим можно обосновать такую прямую коллизию законопроекта с доктринальными позициями в отношении природы видеоигр.

Р. Зубек, рассуждая о более широком термине «игра» вне контекста юридической науки, пришел к выводу, что все попытки дать дефиницию данного термина не смогли передать огромного разнообразия вещей и явлений, которые люди называют играми [22, с. 17]. Означает ли это, что термин «видеоигра» также нельзя определить, по крайней мере, для целей и задач юриспруденции? Вероятно, нет, не означает. Корректнее было бы поставить вопрос иначе: есть ли в этом необходимость для современного российского права?

Авторы работы [23] на с. 13 указали, что видеоигры могут включать в себя не только объекты различной природы, но и объекты, способные быть охраняемыми или неохраняемыми, представлять собой произвольную комбинацию охраноспособных объектов. Это позволяет утверждать, что игра не обязательно должна быть ПЭВМ или сложным объектом, но может квалифицироваться от случая к случаю в зависимости от конкретной комбинации. С данной позицией следует согласиться, по крайней мере, с оговоркой на попытку квалифицировать видеоигру в рамках действующего российского законодательства. Если же законодатель все-таки в силу определенных экономических, социальных и иных предпосылок видит необходимость в строгом определении, представляется, что данный термин должен выглядеть более точным, позволяющим отделить видеоигры от ПЭВМ и иных произведений. Среди прочего следует определиться и с самим термином, поскольку в Законе о креативных индустриях компьютерные игры и видеоигры упоминаются как две разные сущности.

Не менее интересным представляется термин, предложенный в п. 5 ст. 4 законопроекта, — распространитель видеоигры. Под указанным субъектом понимается обладатель исключительного права на видеоигру или иное лицо, имеющее право распространять видеоигру на территории Российской Федерации. Из данного определения следует, что таким субъектом может быть как сам правообладатель, так и обладатель права использования видеоигры определенным образом (лицензиат).

Поскольку ст. 2 законопроекта прямо указывает, что правовое регулирование деятельности по распространению видеоигр осуществляется среди прочего в соответствии с ГК РФ, термин «распространение» следует толковать с учетом положений подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ. Распространение видеоигры с учетом данной нормы предполагает продажу или иное отчуждение ее оригинала или экземпляров, то есть материальных носителей, в которых выражена видеоигра. Представляется, что при таком толковании лица, которые получили право на цифровую дистри-

буцию видеоигры, не предполагающую отчуждение материальных носителей, под данное определение не подпадают, что выглядит в определенном смысле последовательно.

Из подп. 6 п. 1 ст. 6 законопроекта следует, что распространитель видеоигры при условии, что для ее использования необходимо наличие учетной записи пользователя, обязан обеспечить беспрепятственный доступ к такой учетной записи, если пользователем не были нарушены правила пользования видеоигрой, за исключением ограничения или невозможности доступа к видеоигре по независящим от распространителя видеоигры причинам. Это весьма любопытная норма, затрагивающая чувствительную сферу. В российской юридической науке исследовался вопрос о неопределенности отношений между игроком и разработчиком или распространителем игры, возникающих в связи с нарушениями прав первого [16, с. 30–32]. Как правило, игроки, считающие свои права нарушенными, пытаются обеспечить их судебную защиту, обосновывая свои требования законодательством о защите прав потребителей, и сталкиваются с отказом в иске в связи с положениями ст. 1062 ГК РФ.

На первый взгляд, подп. 6 п. 1 ст. 6 законопроекта (в совокупности с определением видеоигры) направлен на защиту прав игроков и устранение очевидного пробела в российском законодательстве применительно к видеоиграм и ст. 1062 ГК РФ. Между тем при верном целеполагании предлагаемая формулировка вызывает вопросы, которые остаются либо нераскрытыми, либо непонятными.

Так, требование об обеспечении игроку доступа к видеоигре имеет силу до тех пор, пока он не нарушил правила пользования видеоигрой. Иными словами, если игрок нарушает какое-либо (из буквального толкования законопроекта — любое) положение правил пользования видеоигрой, доступ к ней может быть прекращен или ограничен. Следует отметить, что правила пользования видеоигрой фактически представляют собой договор присоединения, заключаемый между игроком и разработчиком (распространителем). Думается, что между этими лицами помимо прочего заключается договор об оказании услуг. Из правил пользования, которые, как мы уже понимаем, являются положениями договора, как правило, следует, что игрок при совершении определенных действий соглашается с условиями такого договора. При этом игрок никоим образом не может повлиять на содержание договора, положения которого изложены в правилах пользования, он может либо принять, либо не принять условия такого договора.

Разработчики (распространители) зачастую имеют правила пользования (пользовательские согла-

шения) лицензионными соглашениями либо включают в договоры раздел, именуемый «лицензия». Как правило, такой раздел содержит положение, в соответствии с которым игроку (конечному пользователю) предоставляется неисключительное право использования игры (а также материалов, связанных с ней) посредством ее воспроизведения на устройстве пользователя [24]. Также в такой раздел включаются положения о приобретении «виртуального внутриигрового имущества».

Однако с точки зрения российского законодательства об интеллектуальной собственности к положениям лицензионного договора можно отнести только положения, касающиеся воспроизведения игры как мультимедийного продукта на устройстве пользователя (подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ), притом с существенными ограничениями. Загрузка игры на устройство пользователя в большинстве случаев осуществляется не в полном объеме, а фрагментарно. В этой связи возникает вопрос: каким образом пользователь может реализовать свои правовые возможности, предусмотренные ст. 1280 ГК РФ, которые относятся к ограничениям и исключениям из авторского права на программу для ЭВМ (изготовление копии для архивных целей, изучение, исследование или проверка функционирования и т.д.). На практике такие положения фактически нереализуемы. Что же касается «внутриигрового имущества», то его «приобретение» не следует относить к положениям лицензионного договора о предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности.

Кроме того, следует обратить внимание на положения о политике конфиденциальности, которые касаются обработки персональных данных игрока (пользователя). Присоединяясь к игре, пользователь соглашается на обработку различных видов персональных данных, связанных с использованием такой видеоигры, включая идентификатор пользователя, характеристики устройства пользователя, страну устройства и т.д. [25]. Вместе с тем представляется, что вопросы обработки персональных данных при использовании игры пользователем — это тема отдельного научного исследования, которое выходит за рамки данной статьи.

В правилах пользования видеоигрой достаточно часто содержатся положения, предполагающие почти ничем не ограниченное усмотрение разработчика (распространителя) толковать те или иные действия игрока как нарушение таких правил. Например, в демонстрационной версии видеоигры «Deliver at all costs» в п. 4(у) разд. 6 пользовательского соглашения прописано правило, согласно которому игрок, запуская видеоигру, соглашается с тем, что он не будет со-

вершать какие-либо действия, которые разработчик данной видеоигры сочтет неуместными. Очевидно, что разработчик в качестве таковых может расценить любые действия, которые ему по каким-то причинам не понравятся. По смыслу подп. 6 п. 1 ст. 6 законопроекта это позволит ему прекратить или ограничить доступ к видеоигре. Едва ли такое действие со стороны разработчика можно будет считать справедливым и соразмерным. Представляется, что предложенная в подп. 6 п. 1 ст. 6 законопроекта конструкция ставит любого российского игрока примерно в такое же незащищенное положение, в котором он находится сегодня.

Кроме того, законопроект не отвечает на вопрос о том, какие правовые последствия возникают в случае, если распространитель видеоигры все-таки нарушил установленные в ст. 6 требования: может ли в таком случае игрок использовать положения Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» [26] или иные средства правовой защиты, не столкнется ли он с отказом по ст. 1062 ГК РФ? Представляется, что может, поскольку, как уже отмечалось, между игроком и распространителем заключается договор об оказании услуг. С точки зрения Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» распространитель будет рассматриваться как исполнитель услуги, и, согласно ст. 4 указанного закона, качество услуги, оказываемой именно игроку-потребителю, должно соответствовать договору. Однако игроку-потребителю, возможно, будет трудно доказать несоответствие качеству с учетом правил пользования, разработанных чаще всего в интересах распространителя.

В ч. 2 ст. 1 законопроекта указано, что его действие не распространяется на деятельность по организации и проведению азартных игр. Это объясняется тем, что в Российской Федерации действует Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [27]. По смыслу п. 1 ст. 4 указанного закона под азартной игрой понимается основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры.

Признавая бесспорную необходимость исключить квалификацию любой видеоигры в качестве азартной (и наоборот), стоит отметить, что в современном мире существует достаточное количество видеоигр, которые могут быть квалифицированы в качестве азартных. В этом смысле возникает закономерный вопрос: могут ли распространители таких

видеоигр игнорировать требования и положения законопроекта (включая требование о маркировке)? Если допустить, что ответ на этот вопрос будет дан положительный, возникает проблема соответствия такого положения одному из фундаментальных принципов гражданского законодательства — равенства участников гражданских правоотношений (по крайней мере, в той части положений законопроекта, которые можно квалифицировать как регулирующие частноправовые отношения).

Представляется, что такое абсолютное обособление сферы регулирования законопроекта от азартных игр не вполне обоснованно и было бы разумнее говорить о необходимости соблюдения положений как законопроекта, так и Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» применительно к разработчикам таких видеоигр, которые также подпадают под определение азартной игры, либо о целесообразности ввести четкие критерии, позволяющие квалифицировать отдельные видеоигры как неазартные.

Индустрия видеоигр — достаточно молодая отрасль экономики во всем мире, в том числе в Российской Федерации. Как любой массовый культурный продукт, способный влиять на мировосприятие широкой аудитории, позволяющий транслировать российскую культуру в другие государства, видеоигры неизбежно попадают в фокус внимания государства. Будучи явлением реального мира, видеоигры все чаще становятся предметом самых разных частноправовых и публично-правовых отношений. В этом смысле появление нового законодательного регулирования в данной сфере следует воспринимать как норму. В то же время стоит помнить, что такое регулирование возникает не в вакууме, а в сложившейся правовой системе, которой оно, безусловно, должно соответствовать. В этой связи с учетом текущего содержания законопроекта представляется более разумным направить усилия не на разработку отдельного отраслевого законодательного акта, а на разработку поправок в существующие федеральные законы, которые упоминались в данной статье.

Если же законодатель по каким-то причинам видит необходимость в отдельном, узкоотраслевом законодательном акте, то, вероятно, его предмет и содержание должны быть посвящены именно отрасли в самом широком смысле. Неплохим ориентиром для этого подхода может служить Закон Республики Корея «О развитии игровой индустрии», который в качестве цели регулирования называет содействие развитию национальной экономики и повышению качества

культурной жизни народа путем развития игровой индустрии и формирования здоровой игровой культуры народа через создание основ игровой индустрии и с помощью регулирования вопросов, связанных с использованием игровой продукции [28].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (дата обращения: 23.02.2025).
2. Законопроект № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (дата обращения: 23.02.2025).
3. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11454/ (дата обращения: 23.02.2025).
4. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 23.02.2025).
5. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 8 февраля 1992 г.
6. Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 20. Ст. 718.
7. Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4473.
8. Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041535&ysclid=le3246jbfqf311362314> (дата обращения: 23.05.2025).
9. Федеральный закон от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 2. Ст. 234.
10. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
11. Струсь К.А., Попандопуло Н.А. Категория «правовые основы»: к вопросу о классификации // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 32. С. 86.
12. Попандопуло Н.А. Юридическое содержание категории «правовые основы» // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29. С. 135–136.
13. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 02.03.2025).
14. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482418/ (дата обращения: 02.03.2025).
15. МКБ 10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра. [Электронный ресурс]. — URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4238> (дата обращения: 02.03.2025).
16. Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. М.: Развитие правовых систем, 2023. 240 с.
17. Гришаев С.П. Интеллектуальная собственность: учеб. пособие. М.: Юрист, 2004. 238 с.
18. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. М.: Статут, 2010. 165 с.
19. Подшибихин Л.И. Правовая охрана программы для ЭВМ. М.: Патент, 2010. 152 с.
20. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Проспект, 2013. 128 с.
21. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches / A. Ramos, L. López, A. Rodríguez. WIPO. 2013.
22. Зубек Р. Элементы гейм-дизайна. Как создавать игры, от которых невозможно оторваться. М.: Бомбора. 2022. 335 с.
23. Архипов В.В., Васильев А.А., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В. Компьютерные игры в юридических исследованиях: к вопросу о предпосылках модели регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 1. С. 5–21.
24. Wildmender end User Licence Agreement. — URL: <https://www.kwalee.com/eula-pcc-wildmender/en-GB> (дата обращения: 24.06.2025).
25. Wildmender Privacy and Data Policy. [Electronic resource]. — URL: <https://www.kwalee.com/pp-pcc-wildmender/en-GB> (date accessed: 24.06.2025).
26. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 02.03.2025).

27. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ (дата обращения: 02.03.2025).
28. Game industry promotion Act [Enforcement Date 12. Jan, 2019.] [Act No. 15859, 11. Dec, 2018., Partial Amendment]. [Electronic resource]. — URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=205598> (date accessed: 02.03.2025).

REFERENCES

1. Federal'ny`j zakon ot 8 avgusta 2024 g. No. 330-FZ "O razvitii kreativnyh (tvorcheskikh) industriy v Rossijskoj Federacii". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (data obrashheniya: 23.02.2025).
2. Zakonoproekt No. 795581-8 "O deyatel`nosti po razrabotke i rasprostranenyu videoigr na territorii Rossijskoj Federacii". — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (data obrashheniya: 23.02.2025).
3. Federal'ny`j zakon ot 22 avgusta 1996 g. No. 126-FZ "O gosudarstvennoj podderzhke kinematografii Rossijskoj Federacii". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11454/ (data obrashheniya: 23.02.2025).
4. Federal'ny`j zakon ot 13 marta 2006 g. No. 38-FZ "O reklame". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (data obrashheniya: 23.02.2025).
5. Zakon Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrya 1991 g. No. 2124-I "O sredstvakh massovoj informacii" // Rossijskaya gazeta. 8 fevralya 1992 g.
6. Zakon Rossijskoj Federacii ot 15 aprelya 1993 g. No. 4804-1 "O vy`voze i vvoze kul`turnyh cennostej" // Vedomosti S`ezda narodnyh deputatov RF i Verhovnogo Soveta RF. 1993. No. 20. St. 718.
7. Federal'ny`j zakon ot 17 noyabrya 1995 g. No. 169-FZ "Ob arhitekturnoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii" // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1995. No. 47. St. 4473.
8. Federal'ny`j zakon ot 26 maya 1996 g. No. 54-FZ "O Muzejnom fonde Rossijskoj Federacii i muzeyah v Rossijskoj Federacii". — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041535&ysclid=le3246jbaqf311362314> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
9. Federal'ny`j zakon ot 6 yanvarya 1999 g. No. 7-FZ "O narodnyh hudozhestvennyh promy`slah" // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1999. No 2. St. 234.
10. Federal'ny`j zakon ot 25 iyunya 2002 g. No 73-FZ "Ob ob`ektah kul`turnogo naslediya (pamyatnikah istorii i kul`tury`) narodov Rossijskoj Federacii" // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. No 26. St. 2519.
11. Strus` K.A., Popandopulo N.A. Kategoriya "pravovy`e osnovy`": k voprosu o klassifikacii // Voprosy` sovremennoj yurisprudencii. 2013. No. 32. S. 86.
12. Popandopulo N.A. Yuridicheskoe sodержanie kategorii "pravovy`e osnovy`" // Voprosy` sovremennoj yurisprudencii. 2013. No 29. S. 135–136.
13. Federal'ny`j zakon ot 29 dekabrya 2010 g. No. 436-FZ "O zashhite detej ot informacii, prichinyayushhej vred ih zdorov`yu i razvitiyu". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (data obrashheniya: 02.03.2025).
14. Federal'ny`j zakon ot 8 avgusta 2024 g. No. 224-FZ "O vnesenii izmenenij v stat`i 1 i 46 Federal`nogo zakona "O narkoticheskikh sredstvakh i psihotropnyh veshhestvakh". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482418/ (data obrashheniya: 02.03.2025).
15. MKB 10 — Mezhdunarodnaya klassifikaciya boleznej 10-go peresmotra. — URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4238> (data obrashheniya: 02.03.2025).
16. Videoigry`, gejmimg, kibersport: pravovy`e voprosy`: kollektivnaya monografiya / pod nauch. red. M.A. Rozhkovoj, R.L. Luk`yanova. M.: Razvitie pravovy`h sistem, 2023. 240 s.
17. Grishaev S.P. Intellektual`naya sobstvennost`: ucheb. posobie. M.: Yurist, 2004. 238 s.
18. Korneev V.A. Programmy` dlya E`VM, bazy` dannyh i topologii integral`nyh mikroshem kak ob`ekty` intellektual`nyh prav. M.: Statut, 2010. 165 s.
19. Podshibihin L.I. Pravovaya ohrana programmy` dlya E`VM. M.: Patent, 2010. 152 s.
20. Kotenko E.S. Avtorskie prava na mul`timedijny`j produkt. M.: Prospekt, 2013. 128 s.
21. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches / A. Ramos., L. López, A. Rodríguez et al. WIPO, 2013.
22. Zubek R. E`lementy` gejm-dizajna. Kak sozdavat` igry`, ot kotoryh nevozmozhno otorvat` sya. M.: Bombora. 2022. 335 s.
23. Arxipov V.V., Vasil`ev A.A., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. Komp`yuterny`e igry` v yuridicheskikh issledovaniyah: k voprosu o predposy`lkah modeli regulirovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2023. No.1. S. 5–21.
24. Wildmender end User Licence Agreement [Electronic resource]. — URL: <https://www.kwalee.com/eula-pcc-wildmender/en-GB> (date accessed: 24.06.2025).

25. Wildmender Privacy and Data Policy. [Electronic resource]. — URL: <https://www.kwalee.com/pp-pcc-wildmender/en-GB> (date accessed: 24.06.2025).
26. Zakon Rossijskoj Federacii ot 7 fevralya 1992 g. No. 2300-I "O zashhite prav potrebitelej". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (data obrashheniya: 02.03.2025).
27. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2006 g. No/ 244-FZ "O gosudarstvennom regulirovanii deyatel'nosti po organizacii i provedeniyu azartnyh igr i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ (data obrashheniya: 02.03.2025).
28. Game industry promotion Act [Enforcement Date 12 Jan, 2019.] [Act No. 15859, 11. Dec, 2018., Partial Amendment]. — URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=205598> (date accessed: 02.03.2025).

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ» В РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ

DEVELOPMENT OF THE DEFINITION OF “INDUSTRIAL DESIGN” IN RUSSIA AND AZERBAIJAN

Эльнур Джамиль оглу МАММАДЛИ

Агентство интеллектуальной собственности Азербайджанской Республики, Баку, Азербайджанская Республика,
elnur.mammadli@gmail.com,
ORCID: 0009-0005-2361-8449

Информация об авторе

Э.Д. Маммадли — пресс-секретарь Агентства интеллектуальной собственности Азербайджанской Республики, магистр права, аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Аннотация. Особенность правовой охраны промышленных образцов обусловлена ее важнейшей ролью в повышении конкурентоспособности продукта в современной рыночной экономике. При наличии национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, отвечающего современным требованиям и международным стандартам, и четкого определения понятия «промышленный образец» правообладатель может предотвратить любое несанкционированное использование своего охраняемого дизайна.

В статье рассмотрены история и этапы развития определения «промышленный образец» в России и Азербайджане. Проанализировано патентное законодательство в сфере охраны промышленного образца в царский, советский и современный периоды. Описаны соответствующие изменения в законодательстве, особенно касающиеся определения понятия «промышленный образец». Также раскрыты некоторые различия в законодательной базе России, Азербайджана и Евразийской патентной организации в области правовой охраны промышленных образцов.

Ключевые слова: промышленный образец, дизайнерский проект, Гражданский кодекс Российской Федера-

- ции, Закон Азербайджанской Республики «О патентах»,
- новизна, оригинальность
-
- **Для цитирования:** Маммадли Э.Д. Развитие понятия
- «промышленный образец» в России и Азербайджане // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 54–58;
- DOI: 10.17323/tis.2025.27964

Elnur Jamil oglu MAMMADLI

- Agency of Intellectual Property of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan,
- elnur.mammadli@gmail.com,
ORCID: 0009-0005-2361-8449

Information about the author

- E.J. Mammadli — Press Secretary of Agency of Intellectual Property of the Republic of Azerbaijan, LL.M., PhD Student of RGAIS

- **Abstract.** The features of legal protection of industrial designs is due to its crucial role in increasing the competitiveness of the product in the modern market economy. In the presence of national legislation in the field of intellectual property that meets modern requirements and international standards and a clear definition of “industrial design”, the copyright holder can exclude and prevent any unauthorized use of his protected design.

- This article examines the history and stages of development of the definition of “industrial design” in Russia and Azerbaijan. It analyzes patent legislation in the field of industrial design protection in the tsarist, Soviet and modern periods. The article describes the relevant changes in legislation, especially in the definition of “industrial design”. It also reveals some differences in the legislative framework of Russia, Azerbaijan and the Eurasian Patent Organization in the field of legal protection of industrial designs.

Keywords: industrial design, design, Civil Code of the Russian Federation, Law of the Republic of Azerbaijan "On Patents", novelty, originality

For citation: Mammadli E.J. Development of the Definition of "Industrial Design" in Russia and Azerbaijan // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 54 (3). P. 54–58; DOI: 10.17323/tis.2025.27964

Legal protection of industrial designs gives the owners of product's designs the opportunity to have a monopoly in the market. The creation of new design objects and the use of the latest technologies develop civil law regulation in this area.

Back in 1864, the Russian Emperor Alexander II approved the "Regulation on the Right of Ownership of Factory Drawings and Models" ("Положение о праве собственности на фабричные рисунки и модели"). This Regulation stipulated that the inventor of a drawing or model intended for reproduction in factory or handicraft products could ensure for himself, for a certain period, the right to exclusive use of the said invention.

During the Soviet Union, in 1924, the Central Executive Committee of the USSR adopted the Resolution "On Industrial Designs (Drawings and Models)" (Постановление "О промышленных образцах (рисунках и моделях)"). According to the Resolution, the designs had to be "a new in appearance or form artistic-industrial drawings, intended for reproduction in relevant publications, and new in appearance, form, structure or arrangement of parts of the model, intended for industry, homemade production, trade, crafts, household use and generally for any work".

However, this resolution was repealed in 1936, and the protection of industrial designs by patent law was suspended. During this period (1924–1936), 6400 industrial designs registered in the Soviet Union [1].

The USSR joined the Paris Convention for the Protection of Industrial Property (hereinafter — Paris Convention) in 1965. The Paris Convention is the first multilateral international treaty in the field of protection of industrial property rights, including patents, trademarks, industrial designs, utility models, service marks, trade names, geographical indications and the suppression of unfair competition. The Council of Ministers of the USSR adopted the Resolution "On Industrial Designs" (Постановление "О промышленных образцах") in the same year. Thus, the protection of industrial designs was restored in the Soviet Union.

According to the new legislation, an industrial design was recognized as "a new, suitable for industrial production, an artistic solution for the appearance of a product, in which the unity of its technical and aesthetic

qualities is achieved". There was enough novelty within the territory of the Soviet Union [2].

In 1981, the "Regulations on Industrial Designs" ("Положения о промышленных образцах") were approved. In this normative act, an "industrial design" was defined as "a new artistic-constructor solution for a product, determining its appearance, corresponding to the requirements of technical aesthetics, suitable for industrial production and producing a positive effect".

According to the Law of the USSR "On Industrial Designs" (Закон СССР "О промышленных образцах") of July 10, 1991, the term "an industrial design" included "an artistic and artistic-constructor solution that determines the appearance of a product". Moreover an industrial design was granted legal protection only if it was "new, original and industrially applicable".

The same definition was included in the Patent Law of the Russian Federation (Патентный закон Российской Федерации) of September 23, 1992. According to Article 6 of the Patent Law, industrial designs included "an artistic-constructor solution of a product that determines its appearance".

In 2003, amendments and additions were made to the Patent Law. In the new version, the criteria of "industrial applicability" was removed from the requirements for an industrial design. It was stated that an artistic-constructor solution of a factory-made or homemade article that determines its appearance should be protected as an industrial design.

On January 1, 2008, Part IV of the Civil Code of the Russian Federation¹ (четвертая часть Гражданского Кодекса Российской Федерации) came into force. The definition of "industrial design" was included in Article 1352. According to the first version of this article, "artistic-constructor solutions of a factory-made or homemade article that determine its appearance" shall protected as an industrial design.

In order to be granted legal protection, an industrial design must be new and original in its essential features: "the essential features of an industrial design shall include features that determine the aesthetic and (or) ergonomic characteristics of the article's outward appearance, in particular the shape, configuration, ornament and combination of colors".

As part of the reform of civil legislation in 2014, certain amendments² made to Part IV of the Civil Code of

the Russian Federation. In the new version of Article 1352, "the appearance solution of a factory-made or home-made article" should be protected as an industrial design.

Combinations of lines, contours of the product, texture or structure of the product's material added to the essential features of an industrial design, and the "ergonomic characteristics" of the appearance removed. The adjective of "artistic-constructor" also removed from the definition of "industrial design". In addition, objects of architecture, industrial, hydraulic and other stationary structures, objects of unstable shape made of liquid, gaseous, bulk or similar substances can be granted legal protection as an industrial design.

The validity of exclusive rights to an industrial design was 5 years from the date of filing an application for a patent to the Federal Service for Intellectual Property of the Russian Federation (Rospatent). At the same time, this term can be repeatedly extended by five years, at the request of the patent holder, but in general for no more than 25 years.

For comparison, the validity period of a patent for an industrial design in the territory of the Republic of Azerbaijan constitutes 10 years and can be tender for not more than 5 years. This will lead us to the second part of the article about Azerbaijan.

During the period of the Russian Empire and the Soviet Union, the above-mentioned legislative acts on the protection of industrial designs were also in force in the territory of Azerbaijan. After Azerbaijan gained independence in 1991, a system of civil-law protection of industrial designs created in the country.

In 2018, an institutional reform carried out in Azerbaijan, testifying to the importance of innovation and intellectual property in the modern economic development of the country [3]. By the order of the President of the Republic of Azerbaijan dated April 20, 2018, the Intellectual Property Agency of the Republic of Azerbaijan (hereinafter — IP Agency) created by merging the Copyright Agency and the Patent and Trademark Center of the liquidated State Committee for Standards, Metrology and Patents.

In a short period the IP Agency developed draft regulatory and methodological documents concerning the procedure for obtaining a patent, searching for information on an application, substantive examination, etc. In 2020, the IP Agency prepared an Analytical Review of Industrial Designs, Geographical Indications and Trademarks in Azerbaijan [4].

Civil protection of industrial designs is regulated by the Law of the Republic of Azerbaijan "On Patent"³

¹ Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ // Collection of the legislation of the Russian Federation. 25.12.2006. No. 52 (Part 1).

² Federal Law of the Russian Federation "On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" of 12 March 2014, No. 35-FZ.

³ Law of the Republic of Azerbaijan "On Patent" dated 25.07.1997 No. 312-IQ. [Electronic resource]. Unified electronic

(hereinafter — Patent Law) dated July 25, 1997. Article 1 of the Patent Law determines definition of “industrial design” as “an artistic or artistic-constructor solution of a product that determines its new appearance”. According to Article 9 of the Patent Law, an industrial design shall granted protection provided if it is new or original [5].

In 2009, the relevant amendments⁴ were made to the Patent Law in order to improve the patent legislation of Azerbaijan in line with the requirements of the World Trade Organization (hereinafter — WTO). As in Russia, in the new version of the Patent Law, the criteria of “industrial applicability” removed from the requirements for an industrial design. Unlike Russian legislation, as stated above, Azerbaijan legislation provides a requirement of novelty or originality. The relaxation of requirements encourages and facilitates inventive activity, and contributes to an increase in patent activity. This also complies with the provisions of Article 25 of the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreement) of the WTO.

The next difference in the legislation concerns the non-provision of legal protection as an industrial design. According to Azerbaijani legislation, solutions conditioned solely by the technical function of the product; architectural objects (except for small architectural forms); industrial, hydraulic and other stationary structures; printed products; unstable objects made of liquid, gaseous, bulk or similar substances are not recognized as an industrial design [6].

After the amendments to the Civil Code of the Russian Federation in 2014, similar exceptions removed. In the near future, it is planned to include provisions ensuring the protection of these objects in the relevant legislation of Azerbaijan.

Another difference concerns the legal protection of industrial designs that include elements identical or confusingly similar to trademarks and objects of copyright. In the legislation of the Russian Federation, the legal protection of industrial designs is prevented, among other things, by the principle of “identity or confusingly similarity to trademark, object of copyright of a third party” [7].

According to the Patent Law, an industrial design shall recognized as meeting the criterion of novelty if the entire set of its essential features that determine aesthet-

ic and ergonomic characteristics are unknown from the knowledge available before the priority date of the industrial design. The set of existing knowledge also includes information on protected trademarks that are related to the filed industrial design. However, the legislation of Azerbaijan does not have a provision on “identity, confusingly similarity to the object of copyright of a third party”.

In our opinion, it would be appropriate establish a norm in the legislation of the Republic of Azerbaijan on the intersection of rights to an industrial design and object of copyright. This can be done by making a corresponding change to the set of existing knowledge (point 3 of the Article 9 of the Patent Law) and adding “information on protected objects of copyright and cultural heritage related to the declared industrial design”.

After the creation of the Eurasian system for the protection of industrial designs, the term “Eurasian industrial design” began to be used in scientific literature. The Protocol to the Eurasian Patent Convention of September 9, 1994, on the Protection of Industrial Designs (hereinafter — Protocol) was adopted at the Diplomatic Conference in Nur-Sultan (Republic of Kazakhstan) on September 9, 2019. The Republic of Azerbaijan became the first Member State of the Eurasian Patent Organization (hereinafter — EAPO) to ratify the Protocol. The Eurasian Patent Office received the first Eurasian application for an industrial design in June 2021. Moreover, by April 2025, more than 1000 Eurasian patents for industrial designs issued.

According to the Article 3 of the Protocol “an industrial design to which legal protection is granted shall be a design of the external appearance of an industrial or artisanal product that is patentable in accordance with the Patent Regulations to the Convention”⁵.

Validity of the Eurasian patent for an industrial design shall be 5 years from the filing date of an application for a Eurasian patent for an industrial design. This duration may extended for successive periods of 5 years each at the request of the holder of a Eurasian patent for an industrial design, with respect to the territory of all the Contracting States in which the Eurasian patent for an industrial design has legal effect. The overall duration of the Eurasian patent for an industrial design may not exceed 25 years from the filing date.

However, the term of validity of a patent for an industrial design in the territory of Azerbaijan is 10 years

database of legal acts of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan. — URL: <https://e-qanun.az/framework/3934> (date of access: 21.05.2025).

⁴ Law of the Republic of Azerbaijan “On Amendments and Additions to the Law of the Republic of Azerbaijan “On Patent” dated 20.10.2009 No. 893-III GD”. [Electronic resource]. Unified electronic database of legal acts of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan. — URL: <https://e-qanun.az/frame-work/18947> (date of access: 21.05.2025).

⁵ Protocol to the Eurasian Patent Convention of September 9, 1994, On the Protection of Industrial Designs. [Electronic resource] Website of the Eurasian Patent Organization. — URL: https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/03/proc_industr_design_protect_1994-1.pdf (date of access: 03.06.2025).

and it is determined from the date of filing an application to the IP Agency. This duration extended based on a petition from the patent holder, but not more than by 5 years.

As can be seen, the maximum term of legal protection of an industrial design in Russia and the EAPO is 25 years from the filing date. In comparison, this duration is maximum 15 years in Azerbaijan. It would be advisable to harmonize the legislation of the EAPO Member States on the legal protection of industrial designs, including the terms of patent validity.

In conclusion, it should be noted that the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation closely cooperate in the field of industrial design protection. Back in 1994, the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Azerbaijan signed the Agreement on cooperation in the field of industrial property protection. Both countries are contracting parties to the Paris Convention, the Hague Agreement Concerning the International Registration of Industrial Designs and the Locarno Agreement Establishing an International Classification of Industrial Designs. They are also contracting parties to the Eurasian Patent Convention. In addition, Azerbaijan and Russia cooperate in the field of protection of industrial designs within the Commonwealth of Independent States and are members of the Interstate Council on Legal Protection and Defense of Intellectual Property.

REFERENCES

1. Gavrilov E.P. Pravovaya ohrana promishlennykh obrazsov v Rossii: prosloe, nastoyasee, budushee // Patent i lisenzii. Intellectualnie prava. 2014. No. 5. P. 13–17.
2. Gonchar T.M. Pravovaya ohrana promishlennykh obrazsov v Respublike Belarus (istoricheskiy aspekt i tendensii razvitiya) // Науковий вісник Міжнародного-гуманітарного університету. 2014. Vol. 1. No 10-1. P. 181–185.
3. Imanov K.S. K voprosu formirovaniya i funkcionirovaniya sovremennogo vedomstva intellectualnoy sobstvennosti // Intellectualnaya sobstvennost. Promishlennaya sobstvennost. 2023. No. 5. P. 37–79.
4. Analiticheskiy obzor promishlennykh obrazsov, geograficheskikh ukazaniy i tovarnih znakov v Azerbaydjane. Baku, 2020.
5. Mammadli E.J. Osobennosti pravovoy ohrani promishlennykh obrassov v Azerbaydjane // Intellectualnaya sobstvennost v sovremennom mire: vizovi vremeni i perspektivi razvitiya // Materiali IV Mejdunaroddnoy nauchno-prakticheskoy konferensii. Vol. 2. Minsk, 2024. P. 172–178.
6. Mammadli E.J. Grajdansko-pravovaya ohrana promishlennykh obrazsov v Azerbaydjanskoy Respublike // Kopirayt (vestnik Akademii intellectualnoy sobstvennosti). 2024. № 2. P. 59.
7. Abenova A.B., Tereshenko O.I. Pravovaya ohrana promishlennykh obrazsov, vklyuchayushykh elementi, tojdestvennie ili shodnie do stepeni smesheniya s tovarnimi znakami, obyektami avtorskogo prava // Kopirayt (vestnik Akademii intellectualnoy sobstvennosti). 2024. No 4. P. 44–59.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ВТОРИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОНОГРАММ КАК МЕХАНИЗМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ИСПОЛНИТЕЛЯ

REMUNERATION FOR THE SECONDARY USE OF PHONOGRAMS AS A MECHANISM ENSURING A BALANCE OF THE INTERESTS OF THE PERFORMER

Эрик Раулевич ВАЛЬДЕС-МАРТИНЕС

Ассоциация правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере изобразительного искусства УПРАВИС, Москва, Россия,
evaldes@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9958-6395

Информация об авторе

Э.Р. Вальдес-Мартинес — директор Ассоциации УПРАВИС, старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», преподаватель Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Аннотация. Рассмотрена проблема, связанная с уступкой исполнителем изготовителю фонограммы прав на получение так называемого справедливого вознаграждения. Несмотря на позицию Верховного Суда РФ о сохранении такого права за исполнителем в случае любой формы передачи исключительного права, выраженную в Постановлении Пленума от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», на практике, как правило, исполнитель уступает такое право изготовителю фонограмм. Складывающаяся судебная практика также расценивает такую передачу как выражение договорной воли.

Автор статьи приходит к выводу о существовании правового дисбаланса не в пользу исполнителя. При записи фонограммы исполнитель обоснованно лишается исключительного права на использование фонограммы при публичном исполнении, в эфирном и кабельном вещании. Указанные права всегда закрепляются за производителем фонограмм. Однако справедливое

- вознаграждение не должно быть предметом переговоров, поскольку оно связано с личностью исполнителя, которого записывают. Как показывают зарубежные исследования, исполнитель всегда выступает в качестве более слабой стороны по отношению к производителю.
- Справедливое вознаграждение — это механизм, обеспечивающий баланс интересов исполнителя.

- **Ключевые слова:** исполнитель, изготовитель фонограмм, справедливое вознаграждение, Римская конвенция, организация по управлению правами на коллективной основе, статья 1326 ГК РФ

- **Для цитирования:** Вальдес-Мартинес Э.Р. Вознаграждение за вторичное использование фонограмм как механизм, обеспечивающий баланс интересов исполнителя // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 59–68; DOI: 10.17323/tis.2025.27965

Erik R. VALDES-MARTINES

Association of Rightowners for Protection and Management of Rights in the Sphere of Visual Arts, UPRAVIS, Moscow, Russia,
evaldes@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9958-6395

Information about the author

- E.R. Valdes-Martines — director of UPRAVIS, senior lecturer at National Research University Higher School of Economics, lecturer at Russian State Academy of Intellectual Property

Abstract. The article examines the problem associated with the assignment by the performer of the rights to receive the so-called equitable remuneration to the producer of the phonogram. Despite the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the preservation of such a right for the performer even in the case of any form of transfer of the exclusive right, expressed in the Resolution of the Plenum of 23.04.2019 No. 10 “On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation”, in practice, as a rule, the performer assigns such a right to the producer of the phonogram. The emerging judicial practice also regards such a transfer as an expression of contractual will.

The author of the article comes to the conclusion about the existing legal imbalance not in favor of the performer. When recording a phonogram, the performer is justifiably deprived of the exclusive right to use the phonogram by public performance, broadcasting and cable. The specified rights are always assigned to the producer of phonograms. However, equitable remuneration should not be negotiable, since it is associated with the personality of the performer who is being recorded. As foreign studies show, the performer always acts as the weaker party in relation to the producer. Equitable remuneration is a mechanism that ensures a balance of interests of the performer.

Keywords: performer, producer of phonograms, equitable remuneration, Rome Convention, collective rights management organization, Article 1326 of the Civil Code of the Russian Federation

For citation: Valdes-Martines E.R. Remuneration for the Secondary Use of Phonograms as a Mechanism Ensuring a Balance of the Interests of the Performer // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 54 (3). P. 59–68; DOI: 10.17323/tis.2025.27965

Исполнители — это певцы, музыканты, актеры и другие деятели искусства, без вклада которых невозможно наслаждаться музыкой, фильмами и другими произведениями.

Исполнители как субъекты права получили охрану на международном уровне с принятием Римской конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций 1961 г. [1] (далее — Римская конвенция). Римская конвенция стала не только первым международным договором в области смежных прав, но и, по существу, ориентиром для государств, которые, присоединяясь к этому акту, предоставляли права исполнителям на национальном уровне. В этом смысле представляется очевидным, что исполнительские права — это один из самых молодых и, пожалуй, малоизученных правовых институтов.

Ценность Римской конвенции заключается не только в формировании института смежных прав, но и в том, что общество обратило внимание на необходимость предоставления определенных правовых гарантий исполнителю, в том числе исключительного права и права на получение так называемого справедливого вознаграждения (*equitable remuneration* — англ.).

В отечественном праве исключительное право на использование исполнения предусмотрено п. 2 ст. 1317 ГК РФ. Но это право представляется очень ограниченным, поскольку исполнитель фактически его лишается в связи с созданием записи фонограммы, в которой такое исполнение зафиксировано. Об этом свидетельствует п. 3 ст. 1317 ГК РФ. Иными словами, с того момента, когда исполнение записано с согласия исполнителя и появляется новый объект права — фонограмма, у исполнителя происходит исчерпание исключительного права на воспроизведение, сообщение в эфир или по кабелю и публичное исполнение записи исполнения.

Такой механизм выглядит вполне оправданным: использование в дальнейшем записанной фонограммы указанными способами должно осуществляться изготовителем фонограммы единолично. В противном случае теряется смысл исключительности права, если на него претендуют два и более лица, не связанных между собой единым результатом интеллекту-

альной деятельности. Кроме того, исключительное право на публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю для исполнителя с момента записи исполнения теряет свое практическое значение в силу невозможности последнего контролировать записанное исполнение. В этом — существенное отличие от живого исполнения, которое осуществляется при непосредственном участии и полном контроле исполнителя.

В этом смысле, как отмечают исследователи, исключительное право исполнителя не всегда лучше, чем гарантированное право на вознаграждение за вторичное использование фонограмм, особенно в цифровую эпоху [2]. Более того, право на справедливое вознаграждение есть право, которое де-факто заменяет исключительное право. При этом подобное право должно быть не только законодательно гарантированным, но и обеспечено такими правовыми конструкциями, которые позволяли бы исполнителю при любых условиях сохранять право за собой. Именно право на получение вознаграждения за вторичное использование фонограмм и должно, по существу, быть такой правовой гарантией для исполнителя.

Вознаграждение исполнителям за вторичное использование фонограмм (исполнений, записанных на таких фонограммах) представляет собой механизм выплаты за поименованные в законе способы использования фонограмм. Этот механизм впервые был представлен в ст. 12 Римской конвенции. Суть его заключается в том, что при некоторых способах использования фонограмм, опубликованных в коммерческих целях, пользователь выплачивает разовое справедливое вознаграждение исполнителям или изготовителям фонограмм или и тем, и другим. Как указывает ст. 12 Римской конвенции, к таким способам использования относится передача в эфир или сообщение любым способом для всеобщего сведения.

Выражение «вторичное использование фонограмм» или «повторное использование фонограмм» (*secondary uses of phonograms* — англ.) было введено в ст. 12 Римской конвенции неслучайно. Во-первых, указание в норме того или иного выражения придает ему особую юридическую форму. Это означает, что оно приобретает определенный юридический смысл и указывает на сложившийся характер особых правоотношений, который необходимо упомянуть в законе, чтобы подчеркнуть устойчивость и некую обособленность, присущие этому явлению. Во-вторых, несмотря на то что ни один законодательный акт не раскрывает содержание этого термина, его смысл можно определить из используемого словосочетания. Вторичное использование фонограмм связано с природой *записанного* исполнения. В начальном виде, когда челове-

чество еще не изобрело граммофон, затем магнитофон и другие современные устройства, исполнение музыкальных произведений осуществлялось исключительно «в живом» виде непосредственно исполнителем. При этом согласие исполнителя на исполнение выражается в форме самого живого исполнения.

Но с появлением возможности создавать запись исполнения и распространять ее с помощью технических средств использование исполнения осуществляется уже в силу не столько прямых конклюдентных действий исполнителя, сколько действий пользователя такой записи. В этом смысле использование записи исполнения путем радиовещания и сообщения публичке является вторичным [3] по отношению к «живому» исполнению. В современной научной литературе подчеркивается, что с развитием и совершенствованием цифровых технологий использование записанных исполнений способами, указанными в ст. 12 Римской конвенции, становится основным [4].

Правовой режим справедливого вознаграждения в международном праве после принятия в 1961 г. Римской конвенции получил развитие со вступлением в силу в 1996 г. Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам (далее — ДИФ) [5]. В п. 1 ст. 15 указанного акта содержится положение о том, что исполнители и производители фонограмм пользуются правом на единовременное справедливое вознаграждение за прямое или косвенное использование фонограмм, опубликованных в коммерческих целях, для эфирного вещания или любого сообщения для всеобщего сведения.

При некоторых правовых различиях в предоставлении права на справедливое вознаграждение общим для Римской конвенции и ДИФ является то, что эти акты устанавливают режим, но не механизм его практической реализации. Указанные международные нормы предлагают каждому договаривающемуся государству установить механизм выплаты справедливого вознаграждения самостоятельно, основываясь на специфике национального права. Более того, и Римская конвенция, и ДИФ предлагают альтернативу получателей справедливого вознаграждения: оно должно выплачиваться исполнителям и изготовителям фонограмм, или только исполнителям, или только изготовителям фонограмм.

В этой связи ГК РФ содержит очень похожий, но в точности не повторяющий правовые нормы иных юрисдикций механизм выплаты исполнителям справедливого вознаграждения за вторичное использование фонограмм. В частности, п. 1 ст. 1326 ГК РФ допускает без разрешения обладателя исключительного права на фонограмму и обладателя исключительного права на зафиксированное в этой фонограмме испол-

нение публичное исполнение фонограммы, опубликованной в коммерческих целях, а также ее сообщение в эфир или по кабелю. Единственным условием бездоговорного использования такой фонограммы является обязательная выплата вознаграждения исполнителю и изготовителю фонограммы. Таким образом, отечественное право пошло по пути соблюдения интересов как исполнителей, так и изготовителей фонограмм. Вместе с тем следует выделить различия в содержании ст. 12 Римской конвенции, ст. 15 ДИФ и ст. 1326 ГК РФ.

В частности, отечественное законодательство не оперирует термином «справедливое вознаграждение». Этот термин, однако, представляется верным, поскольку он не просто отражает суть данного правового явления, но и указывает на принцип справедливости, лежащий в его основе. Следуя такой парадигме, важно выделить два критерия: механизм, формирующий размер такого вознаграждения, и правовую гарантию, которая обеспечивается нормой, определяющей в конечном счете исполнителя как единственного получателя такого вознаграждения.

Формирование размера вознаграждения и механизма его выплаты на основании соответствующих положений закона в национальных юрисдикциях устанавливается и определяется не исполнителями (правообладателями) напрямую, а посредством соглашения с пользователями, в котором исполнитель непосредственно не участвует [6]. Стороной такого соглашения от имени исполнителя выступает организация по управлению правами на коллективной основе (далее — ОКУП). В России такой организацией является Всероссийская организация интеллектуальной собственности (ВОИС) [7].

В этой связи справедливое вознаграждение следует отличать от выплат, которые исполнитель получает за услуги, связанные с осуществлением исполнения: трудовые договоры, выплаты по условиям контракта при записи исполнения/фонограммы и т.п. [8]. Выплата справедливого вознаграждения заменяет традиционно действующий в авторском праве «классический» механизм получения предварительного разрешения непосредственно у правообладателей на использование того или иного объекта. Обращение к авторскому праву в этом контексте неслучайно, несмотря на то что между авторским правом и смежными правами существует большая правовая разница. Отсылка к авторскому праву объясняется тем, что именно этот институт сформировал устойчивые механизмы получения разрешения у правообладателей, например, посредством лицензионных договоров, аналогичным образом в большинстве случаев используемые в смежных правах.

Вместо традиционного механизма заключения лицензионного договора при вторичном использовании фонограмм применяется режим принудительной лицензии (*compulsory license* — англ.). Этот механизм в институте смежных прав допускает использование фонограммы, опубликованной в коммерческих целях, без разрешения правообладателя, но с выплатой ему вознаграждения. Размер такого вознаграждения должен быть справедливым по отношению как к пользователям, так и к правообладателям. Именно принципом справедливости необходимо руководствоваться при установлении размера вознаграждения.

Не вдаваясь глубоко в юридический анализ, следует отметить, что механизм принудительной лицензии был известен авторскому праву и до принятия Римской конвенции. Он впервые был представлен при очередном пересмотре в 1948 г. положений Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. в п. 3 ст. 11bis и п. 1 ст. 13 [9, 10]. Этот механизм широко применяется в праве США [11], Великобритании [12], а также используется в силу предписания Европейской комиссии по ряду судебных дел [13].

Механизм принудительной лицензии, предусмотренной в ст. 12 Римской конвенции, является своего рода консенсусом для разрешения конфликта между правообладателями авторских и смежных прав [14]. Правовой конфликт авторов и правообладателей смежных прав возникает в механизме распоряжения исключительным правом в связи с использованием музыкальных произведений, записанных в фонограммах, при их публичном исполнении и сообщении в эфир / по кабелю. Именно поэтому конструкция ст. 12 Римской конвенции допускает использование фонограмм, опубликованных в коммерческих целях, без предварительного разрешения обладателей смежных прав, но с выплатой им вознаграждения.

Содержание ст. 1326 ГК РФ в целом отражает идею, заложенную в международных договорах, в частности в Римской конвенции и ДИФ. Более того, в отличие от многих юрисдикций, которые в качестве получателя справедливого вознаграждения выбрали лишь изготовителя фонограммы (например, от Аргентины), российское право предоставляет такой механизм как для исполнителя, так и для изготовителя фонограммы. При практической реализации данной нормы, однако, обнаруживаются некоторые недостатки, не отвечающие интересам исполнителя.

Пункт 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — ПП ВС РФ) предусматривает, что право на вознаграждение сохраняется у автора,

исполнителя, изготовителя фонограммы, изготовителя аудиовизуального произведения и тогда, когда исключительное право ему не принадлежит, а равно у обладателя исключительного права, если оно ограничено (например, ст. 1245, 1263, 1326 ГК РФ).

Вместе с тем представляется, что правовая гарантия получения вознаграждения исполнителем в соответствии с п. 1 ст. 1326 ГК РФ и п. 36 ПП ВС РФ не в полной мере обеспечивает его интерес в реализации данного правомочия. Это связано с тем, что законодатель не закрепил такое право исполнителя как непередаваемое и неотчуждаемое.

На практике исполнитель выступает слабой стороной во взаимоотношениях с изготовителями фонограмм [15]. И даже в том случае, когда в договоре помимо полной передачи (отчуждения) права не содержится указания на передачу права, связанного с получением справедливого вознаграждения, такие договоры могут судами интерпретироваться как содержащие подобные требования.

В частности, в деле № А40-52012/11 27-422 [16] суд пришел к выводу, что, поскольку договоры, заключенные исполнителями с изготовителем фонограмм, содержат положения о передаче истцу в полном объеме права на получение вознаграждения за указанные в них способы использования исполнения, публичное исполнение фонограмм, за их сообщение в эфир и по кабелю, «суд не может согласиться с доводом ответчика (ОКУП) об отсутствии у истца права на получение вознаграждения в связи с неуказанием в договорах права на получение вознаграждения за “свободное” использование исполнения».

В своем решении суд справедливо отметил, что, согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ, граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Это, безусловно, верное утверждение, в данном случае едва ли можно считать оправданным, поскольку исполнитель, как правило, является слабой стороной по отношению к продюсеру, руководителю коллектива, оркестра и т.д. Разумеется, суд вряд ли мог выйти за пределы действующего законодательства и дать иную интерпретацию. И здесь видится некоторая несправедливость законодателя, который в данных отношениях не уравнивает неравные стороны.

В настоящее время ни отечественная доктрина, ни действующее законодательство не рассматривают исполнителя, заключающего договор с изготовителем фонограмм, как слабую, зачастую зависимую сторону. В этой области нет никаких исследований. В России, к сожалению, в принципе следует говорить о несформировавшемся частном институте, который защищает и представляет интересы авторов и исполнителей. Действующие ОКУП в РФ выполняют

в большей степени утилитарные функции, связанные со сбором и распределением вознаграждения, что вытекает из условий установленной законом аккредитации. В иностранных юрисдикциях, напротив, отмечается проактивная в широком смысле деятельность профильных организаций, представляющих интересы исполнителей как на международном [17, 18], так и на национальном уровнях (США [19, 20], Канада [21], Великобритания [8] и ряд иных стран).

В то же время вводные положения (п. 72 и 79) Директивы 2019/790 ЕС от 17 апреля 2019 г. (далее — Директива 2019) [22] об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, вносящей поправки в директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС, напрямую обозначают авторов и исполнителей в качестве слабой стороны. В этой директиве справедливо отмечается, что авторы и исполнители находятся в более слабой договорной позиции, когда они предоставляют лицензию или передают свои права, в том числе через свои собственные компании, в целях использования произведений в обмен на вознаграждение.

27 марта 2025 г. Европейская комиссия опубликовала уникальное исследование договорной практики, влияющей на передачу авторских и смежных прав. В данном исследовании помимо прочего довольно четко сформулирован вывод об исполнителях как о слабой стороне в переговорном процессе. Многочисленные опросы авторов и исполнителей в музыкальном секторе свидетельствуют о типичных ситуациях, существующих в переговорном процессе с продюсерами, которые действуют по принципу: «Либо соглашайтесь, либо уходите» [23].

Возвращаясь к теме справедливого вознаграждения, следует отметить, что в праве встречается конструкция, при которой справедливое вознаграждение следует за исключительным правом. Но в отличие от исключительного права право на справедливое вознаграждение обладает определенной автономией, поскольку оно связано непосредственно с личностью автора или исполнителя. На основании такого подхода право на справедливое вознаграждение действует и сохраняется всегда за автором/исполнителем вне зависимости от передачи или уступки непосредственного исключительного права третьим лицам. Такое право получения справедливого вознаграждения автора/исполнителя является непередаваемым и безотказным.

Ярким юридическим примером, закрепляющим такой подход, является ранее действовавшая Директива ЕС 92/100/ЕЭС от 19 ноября 1992 г. по вопросам охраны прав проката и использования, а также ряда иных прав, смежных с авторским правом, в сфере интеллектуальной собственности (далее — Директива 92) [24], в ст. 4 которой содержалось положение,

согласно которому «при передаче или уступке ... исполнителем права проката на фонограмму ... исполнитель сохраняет за собой право на получение справедливого вознаграждения за подобное использование. Отказ ... исполнителя от получения справедливого вознаграждения за прокат не допускается».

Впоследствии механизм справедливого вознаграждения получил развитие и в иных актах ЕС. В частности, ст. 5 и 8 Директивы 2006/115/ЕС о праве аренды и проката и о некоторых правах, касающихся авторского права в сфере интеллектуальной собственности (далее — Директива 2006) закрепляют за исполнителем непередаваемое право на справедливое вознаграждение, в том числе при передаче или уступке исключительного права на прокат (ст. 5), сообщение в эфир и доведение до всеобщего сведения (ст. 8) [25]. О необходимости выплачивать авторам и исполнителям надлежащее вознаграждение говорится также в положениях Директивы 2019 [22].

Модель сохранения за исполнителями непередаваемого и безотказного права на справедливое вознаграждение применялась к различным правам в разных странах. В частности, Бельгия применила такую модель к исключительному праву на сообщение по кабелю (с 2015 г.), на так называемое сообщение путем прямой передачи (*direct injection*) (с 2019 г.), а также на любую форму сообщения произведения, осуществляемую с помощью технических средств, кроме кабеля, но включая интернет (с 2022 г.) [26]. В 2006 г. Испания применила ее к общему праву на сообщение для публики [27]. Механизм безотказного и непередаваемого права на справедливое вознаграждение исполнителя прямо закреплен в нормативных актах и иных европейских стран (Венгрии, Германии и т.д.).

Для стран ЕС принятие конструкции справедливого вознаграждения в какой-то момент стало недостаточным. Об этом ярко свидетельствует довольно известное судебное дело ирландской ОКУП RAAP против британской ОКУП PPL (case 265/19 RAAP v PPL) [28], в результате которого было установлено, что справедливое вознаграждение, собираемое национальными европейскими ОКУП на своих территориях, должно выплачиваться в том числе исполнителям, происходящим из стран, не являющихся членами Римской конвенции (США, Австралии, Сингапура и т.д.), т.е. даже в отсутствие принципа взаимности, широко применяемого в международном авторском праве [29]. Кроме того, такое вознаграждение в силу довольно устойчивого подхода, характерного для многих стран ЕС, связывать справедливое вознаграждение исключительно с исполнителем, распространяется также при его выплате исполнителям из стран, не присоединившихся к Римской конвенции.

Действительно, США и ряд стран системы общего права (кроме Великобритании) не являются участниками Римской конвенции, но это не значит, что в этих странах не существует правовой конструкции справедливого вознаграждения. Она существует, но действует иной механизм ее реализации.

В США справедливое вознаграждение исполнителю выплачивается лишь за использование записи в цифровой среде. США не присоединились к Римской конвенции, но стали участником ДИФ, имплементировав часть его положений в Digital Millennium Copyright Act в 1998 г. [30]. Следует отметить, что право США, равно как и российское, не оперирует термином «справедливое вознаграждение». Отсутствие такого термина, однако, не означает, что его размер определяется без оценки справедливости как одного из основных принципов при расчете вознаграждения, которое принимается специальным органом — Советом США по авторским гонорарам (U.S. Copyright Royalties Board) [31].

В отсутствие института смежных прав в американском праве США фактически признают за исполнителями лишь право на получение вознаграждения за использование записей в цифровой среде посредством интерактивной передачи (*interactive service* — англ.). В частности, параграф 114 Закона об авторском праве США [32] дает исполнителям первого и второго плана (*featured and non-featured performers* — англ.) право получать вознаграждение через организацию по управлению правами на коллективной основе за цифровую передачу звука (*a digital audio transmission* — англ.) [33]. Такое вознаграждение выплачивается только исполнителям, принимавшим участие в записи фонограммы. Третьи лица могут получить такое вознаграждение в следующих случаях:

- если они являются законными наследниками;
- если таким лицом является ОКУП, в том числе иностранная, которая представляет исполнителя.

От имени исполнителя такое вознаграждение могут получить продюсеры или операторы по микшированию, но только при наличии надлежащим образом оформленного письма-распоряжения, подписанного исполнителем. Однако в этом случае у данных лиц возникает обязанность выплатить такое вознаграждение непосредственно исполнителю [33].

Право Великобритании, равно как и США, не признает смежные права. Но в отличие от США Великобритания является членом и Римской конвенции, и ДИФ. Одной из целей присоединения к Римской конвенции была необходимость предоставить исполнителям право на получение справедливого вознаграждения [34]. Это произошло при очередном пересмотре Закона об авторском праве, промышленных образцах

и патентах 1988 г. В декабре 1996 г. в указанный закон была введена ст. 182D, устанавливающая право на справедливое вознаграждение за использование звукозаписи. Пункт первый данной статьи наделял исполнителя правом на справедливое вознаграждение, которое ему должен был выплачивать владелец авторских прав на звукозапись в случае, если коммерчески опубликованная звукозапись всего квалифицированного исполнения или любой его существенной части исполняется публично и/или включается в вещательную либо кабельную программу [12].

Впоследствии положения указанной статьи менялись — в 2003, 2006 и 2013 гг., в том числе в связи с расширением перечня способов использования фонограммы, включая доведение до всеобщего сведения. Но при каждом пересмотре положений этой статьи неизменным оставалось одно: право на справедливое вознаграждение не может быть передано исполнителем никаким третьим лицам, за исключением организации по управлению правами на коллективной основе, и лишь с единственной целью, связанной со сбором такого вознаграждения. Необходимость нормативного закрепления в виде непередаваемого права на справедливое вознаграждение как один из принципов, усиливающий положение слабой стороны, отмечалась в британской доктрине [35].

За яркими декорациями сцены, за красивыми видеоклипами, лучезарными улыбками, гламуром, броским глянцем не виден тяжелый, зачастую неблагоприятный и очень зависимый от многих обстоятельств труд исполнителя. Ставить исполнителя на одну ступень с продюсером, руководителем коллектива представляется крайне несправедливым. При прочих равных условиях исполнитель зачастую действует вынужденно, не по собственной воле. В этой связи применение к явно слабой стороне общеправовых конструкций свободы воли при заключении договора выглядит как дань правовой традиции, но лишено всякого рационального смысла. Выход представляет один — законодатель по собственной инициативе должен закрепить за исполнителем механизм справедливого вознаграждения, обеспечив его правовой гарантией в виде невозможности отказа и передачи третьим лицам. Такой шаг со стороны государства может выглядеть столь же благородным поступком, как подписание королевой Анной первого в истории закона о правах авторов и книгоиздателей в 1710 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Римская конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций 1961 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/rome/> (дата обращения: 06.04.2025).
2. Performers' Rights Study 2022. [Electronic resource]. — URL: https://www.aepo-artis.org/wp-content/uploads/2022/11/AEPO-ARTIS_Performers_Rights_Study_2022_digital.pdf (date accessed: 06.04.2025).
3. Records of the diplomatic conference on the international protection of performers, producers of phonograms and broadcasting organizations. Rome 10 to 26 October 1961, P. 48–49. [Electronic resource]. — URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/preparatory-documents.html#accordion__collapse__19_a~:text=%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%C2%A01961%C2%A0%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BO,%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,-%3B%C2%A0
4. Руководство к договорам ВОИС в области авторского права и смежных прав и глоссарий соответствующих терминов. ВОИС, 2004. С. 152. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=361> (дата обращения: 07.04.2025).
5. Договор ВОИС по исполнению и фонограммам 1996 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/295480> (дата обращения: 13.04.2025).
6. Официальный сайт бельгийской организации по управлению правами исполнителей PlayRight. [Электронный ресурс]. — URL: <https://playright.be/en/what-is-the-equitable-remuneration/> (дата обращения: 06.04.2025).
7. Официальный сайт организации по управлению правами исполнителей и изготовителей фонограмм на коллективной основе «Всероссийская организация интеллектуальной собственности». [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosvois.ru/> (дата обращения: 21.04.2025).
8. Официальный сайт Британского Союза исполнителей. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.equity.org.uk/advice-and-support/secondary-payments/understanding-secondary-payments> (дата обращения: 06.04.2025).
9. General Report on the Work of the Brussels Diplomatic Conference for the Revision of the Berne Convention Brussels, June 5 to 26, 1948. [Electronic resource]. — URL: <https://global.oup.com/booksites/content/9780198259466/15550028> (date accessed: 21.04.2025.)
10. Sam Ricketson and Jane Ginsburg. International copyright and neighbouring rights. The Berne Convention and Beyond. 2nd edition. Oxford University Press, 2006. P. 117.
11. Официальный сайт Бюро по авторскому праву США. Compulsory License for Making and Distributing

- Phonorecords. USA Copyright office. [Electronic resource]. — URL: <https://www.copyright.gov/circs/circ73.pdf> (date accessed: 21.04.2025).
12. UK Copyright, Designs and Patents Act 1988 (last amended 31/12/2020). [Electronic resource]. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/part/1/chapter/VII/crossheading/compulsory-collective-administration-of-certain-rights> (date accessed: 21.04.2025).
 13. Бенли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности: Авторское право / пер. с англ. В.Л. Вольфсона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 459–463.
 14. Mihály Fiscor. Collective Management of Copyright and Related Rights. WIPO., P. 78–84.
 15. LaFrance Mary. Are We Serious About Performers' Rights? (2015). [Electronic resource]. — URL: Scholarly Works. 1180. <https://scholars.law.unlv.edu/facpub/1180> (date accessed: 18.04.2025).
 16. Постановление № 09АП-29814/2011-ГК, дело № А40-52012/11-27-422 по иску ООО «Близнецы» к ВОИС. [Электронный ресурс]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/77a10a38-bd21-45ad-8804-3c8e8b7a7e39> (дата обращения: 01.07.2024).
 17. Официальный сайт Международной федерации музыкантов (FIM). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fim-musicians.org/> (дата обращения: 01.06.2025).
 18. Официальный сайт Международной организации Совет обществ по коллективному управлению правами исполнителей (SCAPR). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.scapr.org/> (дата обращения: 01.06.2025).
 19. Официальный сайт Американской Федерации музыкантов (AFM). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.afm.org/>
 20. Официальный сайт Гильдии актеров — Американская федерация артистов телевидения и радио (SAG-AFTRA). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.afmsagaftfund.org/> (дата обращения: 01.06.2025).
 21. Официальный сайт Альянса канадских деятелей кино, телевидения и радио (ACTRA). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.actra.ca/about-us/> (дата обращения: 01.06.2025).
 22. Directive 2019/790 of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj/eng> (date accessed: 01.06.2025).
 23. Официальный сайт Европейской комиссии. Commission publishes study on contractual practices affecting the transfer of copyright and related rights. [Electronic resource]. — URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/commission-publishes-study-contractual-practices-affecting-transfer-copyright-and-related-rights?pk_source=ec_newsroom&pk_medium=email&pk_campaign=Shaping%20Europe%27s%20Digital%20Future%20website%20updates/en (date accessed: 02.06.2025).
 24. Council Directive 92/100/EEC of 19 November 1992 on rental right and lending right and on certain rights related to copyright in the field of intellectual property. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1992/100/oj/eng> (date accessed: 30.05.2025).
 25. Directive 2006/115/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on rental right and lending right and on certain rights related to copyright in the field of intellectual property — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2006/115/oj/eng> (date accessed: 06.04.2025).
 26. Официальный сайт бельгийской организации по управлению правами исполнителей PlayRight. [Электронный ресурс]. — URL: <https://playright.be/en/musicians-understand-neighbouring-rights/> (дата обращения: 21.05.2025).
 27. Texto refundido de la Ley de Propiedad Intelectual, regularizando, aclarando y armonizando las disposiciones legales vigentes (aprobado por el Real Decreto Legislativo No. 1/1996 de 12 de abril de 1996, y modificado por el Real Decreto-ley No. 6/2022, de 29 de marzo de 2022). [Electronic resource]. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21371> (date accessed: 01.06.2025).
 28. InfoCuria. [Electronic resource]. — URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-265/19&language=en> (date accessed: 01.06.2025).
 29. Study on the international dimension of the single equitable remuneration right for phonogram performers and producers and its effect on the European Creative Sector. Final Report. [Electronic resource]. — URL: <https://www.cde.ual.es/wp-content/uploads/2023/05/study-on-the-international-dimension-of-the-single-KK0922563ENN.pdf> (date accessed: 02.06.2025).
 30. Congress.gov. [Electronic resource]. — URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281/text> (дата обращения: 20.04.2025).
 31. US Copyright Royalty Board. [Electronic resource]. — URL: <https://www.crb.gov/> (date accessed: 20.04.2025).
 32. US Copyright Royalty Board. Copyright Law of the United States. — URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html#114> (date accessed: 20.04.2025).
 33. Soundexchange. [Electronic resource]. — URL: <https://www.soundexchange.com/digital-performance-royalties/> (date accessed: 21.05.2025).

34. The potential economic impact of ER on performers and the music market in the UK. [Electronic resource]. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/equitable-remuneration-er-in-the-streaming-age/the-potential-economic-impact-of-er-on-performers-and-the-music-market-in-the-uk> (date accessed: 30.04.2025).
35. Bainbridge David I. Intellectual property. 8th ed. Prentice Hall, 2010. P. 316–318.

REFERENCES

1. Rimskaya konvencii ob ohrane prav ispolnitelej, izgotovitelej fonogramm i veshchatel'nyh organizacij 1961 g. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/rome/> (data obrashcheniya: 06.04.2025).
2. Performers' Rights Study 2022. [Electronic resource]. — URL: https://www.aepo-artis.org/wp-content/uploads/2022/11/AEPO-ARTIS_Performers_Rights_Study_2022_digital.pdf (date accessed: 06.04.2025).
3. Records of the diplomatic conference on the international protection of performers, producers of phonograms and broadcasting organizations. Rome 10 to 26 October 1961. P. 48–49. [Electronic resource]. — URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/preparatory-documents.html#accordion__collapse__19_a::~text=%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%C2%A01961%C2%A0%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0-,%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,-%3B%C2%A0
4. Rukovodstvo k dogovorom VOIS v oblasti avtorskogo prava i smezhnyh prav i glossarii sootvetstvuyushchih terminov. VOIS, 2004. S. 152. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=361> (data obrashcheniya: 07.04.2025).
5. Dogovor VOIS po ispolneniyam i fonogrammam 1996 g. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/295480> (data obrashcheniya: 13.04.2025).
6. Oficial'nyj sayt bel'gijskoj organizacii po upravleniyu pravami ispolnitelej PlayRight. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://playright.be/en/what-is-the-equitable-remuneration/> (data obrashcheniya: 06.04.2025.)
7. Oficial'nyj sayt organizacii po upravleniyu pravami ispolnitelej i izgotovitelej fonogramm na kollektivnoj osnove "Vserossijskaya Organizaciya Intellektual'noj Sobstvennosti". [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rosvois.ru/> (data obrashcheniya: 21.04.2025).
8. Oficial'nyj sayt Britanskogo Soyuzu ispolnitelej. [Elektronnyj resurs]. — URL: [https://www.equity.org.uk/advice-and-support/secondary-payments/](https://www.equity.org.uk/advice-and-support/secondary-payments/understanding-secondary-payments) understanding-secondary-payments (data obrashcheniya: 06.04.2025).
9. General Report on the Work of the Brussels Diplomatic Conference for the Revision of the Berne Convention Brussels, June 5 to 26, 1948. [Electronic resources]. — URL: <https://global.oup.com/booksites/content/9780198259466/15550028> (date access: 21.04.2025).
10. Sam Ricketson and Jane Ginsburg. International copyright and neighbouring rights. The Berne Convention and Beyond. 2nd edition. Oxford University Press, 2006. P. 117.
11. Oficial'nyj sayt Byuro po avtorskomu pravu SSHA. Compulsory License for Making and Distributing Phonorecords. USA Copyright office. [Electronic resource]. — URL: <https://www.copyright.gov/circs/circ73.pdf> (date access: 21.04.2025).
12. UK Copyright, Designs and Patents Act 1988 (last amended 31/12/2020). [Electronic resource]. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/part/I/chapter/VII/crossheading/compulsory-collective-administration-of-certain-rights> (date of access: 21.04.2025).
13. Benli L., Sherman B. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: Avtorskoe pravo / per. s angl. V.L. Vol'fsona. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2004. S. 459–463.
14. Mihály Fiscor. Collective Management of Copyright and Related Rights. WIPO., P. 78–84.
15. LaFrance Mary. Are We Serious About Performers' Rights? (2015). [Electronic resource]. — URL: Scholarly Works. 1180. <https://scholars.law.unlv.edu/facpub/1180> (date access: 18.04.2025).
16. Postanovlenie No. 09AP-29814/2011-GK delo No. A40-52012/11-27-422 po isku OOO "Bliznecy" k VOIS. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/77a10a38-bd21-45ad-8804-3c8e8b7a7e39> (data obrashcheniya: 01.07.2024).
17. Oficial'nyj sayt Mezhdunarodnoj Federacii Muzykantov (FIM). [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.fim-musicians.org/> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
18. Oficial'nyj sayt Mezhdunarodnoj organizacii Sovet obshchestv po kollektivnomu upravleniyu pravami ispolnitelej (SCAPR). [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.scapr.org/> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
19. Oficial'nyj sayt Amerikanskoj Federacii muzykantov (AFM). [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.afm.org/>
20. Oficial'nyj sayt Gil'dii aktyorov — Amerikanskaya federaciya artistov televideniya i radio (SAG-AFTRA). [Electronic resource]. — URL: <https://www.afmsagaaftrafund.org/> (date access: 01.06.2025).
21. Oficial'nyj sayt Al'yansa kanadskih deyatelej kino, televideniya i radio (ACTRA). [Elektronnyj resurs]. — URL:

- <https://www.actra.ca/about-us/> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
22. Directive 2019/790 of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj/eng> (date of access: 01.06.2025).
23. Commission publishes study on contractual practices affecting the transfer of copyright and related rights. [Electronic resource]. — URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/commission-publishes-study-contractual-practices-affecting-transfer-copyright-and-related-rights?pk_source=ec_newsroom&pk_medium=email&pk_campaign=Shaping%20Europe%27s%20Digital%20Future%20website%20updates/en (date of access: 02.06.2025).
24. Council Directive 92/100/EEC of 19 November 1992 on rental right and lending right and on certain rights related to copyright in the field of intellectual property. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1992/100/oj/eng> (date of access: 30.05.2025).
25. Directive 2006/115/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on rental right and lending right and on certain rights related to copyright in the field of intellectual property. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2006/115/oj/eng> (date of access: 06.04.2025).
26. Официальный сайт бельгийской организации по управлению правами исполнителей PlayRight. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://playright.be/en/musicians-understand-neighbouring-rights/> (data obrashcheniy: 21.05.2025).
27. Texto refundido de la Ley de Propiedad Intelectual, regularizando, aclarando y armonizando las disposiciones legales vigentes (aprobado por el Real Decreto Legislativo No. 1/1996 de 12 de abril de 1996, y modificado por el Real Decreto-ley No. 6/2022, de 29 de marzo de 2022). [Electronic resource]. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21371> (date of access: 01.06.2025).
28. InfoCuria. [Electronic resource]. — URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-265/19&language=en> (date of access: 01.06.2025).
29. Study on the international dimension of the single equitable remuneration right for phonogram performers and producers and its effect on the European Creative Sector. Final Report. [Electronic resource]. — URL: <https://www.cde.ual.es/wp-content/uploads/2023/05/study-on-the-international-dimension-of-the-single-KK0922563ENN.pdf> (date of access^ 02.06.2025).
30. Congress.gov. [Electronic resource]. — URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281/text> (date of access: 20.04.2025).
31. US Copyright Royalty Board. [Electronic resource]. — URL: <https://www.crb.gov/> (date of access 20.04.2025).
32. US Copyright Royalty Board. Copyright Law of the United States. [Electronic resource]. — URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html#114> (date of access^ 20.04.2025).
33. Soundexchange. [Electronic resource]. — URL: <https://www.soundexchange.com/digital-performance-royalties/> (date of access: 21.05.2025).
34. The potential economic impact of ER on performers and the music market in the UK. [Electronic resource]. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/equitable-remuneration-er-in-the-streaming-age/the-potential-economic-impact-of-er-on-performers-and-the-music-market-in-the-uk> (date of access: 30.04.2025).
35. David I. Bainbridge. Intellectual property. Eighth Edition. 2010. Prentice Hall, P. 316–318.

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА КРЕАТИВНОГО ТУРИЗМА

CULTURAL CAPITAL: INTELLECTUAL PROPERTY AS THE BASIS OF CREATIVE TOURISM

Оксана Владимировна СТУЛОВА

Костромской государственный университет, Галич,
Россия,
stulova.lawyer@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-1076-2059

Информация об авторе

О.В. Стулова — практикующий юрист в сфере интеллектуальной собственности. Бакалавр юриспруденции Костромского государственного университета

Аннотация. Как показывают статистические данные о росте внутреннего туристического потока в России, креативный туризм, ориентированный на культурные и традиционные аспекты, стал трендом. Методологической основой являются методы: статистический, системный, анализ и синтез, сравнительно-исторический, анализ судебной практики. Исследуются проблемы, связанные с использованием объектов авторских прав в туристической отрасли. Проведен анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 33-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ООО «Издательский дом “Фест Хэнд”».

В статье обозначена необходимость законодательных изменений для решения актуальных проблем и установления баланса между интересами авторов и туристической отрасли.

Ключевые слова: туризм, креативный туризм, интеллектуальная собственность, фотография, объекты авторского права, туристский продукт

Для цитирования: Стулова О.В. Культурный капитал: интеллектуальная собственность как основа креативного туризма // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 69–75; DOI: 10.17323/tis.2025.27966

Oksana V. STULOVA

Kostroma State University, Galich, Russia,
stulova.lawyer@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-1076-2059

Information about the author

O.V. Stulova — Practicing lawyer in the field of intellectual property

Abstract. Based on statistical data on the growth of domestic tourist flow in Russia, creative tourism focused on cultural and traditional aspects has become a trend. The methodological basis is based on the following methods: statistical, systematic, analysis and synthesis, comparative historical, analysis of judicial practice. The problems related to the use of copyright objects in the tourism industry are being investigated. The analysis of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/25/2024 No. 33-P “In the case of the review of the constitutionality of paragraph 1 of Article 1276 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company Publishing House “Fest Hand””.

The scientific work highlights the need for legislative changes to address current issues and establish a fair balance between the interests of the authors and the tourism industry.

Keywords: tourism, creative tourism, intellectual property, photography, copyright objects, tourist product

For citation: Stulova O.V. Cultural Capital: Intellectual Property as the Basis of Creative Tourism // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 54 (3). P. 69–75; DOI: 10.17323/tis.2025.27966

Становление и развитие креативной экономики включает в себя капитализацию интеллектуальной собственности в различных сферах человеческой деятельности. Рассматриваемое явление охватывает науку, культуру и широкий спектр творческих инициатив. Центральное место в креативной экономике занимают креативные индустрии, благодаря которым идеи и инновации трансформируются в экономическую ценность.

Президент АНО «Креативная экономика» М. Абрамова обратила внимание на то, что на практике неверно используется терминология: «креативную экономику» воспринимают как «экономику творцов», исключительно как область культуры и искусства, что приводит к ошибочному пониманию. Эксперт указала, что креативная экономика охватывает широкую область, включая создателей и деятелей, интеллектуальные достижения и инновационные идеи, что формирует конкурентное преимущество для тех, кто способен предвидеть и создавать тенденции [1].

С.Н. Смирнов и Е.А. Николаенко отметили, что термин «креативная экономика» появился в начале 2000-х гг. В отличие от традиционных моделей экономической деятельности, в основе которых лежит использование природных и трудовых ресурсов, а также капитала, креативные индустрии создают экономическую ценность через реализацию и коммерциализацию творческих способностей людей [2].

Согласно исследованию Керт «Перспективы развития креативных экономик в странах БРИКС+», под креативной экономикой следует понимать совокупность общественных отношений и практик хозяйственной деятельности, основанных на связи между творчеством, культурой, экономикой и технологиями.

По прогнозам G20 Insights, объем мировой креативной экономики может достигнуть 10% мирового ВВП к 2030 г. [3].

В мировом сообществе признают влияние творческих индустрий как фактора, способствующего инновациям, экономико-культурному прогрессу. На уровне государственного управления разрабатываются стратегии и концепции, направленные на поддержку креативной экономики. Творческие индустрии оказывают влияние на экономические показатели, обе-

спечивают сохранность культурного кода и идентичности, способствуют развитию территорий, а также решению проблем в социально-демографической области.

Китай, Россия и Египет отмечают влияние креативных индустрий на туристическую привлекательность регионов и стремятся формировать подходы, направленные на ускорение роста и создание рабочих мест, позволяя регионам самостоятельно определять и совершенствовать свои собственные конкурентные преимущества.

В Китае, например, в 2024 г. создано Агентство по развитию культурных и творческих индустрий, целью которого является продвижение искусства, культуры и творческих секторов по принципу отраслевой принадлежности. Согласно данным статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, креативный сектор Китая применяет стратегию «мягкой силы» как стратегического инструмента развития государства, акцентируя внимание на рекламе, музыке, архитектуре, кино, игровой индустрии, ремеслах [4]. В частности, Шанхай стал мировым лидером в развитии киберспорта. Благодаря разработке городской стратегии Шанхая происходит активное освещение отрасли в средствах массовой информации, проводятся различные чемпионаты и турниры, разрабатывается соответствующий дизайн, строится киберарена, улучшается деловая среда.

Стимулирование и развитие креативной экономики в Российской Федерации обусловлено человеческим капиталом, учетом историко-культурного наследия народов страны в целях обеспечения экономического роста, социальной интеграции, устойчивого развития и укрепления национальной идентичности. Для достижения этих целей совершенствуется законодательство и разрабатывается соответствующая политика в отношении креативных индустрий:

1) Распоряжением Правительства Российской Федерации 20 сентября 2021 г. № 2613-р утверждена «Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» [5];

2) 5 февраля 2025 г. вступил в силу Федеральный закон от 8 августа 2024 г. №330-ФЗ «О развитии кре-

ативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (далее — Закон № 330-ФЗ), направленный на развитие креативной экономики и создание условий для самореализации граждан на основе их творческого и интеллектуального потенциала [6].

Согласно ст. 3 Закона № 330-ФЗ, под креативной (творческой) индустрией понимается экономическая деятельность, непосредственно связанная с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью.

К числу направлений развития креативных индустрий в рамках государственной политики относятся создание благоприятной среды для развития креативного предпринимательства, совершенствование системы образования, повышение уровня капитализации нематериальных активов российского бизнеса, обеспечение роста движения туристов между территориями, возрождение народных художественных промыслов.

Таким образом, креативную экономику формируют креативные индустрии, ядром которых выступает человек, создающий авторский и творческий продукт.

Креативные индустрии занимают особое место в современном креативном туризме, способствуя устойчивому развитию регионов. Согласно статистическим данным Федеральной службы государственной статистики, общее количество туристических поездок россиян за три квартала 2023 г. составило 134 955 161, что на 16,48% больше, чем за весь 2022 г. [7]. На Международной выставке-форуме «Россия» было отмечено, что внутренний туристический поток в России в 2023 г. стал рекордным и составил более 75 млн человек [8].

Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, туризм является инструментом культурного обмена, содействует формированию позитивного имиджа страны на международной арене, рассказывает о культурном разнообразии, традициях и обычаях страны и тем самым укрепляет дипломатические и культурные связи с другими государствами [9].

Эксперт по маркетингу и туризму заместитель руководителя комитета по гастрономическому туризму Российского союза туристической индустрии Е.Х. Ищенко утверждает, что «креативный туризм — это тренд ближайшего десятилетия» [10]. Рост интереса к туризму обусловлен наличием креативного потенциала в этой области, когда путешественникам предлагаются уникальные и аутентичные впечатления, ориентированные на местную культуру, традиции и искусство [2].

В 2006 г. ЮНЕСКО официально закрепила термин «креативный туризм», под которым понимается туризм, направленный на получение путешественниками опыта с активным обучением искусству, изучением культурного наследия или иных культурных особенностей места пребывания [2].

Креативный туризм — это переход от классического туризма в формате пассивного потребления к продукту экономики впечатлений, где существует синергия между творческими процессами и туристическими услугами [11]. Туристы могут выбирать активности и мероприятия, которые соответствуют их интересам: фотография, кулинария или декоративно-прикладное творчество. Такой подход позволяет глубже исследовать местность [12].

Одним из ключевых факторов развития креативного туризма выступает институт интеллектуальной собственности [13]. Интеллектуальная собственность является инструментом защиты и признания авторских прав на различные продукты и услуги, связанные с туризмом, а также обеспечивает их коммерческое использование, способствует привлечению инвестиций в рассматриваемый сектор.

В соответствии со ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) интеллектуальная собственность — это охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [14]. Примерами объектов интеллектуальной собственности в области туризма являются:

- 1) культурные и исторические объекты;
- 2) туристические карты-маршруты, печатные материалы, включающие в себя сведения об актуальных местах для посещения, авторские туры, программы экскурсионного обслуживания и мероприятия;
- 3) фото/видео-материалы;
- 4) музыка, аудиогиды, звуковые эффекты, применяемые в аудиогuidaх;
- 5) произведения изобразительного искусства, скульптуры;
- 6) товарные знаки, патенты, промышленные образцы;
- 7) уникальные рецепты, в том числе те, которые охраняются в режиме коммерческой тайны, секрета производства;
- 8) мерчандайзинг в туристической отрасли. Под мерчандайзингом в данном случае понимается создание и продвижение сувенирной продукции. Сувенирная продукция является материальным атрибутом и символом определенного места, его культурного кода. Отражение специфики локации позволяет туристам сохранить память о поездке и поделиться впечатлениями с другими людьми;
- 9) иные объекты.

Несмотря на обозначенные преимущества, креативный туризм имеет свои проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью.

В настоящее время на рынке туристских услуг существуют печатные, электронные, аудиовизуальные информационные справочники о городах, исторических местах, музеях, маршрутах, которые содержат иллюстрации, касающиеся достопримечательностей, событий, культурных особенностей местного населения, природных ландшафтов и т.д.

Согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Д.Г. Ушакова, под путеводителем понимается книга, содержащая необходимые для поездки, путешествия справки и указания. Справочное издание, помогающее ориентироваться среди наблюдаемого и обозреть все, что следует [15]. На практике к туристскому продукту относится создание, продвижение и распространение путеводителей, справочников-путеводителей, которые издаются в печатных домах, мануфактурах.

Конституционный Суд России рассмотрел дело в связи с жалобой ООО «Издательский дом “Фест Хэнд”» относительно свободного использования изображений скульптур, находящихся в местах, открытых для посетителей, и вынес Постановление от 25.06.2024 № 33-П о проверке конституционности п. 1 ст. 1276 ГК РФ [16]. В этом судебном деле издательский дом «Фест Хэнд» оспаривал п. 1 ст. 1276 ГК РФ, который позволяет свободное использование произведений изобразительного искусства, включая те, что находятся в общественных местах, без согласия автора и без выплаты вознаграждения. Рассматривался спор о праве использования фотографии памятника, созданного скульптором П.П. Чусовитиным, в качестве основного объекта в коммерческом издании — путеводителе.

На протяжении рассмотрения дела суды разных инстанций применяли различные подходы к вопросу о согласии авторов на использование изображений в путеводителе. Суд первой инстанции признал, что П.П. Чусовитин обладает исключительным правом на скульптуру, а использование изображения в путеводителе нарушает его права. Апелляционный суд и Суд по интеллектуальным правам впоследствии пересмотрели это решение, акцентируя внимание на том, что памятник включает в себя элементы как скульптуры, так и архитектуры. В итоге единого подхода по использованию изображения скульптуры, находящейся в открытом для посетителей месте, не сформировалось.

В указанном выше постановлении Конституционный Суд РФ указал на ряд важных положений. При создании скульптуры, располагаемой в месте, открытом для свободного посещения, или видимой из тако-

го места, автор заранее соглашается на возможность использования изображения своего произведения, в том числе, если это происходит с коммерческой целью. Особенно в случаях, когда такое использование способствует развитию региона, повышению его культурной и исторической ценности, поддерживает внутренний туризм.

Конституционный Суд РФ указал, что п. 1 ст. 1276 ГК РФ не противоречит Конституции РФ [17] в той части, что размещение изображений произведений изобразительного искусства — скульптур, находящихся в открытых для свободного посещения местах или видимых из таких мест, в информационно-справочных материалах о культурных, исторических и иных достопримечательностях (в частности, в путеводителях) не требует получения согласия автора или иного правообладателя на использование таких изображений, а также выплаты им вознаграждения, даже если указанный информационно-справочный материал распространяется в целях получения прибыли; при этом скульптура может рассматриваться как основной объект использования данного изображения. Иное толкование может привести к нарушению конституционных ценностей и ограничению права каждого на доступ к культурному потенциалу территорий, что противоречило бы положениям ч. 2 ст. 44 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Тем самым Суд указал на важность сохранения культурного потенциала и доступа общества к культурным ценностям.

Вместе с тем сохранение и продвижение культурного капитала посредством фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии, создает проблему неправомерного использования таких объектов, когда подобные произведения используются без согласия авторов. Для возникновения авторских прав на фотографию необходимо, чтобы она обладала наличием творческого результата и объективной формой.

С.А. Боголюбова отметила, что одним из серьезных препятствий для развития туризма является уход с российского рынка сервисов бесплатных фотографий, векторной графики, иллюстраций и видео [18]. Российский союз туриндустрии (далее — РСТ) обратился в Министерство экономического развития Российской Федерации с письмом, в котором содержится просьба поддержать предложения по изменению законодательства об интеллектуальной собственности [19]. В письме отмечается, что туроператоры и турагенты привлекают потребителей через собственные сайты, где размещают описания туристических направлений и турпродуктов, а также фото- и видеоматериалы популярных мест, парков и памятников, чтобы рассказать о возможностях региона.

Shutterstock, Pixabay, Pexels — платформы, где можно было скачать объекты интеллектуальной собственности и приобрести права на распоряжение ими с помощью соответствующей лицензии, за время существования приобрели популярность. В последнее время международные фотобанки приостановили работу, а взаимодействовать с площадками стоковых фото, аудио и видео стало сложнее. Большинству туристических компаний в соответствии с масштабами их деятельности становится экономически нецелесообразно создавать собственные базы данных фотоматериалов и видеоконтента или регулярно проводить фотосессии для всех демонстрируемых объектов. В связи с этим большинство из них прибегает к использованию фотоматериалов, доступных в интернете. Как следствие это приводит к нарушению авторских прав фотографов и блогеров.

В письме отмечается, что в последние годы приобрела массовый характер практика предъявления требований о защите исключительных прав специализированными организациями по производству исков. С помощью автоматизированных средств такие организации выявляют фотографии, массово используемые в интернете, приобретают исключительные права на них и предъявляют претензии об устранении нарушения исключительного права и необходимости уплаты компенсации. Если лицо отказывается от добровольной уплаты компенсации, подается иск в суд. Только за двумя организациями в области туризма числится подача более 1700 исков.

Для решения проблем РСТ предлагает законодательную инициативу, которая заключается в дополнении перечня свободного использования объектов исключительных прав, предусмотренного п. 1 ст. 1274 ГК РФ, когда такие объекты используются в целях продвижения и реализации туристского продукта туроператором или турагентом [14]. Инициатива РСТ на практике может привести к еще большему количеству правовых споров и усложнить процесс защиты авторских прав. Более того, о таком расширении могут заявить и иные индустрии, а отсутствие четких критериев и границ подобного использования приведет к использованию объектов авторских прав в широком масштабе, что нанесет ущерб авторам и иным правообладателям. Бороться необходимо не со специализированными организациями по производству исков, а с проблемой низкой правовой грамотности в области законодательства об интеллектуальной собственности, формировать способы упрощения взаимодействия с авторами, получения легального права на использование объектов исключительных прав.

Решение указанной проблемы видится и в изучении смысловой нагрузки термина «креативный

туризм», где главным элементом является совместное творчество. Включение местного сообщества в процесс разработки туристских продуктов позволит создать правомерное использование объектов авторских прав, укрепить сотрудничество, минимизировать возникновение конфликтов по незаконному использованию объектов авторских прав. На практике это может быть выражено посредством создания онлайн-платформы, где по аналогии со стоковыми сервисами авторы смогут делиться своими работами для использования в туристических целях с возможностью указания условий использования, что обеспечит прозрачность и легитимность использования интеллектуальной собственности, а также создаст новый канал для получения дохода авторами.

Креативный туризм, обладающий культурным капиталом, — это динамично развивающийся сегмент индустрии, требующий особого внимания к соблюдению законодательства об интеллектуальной собственности. Создание упрощенного порядка легитимного использования фото/видео-материалов в туристских продуктах, организация сотрудничества между туристическими операторами и авторами в рамках местного сообщества будет способствовать более эффективному использованию объектов авторского права и укреплению культурного потенциала регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Ренессанс контент»: Марина Абрамова о перспективах креативной экономики в России. [Электронный ресурс]. — URL: <https://club.forbes.ru/practicum/renessans-kontenta-marina-abramova-o-perspektivah-kreativnoj-ekonomiki-v-rossii> (дата обращения: 22.11.2024).
2. Смирнов С.Н, Николаенко Е.А. Статистика креативной экономики в России // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 4(52). С. 61–72.
3. Перспективы развития креативных экономик в странах БРИКС+. [Электронный ресурс]. — URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2024/05/ru-creative-industries-brics-countries-kept-survey.pdf> (дата обращения: 22.11.2024).
4. От «сделано» в Китае к «создано» в Китае. Материал подготовили Виктория Боос, Евгений Куценко, Екатерина Иванова. [Электронный ресурс]. — URL: <https://issek.hse.ru/news/791075231.html> (дата обращения: 22.11.2024).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации 20.09.2021 г. № 2613-р «Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» (ред. от 21.10.2024) // Информацион-

- но-правовая система «Законодательство России». [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.11.2024).
6. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» направленный на развитие креативной экономики и создание условий для самореализации граждан на основе их творческого и интеллектуального потенциала.
 7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 22.11.2024).
 8. Официальный сайт Международной выставки-форума «Россия». [Электронный ресурс]. — URL: <https://vdnh.ru/russia/> (дата обращения: 22.11.2024).
 9. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность и туризм. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.wipo.int/ru/web/tourism> (дата обращения: 22.11.2024).
 10. Международный форум-выставка «Отдых Leisure 2023». [Электронный ресурс]. — URL: Код будущего. <https://tourismexpo.ru/media/news/44091/> (дата обращения: 22.11.2024).
 11. Филатова М.С., Разик А. Поддержка развития туризма через интеллектуальную собственность // Перспективы развития российского общества в условиях вызовов современного мира. Актуальные вопросы права, коммуникации, дизайна, туризма в условиях современного мира. М.: ООО «СКИ», 2022. С. 213–218.
 12. Долгачева В.М. Интеллектуальная собственность в туризме // Интеллектуальная собственность в инновационном развитии региона. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2022. С. 15–20.
 13. Филатова М.С., Алахмад Р. Продвижение инноваций в сфере туризма с помощью прав интеллектуальной собственности и использование возможностей для финансирования // Перспективы развития российского общества в условиях вызовов современного мира. Актуальные вопросы права, коммуникации, дизайна, туризма в условиях современного мира. М.: ООО «СКИ», 2022. С. 199.
 14. Гражданский кодекс Российской Федерации (в ред. 22.07.2024) // Информационно-правовая система «Законодательство России». [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.11.2024).
 15. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940). [Электронный ресурс]. — URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/путеводитель> (дата обращения: 22.11.2024).
 16. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Издательский дом “Фест Хэнд”» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», раздел «Судебная практика». [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 22.11.2024).
 17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 26.11.2023).
 18. Боголюбова С.А. Проблема интеллектуальной собственности // Ученые записки международного банковского института. 2023. № 4 (46). С. 21–33.
 19. Официальный сайт Российского союза туриндустрии. [Электронный ресурс]. — URL: <https://guide.rostourunion.ru/> (дата обращения: 22.11.2024).

REFERENCES

1. “Renessans kontent”: Marina Abramova o perspektivah kreativnoj ekonomiki v Rossii. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://club.forbes.ru/practicum/renessans-kontenta-marina-abramova-o-perspektivah-kreativnoj-ekonomiki-v-rossii> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
2. Smirnov S.N, Nikolaenko E.A. Statistika kreativnoj ekonomiki v Rossii // Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii. 2022. S. 61–72.
3. Perspektivy razvitiya kreativnyh ekonomik v stranah BRIKS +. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2024/05/ru-creative-industries-brics-countries-kept-survey.pdf> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
4. Ot “sdelano” v Kitae k “sozdano” v Kitae. Material podgotovili Viktoriya Boos, Evgenij Kucenko, Ekaterina Ivanova. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://issek.hse.ru/news/791075231.html> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii 20.09.2021 g. No. 2613-r “Konceptiya razvitiya kreativnyh (tvorcheskikh) industrij i mekhanizmov osushchestvleniya ih gosudarstvennoj podderzhki do 2030 g.” (red. ot 21.10.2024) // Informacionno-pravovaya sistema “Zakonodatel'stvo Rossii”. [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
6. Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2024 goda №330-FZ “O razvitii kreativnyh (tvorcheskikh) industrij v Rossijskoj Federacii” napravlennyj na razvitie kreativnoj ekonomiki

- i stvorenie uslovij dlya samorealizacii grazhdan na osnove ih tvorcheskogo i intellektual'nogo potenciala.
7. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
 8. Oficial'nyj sajt Mezhdunarodnoj vystavki-foruma "Rossiya". [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://vdnh.ru/russia/> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
 9. Oficial'nyj sajt Vsemirnoj organizacii intellektual'noj sobstvennosti. Intellektual'naya sobstvennost' i turizm. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.wipo.int/ru/web/tourism> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
 10. Mezhdunarodnyj forum-vystavka "Otdyh Leisure 2023". — URL: Kod budushchego. <https://tourismexpo.ru/media/news/44091/> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
 11. Filatova M.S., Razik A. Podderzhka razvitiya turizma cherez intellektual'nyu sobstvennost' // Perspektivy razvitiya rossijskogo obshchestva v usloviyah vyzovov sovremennogo mira. Aktual'nye voprosy prava, kommunikacii, dizajna, turizma v usloviyah sovremennogo mira. M.: SKI, 2022. S. 213-218.
 12. Dolgacheva V.M. Intellektual'naya sobstvennost' v turizme // Intellektual'naya sobstvennost' v innovacionnom razvitii regiona. Habarovsk: Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 15-20.
 13. Filatova M.S., Alahmad R. Prodvizhenie innovacij v sfere turizma s pomoshch'yu prav intellektual'noj sobstvennosti i ispol'zovanie vozmozhnostej dlya finansirovaniya // Perspektivy razvitiya rossijskogo obshchestva v usloviyah vyzovov sovremennogo mira. Aktual'nye voprosy prava, kommunikacii, dizajna, turizma v usloviyah sovremennogo mira. M.: SKI, 2022. S. 199.
 14. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (v red. 22.07.2024) // Informacionno-pravovaya sistema "Zakonodatel'stvo Rossii". [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
 15. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod redakciej D.N. Ushakova (1935–1940). [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/putevoditel> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
 16. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.06.2024 No. 33-P "Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 1276 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu Izdatel'skij dom "Fest Hend" // Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus", razdel "Sudebnaya praktika" (data obrashcheniya: 22.11.2024).
 17. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus". [Elektronnyj resurs]. — URL: www.consultant.ru. (data obrashcheniya: 26.11.2023).
 18. Bogolyubova S.A. Problema intellektual'noj sobstvennosti // Uchenye zapiski mezhdunarodnogo bankovskogo instituta. 2023. No. 4 (46). S. 21–33.
 19. Oficial'nyj sajt Rossijskogo soyuza turindustrii. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://guide.rostourunion.ru/> (data obrashcheniya: 22.11.2024).

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ РИМСКОГО ПРАВА LEGAL PERSONHOOD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LIGHT OF THE CONCEPTS OF ROMAN LAW

Александр Игоревич РЫБИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
al.rybin1@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-4735-9087

Информация об авторе

А.И. Рыбин — аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Аннотация. Анализируется проблема правосубъектности искусственного интеллекта в свете ее отражения в правовом поле. Применяя формально-юридический метод, автор анализирует существующую нормативно-правовую базу по искусственному интеллекту, а также актуальные доктринальные исследования, осмысливающие место искусственного интеллекта в системе права. В процессе исследования автор приходит к выводу, что искусственный интеллект не может быть отнесен ни к одной модели правосубъектности, существующей в современном российском законодательстве. Трудность определения модели правосубъектности искусственного интеллекта прежде всего связана с его промежуточным положением между режимом объекта прав и статусом субъекта прав. В этой связи автор выдвигает предположение, согласно которому

- оптимальной концепцией, позволяющей интегрировать
- особое полусубъектное положение искусственного
- интеллекта в праве, является концепция «квазисубъекта». Сложность применения этой концепции на практике
- определяется тем, что в европейской правовой традиции крайне редко встречаются примеры ее формализации. Один из таких редких примеров — это система норм
- римского права, определяющих положение раба.
- Обращение к истории римского права позволяет увидеть, что правовое положение раба практически
- определялось режимом вещного права, однако возможности использования человеческого потенциала рабов их
- хозяевами предопределяли появление норм (например, нормы о натуральных обязательствах), которые обходили указанные ограничения и признавали за рабом
- возможность быть стороной обязательств, в некоторых случаях нести ответственность и создавать благоприятные правовые последствия для своих господ. В связи с этим
- автор делает вывод, что древнеримская правовая конструкция раба может быть использована для формализации регулирования правового положения искусственного интеллекта как явления, обладающего в некоторой степени правосубъектностью. Такой искусственный интеллект
- может создавать благоприятные правовые последствия для его пользователей или владельцев.

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, квазисубъект, римское право, рабство

Для цитирования: Рыбин А.И. Правосубъектность искусственного интеллекта в свете концепций римского права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 76–91; DOI: 10.17323/tis.2025.27967

Aleksandr I. RYBIN

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
al.rybin1@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-4735-9087

Information about the author

A.I. Rybin — postgraduate student at the Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law of National Research University Higher School of Economics

Abstract. The article analyzes the problem of the legal personhood of artificial intelligence in the light of its reflection in the legal field. Applying the formal legal method, the author analyzes the existing regulatory framework on artificial intelligence, as well as current doctrinal research that comprehends the place of artificial intelligence in the legal system. In the course of the research, the author concludes that artificial intelligence cannot be attributed to any model of legal personhood existing in modern Russian legislation. The difficulty of defining the model of legal personhood of artificial intelligence is primarily related to its intermediate position between the regime of the object of rights and the status of the subject of rights. In this regard, the author suggests that the optimal concept for integrating the special semi-subjective position of artificial intelligence in law is the concept of a “quasi-object”. The difficulty of applying this concept in practice is determined by the fact that examples of its formalization are extremely rare in the European legal tradition. One such rare example is the system of Roman law that defines the position of a slave. An appeal to the history of Roman law allows us to see that the legal status of a slave was practically determined by the regime of property law, however, the possibility of using the human potential of slaves by their s predetermined the emergence of norms (such as norms on natural obligations) that circumvented these restrictions and recognized the possibility for a slave to be a party to obligations, in some cases to bear responsibility and create favorable legal consequences for their masters. In this regard, the author concludes that the ancient Roman construction of a slave can be used to formalize the regulation of the legal status of artificial intelligence as a phenomenon with some degree of legal personhood. Such artificial intelligence can create favorable legal consequences for its users or owners.

- **Keywords:** legal personhood, artificial intelligence, quasi-subject, Roman law, slavery
- **For citation:** Rybin A.I. Legal Personhood of Artificial Intelligence in the Light of the Concepts of Roman Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 54 (3). P. 76–91; DOI: 10.17323/tis.2025.27967

ВВЕДЕНИЕ

В качестве предпосылки к дальнейшему рассуждению приведу расхожий (в отечественной литературе) тезис о том, что правовое регулирование ранее не существовавших общественных отношений становится необходимым в тот момент, когда такие отношения приобретают характер массовых. Примером данного тезиса является история правил дорожного движения, которые в настоящее время кажутся само собой разумеющимся явлением. Правила дорожного движения в том виде, в котором они сейчас существуют, начали оформляться только в тот момент, когда использование транспортных средств в качестве средства передвижения превратилось в обычное, рутинное занятие для человека.

Аналогичное сравнение корректно и для искусственного интеллекта (далее — ИИ). Однако если интеграция транспортных средств в общественные практики происходила в течение нескольких столетий, то развитие и внедрение ИИ происходит гораздо стремительнее. Поэтому, к сожалению, приходится констатировать, что попытки создать нормы права для взаимодействия с ИИ запаздывают, а такой закон, по выражению А.В. Наумова, действительно оказывается «всегда вчерашним» [1, с. 303].

Одной из причин того, что складывается неопределенность на уровне правового регулирования ИИ, является недостаточная доктринальная осмысленность места ИИ в системе правовых категорий. Полагаю, что указанная проблема относится ко всем сферам права, в предмет которых может попадать взаимодействие с ИИ. Так, для охранительных отраслей права приходится создавать правовые конструкции, которые позволяли бы распределять ответственность ИИ в случае правонарушений. Например, в зарубежных юрисдикциях уже довольно остро стоит проблема ответственности за вред, причиненный беспилотным транспортным средством [2, с. 44]. Для регулятивных отраслей права актуальными оказываются, к примеру, вопросы интеллектуальной собственности как на сам ИИ, так и на результаты его деятельности. Например, неясно, можно ли признать собственником ИИ, который создает изображения по описанию.

В настоящий момент указанная проблема часто решается *ad hoc* или несколько шире — для конкрет-

ной отрасли права. Например, место ИИ осмысливается в рамках права интеллектуальной собственности или уголовного права. Однако использование инструментария отдельной отрасли права представляется недостаточным для создания юридической конструкции ИИ, которая отвечала бы критерию универсальности даже для такой отрасли права. Поэтому исследование ИИ в юриспруденции с отраслевых позиций возможно. Однако, чтобы выработать целостную концепцию правосубъектности ИИ, необходимо было бы объединить все существенные положения таких отраслевых исследований. Очевидно, что в случае ошибочности или недостаточности выводов подобных исследований выстраивание целостной концепции правосубъектности было бы невозможным. В связи с этим предпочтительно обращение к теоретико-правовому юридическому инструментарию, а также к объяснительному потенциалу римского права, которое считается универсалией для европейской правовой традиции.

Для проведения собственно юридического исследования правосубъектности ИИ в российском праве, во-первых, необходимо обратиться к российской нормативно-правовой базе, в которой отражены некоторые подходы к закреплению конструкции ИИ. Поэтому для настоящего исследования используется так называемый формально-юридический метод. Во-вторых, мы также обратимся к римскому праву для выявления сходных правовых конструкций, которые являются таковыми в силу своей неоднозначности — например, правосубъектности раба. В-третьих, мы обратимся к сравнению статусов таких промежуточных субъектов в современном российском праве, как животные и недееспособные лица. Таким образом, для раскрытия описываемой проблематики будет использован интегративный подход.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ИИ

В последние несколько лет ИИ довольно часто упоминается в нормативно-правовых актах. Признаки и понятие ИИ определяются в Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года (далее — Национальная стратегия). В подп. «а» п. 5 Нацио-

нальной стратегии ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека [3]. Полагаю, что данное определение стало в некотором роде «стандартом» в принимаемых после 2019 г. нормативно-правовых актах¹. Из приводимого в законодательстве определения можно выделить ряд признаков ИИ.

Родовым признаком ИИ в законодательном определении является «комплекс технологических решений». Такая формулировка весьма сходна с определениями программы для ЭВМ как «совокупности данных и команд» или базы данных как «совокупности самостоятельных материалов», которые установлены в ст. 1261 и п. 2 ст. 1260 ГК РФ соответственно [4].

С одной стороны, комплекс технологических решений и совокупность данных или команд являются явлениями равнопорядковыми, а потому закономерно было бы предположить, что ИИ должен регулироваться по аналогии — нормами права интеллектуальной собственности, как объект такого права.

С другой стороны, в законодательстве устанавливаются также характеристики, которые не позволяют однозначно отнести ИИ к категории интеллектуальной собственности. К таким характеристикам относятся «имитация когнитивных функций человека» и «сопоставимость с результатами интеллектуальной деятельности человека». Во всяком случае, положения права интеллектуальной собственности в части результатов интеллектуальной деятельности по смыслу ст. 1225 ГК РФ не охватывают конструкцию ИИ. Технически ИИ является некоторой *способностью* машин, которая достигается за счет тех же программ для ЭВМ или баз данных. Но ни к базам данных, ни к программам он не может быть редуцирован. Иными словами, в законодательстве, по сути, устанавливается отождествление когнитивных функций этой «совокупности технологических решений», что указывает на одну из характеристик субъекта права.

В общей теории права, а также в отраслях права, в которых содержатся процедуры по идентификации вменяемости, дееспособности, формы вины человека, используется классическая дихотомия интеллектуаль-

ного и волевого компонентов поведения человека. Интеллектуальный компонент состоит в способности понимать свои действия, а волевой — в способности руководить ими [5, с. 228–230]. В философско-правовом измерении указанные два компонента излагаются также в редакции вопросов «свободы воли» и «рациональности» [6, с. 4]. Таким образом, в законодательстве складывается ситуация правового регулирования объекта (комплекса технологических решений) с частичным признанием его параметров как субъекта права: интеллектуальных функций, равных человеческим, а также волевого компонента в части возможности самообучения. Однозначно это не укладывается ни в одну из категорий объектов или субъектов отраслей отечественного права.

В доктрине к аналогичным выводам приходит П.М. Морхат, который также анализирует вопрос правосубъектности юнитов («единиц») ИИ. Он отмечает, что «искусственный интеллект — это полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система» [7, с. 5]. В цитируемом определении можно увидеть указание на признак автономности, который становится одним из центральных аргументов для признания правосубъектности юнитов ИИ.

Обратимся к анализу также иных определений ИИ в праве, которые даются представителями отечественной юридической науки. Одно из определений приводят И.В. Понкин и А.И. Редькина. Оно имеет свои особенности, касающиеся объема и содержания, и состоит из двух частей. В первой части указанные авторы определяют ИИ как «искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему (электронная, в том числе — виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая, или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия» [8, с. 94–95]. Однако на этом определение не заканчивается, и далее авторы упоминают также признаки, которыми обладает ИИ, расписывая подробно каждый из них. В числе таких признаков, во-первых, свойство «субстантивности (включая определенную субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности». Во-вторых, «высокоуровневые возможности воспринимать и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно принимать и реализовывать свои

¹ Идентичные формулировки содержатся также в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента...», Постановлении Правительства РФ от 23.08.2021 № 1380, Приказе Федеральной службы государственной статистики от 31 июля 2023 г. № 363.

решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем». В-третьих, «способности самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубинно самообучаться (для решения задач определенного класса или более широко), осуществлять омологацию себя и своих подсистем, в том числе вырабатывать омологированные “языки” (протоколы и способы) коммуникации внутри себя и с другими искусственными интеллектами, субстантивно выполнять определенные антропоморфно-эмулирующие (конвенционально относимые к прерогативе человека (разумного существа)) когнитивные (в том числе — познавательно-аналитические и творческие, а также связанные с самоосознанием) функции, учитывать, накапливать и воспроизводить (эмулировать) опыт (в том числе — человеческий)» [8, с. 94–95].

Полагаю очевидным проблемность приведенного определения и приведу аргументы в подтверждение заявленного тезиса. Во-первых, обилие технической терминологии не позволяет полноценно сделать акцент на существенных для правового регулирования аспектах. Во-вторых, излишние повторения синонимичных признаков (субстантивность, автономность, самореферентность), которые перегружают смысловую часть определения и также препятствуют его восприятию для целей правового регулирования. В-третьих, чрезмерная объемность определения, которое, скорее, выполняет функцию описания, а не выделения необходимых существенных признаков. В данном случае автор склонен согласиться с Е.В. Евтеевой, рассматривающей ИИ с позиций права интеллектуальной собственности. Она пишет, что попытка дать детальное правовое описание искусственного интеллекта, учитывая каждый его признак, представляется неудачным решением. Так, большое количество критериев, по которым объект можно отнести к категории ИИ, делает необходимым проведение сложного сравнительного анализа, затрудняющего оперативное решение правовых вопросов. Кроме того, такое определение требует специфических знаний, которыми юристы, как правило, не обладают. Более того, с учетом стремительного развития технологий многие из предложенных авторами признаков со временем утратят свою актуальность [9, с. 98–99].

Рассматривая понятие ИИ также с позиций права интеллектуальной собственности, В.Б. Наумов и Е.В. Тютюк указывают, что под ИИ следует понимать программу (алгоритм), предназначенную для

обработки информации, способную анализировать информацию об окружающей среде, обладающую автономностью в реализации алгоритма, способную без участия человека самообучаться в процессе своего исполнения [10, с. 534]. За исключением признака способности анализировать информацию об окружающей среде, такое определение кажется достаточным и лаконичным. Однако указанный признак создает возможность отождествления с киберфизической системой (далее также — КФС). Говоря проще, в данном случае отождествляются сам ИИ как технология и носитель технологии (например, беспилотный транспорт). В целом, в контексте рассматриваемого определения корректно указать на возникающую в некоторых исследованиях проблему ложного отождествления понятий, например понятий «робот», «киберфизическая система» с понятием ИИ.

С одной стороны, КФС семантически не сводится к понятию ИИ, и на этом основании вопрос об их соотношении исчерпывается. С другой стороны, в анализируемой здесь юридической литературе понятие КФС в разных формах иногда заменяет или дополняет понятие ИИ. Например, В.А. Лаптев пишет о киберфизических правоотношениях, киберфизической ответственности и киберфизическом праве, хотя понятия КФС и ИИ он различает [11, с. 94].

Вместе с тем пересечение понятий КФС и ИИ связано с тем, что функционирование ИИ вне рамок КФС или ЭВМ не представляется возможным. Так, А.В. Лаптев пишет: «В ближайшем будущем искусственный интеллект будет существовать в отрыве от конкретных роботов или ЭВМ, например в виртуальном “облачном” мире, передвигаясь по телекоммуникационной сети Интернет» [11, с. 85]. Несмотря на то что смешение нетождественных понятий КФС и ИИ в юридической литературе не вполне корректно, оно позволяет проблематизировать постановку вопроса о правосубъектности ИИ в целом. Верным представляется разделение ИИ и любых сходных технологических решений, как, например, это делает В.А. Мищук [12, с. 33].

В отношении определений, используемых в настоящее время в юридической литературе, представляется справедливым замечание И.Н. Тарасова, что существенным недостатком этих определений является «сугубо неюридический (технический) характер всех атрибутов, перечисленных в определениях». Это, по его мнению, приводит к тому, что определения не меняют картины юридического восприятия ИИ, не отражают природы и сущности ИИ с точки зрения науки права [13, с. 125].

Зарубежный опыт регулирования данной сферы также не содержит однозначного подхода к опреде-

лению понятия ИИ. Например, ИИ в США определяется в Законе «О национальной инициативе в области искусственного интеллекта» 2020 г. (Artificial Intelligence Initiative Act) как машинная система, которая может для заданного набора определенных человеком целей делать прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду [14]. В Регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте № 2024/1689 от 13 июня 2024 г. не дается определение самому ИИ, вместо этого основным понятием, используемым в нем, становится «система ИИ». Тем не менее составители Регламента не дают четкого определения этому понятию. Как указано в п. 12 преамбулы к Регламенту, определение «системы ИИ» должно основываться на ключевых характеристиках систем ИИ, которые отличают его от более простых традиционных систем ПО или подходов к программированию, а также не должно охватывать системы, основанные на правилах, определенных исключительно физическими лицами для автоматического выполнения операций. Ключевой характеристикой систем ИИ является их способность делать выводы [15].

Таким образом, если редуцировать и сопоставить рассматриваемые определения, наиболее часто встречаемым признаком является признак автономности ИИ. Однако даже выводимый в законодательстве и доктрине признак автономности, к которому апеллируют как к аргументу «за» правосубъектность юнитов ИИ, не является необходимым критерием. Рассуждая от обратного, мы убедимся, что отсутствие автономности не лишает правосубъектности ее носителя. Например, признанный недееспособным гражданин, полностью зависящий от своего опекуна, не прекращает быть субъектом права. Для разрешения противоречий, которые обнаруживаются в контексте статуса ИИ, целесообразно обратиться к понятийному аппарату римского права, которое стало прообразом появившейся в XIX в. теории права как науки об универсальных правовых категориях.

О ДРЕВНЕРИМСКОМ ПОНЯТИИ «PERSONA» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИИ

Концептом, который стал прототипом для появившейся в XIX в. теоретико-правовой фигуры субъекта права, а также предопределил цивилистическое понятие «лицо», являлся концепт «persona». Буквально с латинского языка данное понятие переводится как «театральная маска» [16, с. 252]. Иными словами, понятие «persona» изначально не служило только для описания правового состояния человека. В нем изначально заложена возможность квалифицировать

в качестве «персоны» ряд различных акторов в праве. Этим образный ряд понятий римского права не исчерпывался. Так, римскому праву также известно понятие «caput», которое буквально переводится как «голова» и связано с правоспособностью римских граждан. Обратным процессом является процедура «capitis deminutio», процедура «умаления правоспособности», буквально — процедура, когда человек в юридическом смысле становился «на голову ниже» [17, с. 180].

Последствием наиболее серьезной формы умаления правоспособности (capitis deminutio maxima) является утрата статуса свободного человека, то есть переход в статус раба. Вместе с тем известно изречение Ульпиана о том, что к правовому положению раба применяются нормы о манципируемых вещах [17, с. 181]. Однако в этой части можно усмотреть некоторое противоречие между разными источниками. Такое положение раба опровергается в п. 9 книги первой «Институций» Гая, где указано, что основная классификация лиц (persona) состоит в различении людей как свободных и рабов (servi) [18, с. 19]. Иными словами, Гай утверждает, что «персона» признается в той же степени за рабом, сколь и за свободным. И на основании этого появляются основания утверждать, что, если раб может квалифицироваться как «персона» даже с учетом максимального поражения в правах, логика римского права позволяет подразумевать за ним и некоторые правомочия.

ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБА В РИМСКОМ ПРАВЕ

Следуя логике И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского, такое положение раба как «вещи» было невыгодным даже самим рабовладельцам, которые оказывались ограниченными в использовании физического и интеллектуального потенциала своих рабов, не способных полноценно вступать в правоотношения от их имени и реализовывать их правосубъектность. Поэтому существовало множество правовых форм, которые создавали условия для обхода правового режима вещи, применяемого к рабам. Следует сказать, что как минимум во все периоды развития римского права за рабом признавался пекулий — имущество, выделяемое для управления рабом из общего имущества домовладельца. А поскольку управление имуществом невозможно без заключения сделок, раб также мог приобретать отдельные обязанности, хотя благополучателем от таких сделок выступал его господин (D. 15.1.1.6) [19].

Более того, вступление рабов в обязательственные отношения было явлением типичным, в силу чего

они были интегрированы в систему римского права в качестве категории натуральных (не защищаемых иском) обязательств. Несмотря на то что такие обязательства не были защищены иском, нельзя было требовать уплаченного по таким обязательствам обратно (D. 14.6.9.10), этот вид обязательств создавал довольно обширные возможности для рабов по расширению своей правоспособности. Так, в дигестах отражены правила, касающиеся рабов, которые управляли имением или предприятием господина, заведовали имуществом, были шкиперами на торговых кораблях и выполняли другие функции. Отличительной особенностью таких обязательств было лишь предъявление иска не к самому рабу, а к его господину, и имущественная ответственность по обязательствам господина за действия раба была ограничена размером предоставленного ему пекулия. В классический период уже была разработана система таких исков из действий рабов в хозяйственной деятельности [17, с. 128–129, 297]. Как указывается в отрывке 14 титула седьмого книги сорок четвертой «Дигестов Юстиниана», «из контрактов в соответствии с гражданским правом рабы не обязываются, но по натуральным обязательствам они и обязываются, и обязывают» [20].

Таким образом, несмотря на правовой режим вещи, правосубъектность рабов основывалась на греческих идеях естественного права, преобразованных римским правом в конструкцию натуральных обязательств, которые непосредственно не были защищены иском, однако обеспечивались иском к хозяину такого раба. При этом раб признавался «персоной», которая в силу своей абстрактности позволяла охватывать не только людей, но и вещи (рабов). Это положение раба между лицом и вещью в римском праве весьма сходно с положением ИИ между «комплексом технологических решений» и необходимой способностью имитировать интеллектуальную деятельность человека.

МОДЕЛИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Какой бы складной ни была римская правовая традиция, конечно, ни слова об ИИ там не было и не могло быть. Поэтому прямого ответа на вопрос о подходящем правовом положении ИИ римское право дать не может. Кроме того, даже если признать конструкции римского права подходящими, то встанет вопрос об адаптации норм римского права к отечественному законодательству. Поэтому помимо римского права необходимо рассмотреть признанные и устоявшиеся в юридической литературе модели правосубъектности, а также модели правосубъектности, предлагае-

мые для квалификации аналогичных промежуточных явлений в праве.

Обратимся к работе И.Н. Тарасова, в которой приводится классификация моделей правосубъектности ИИ. Он указывает, что в рассматриваемой юридической литературе приводятся две основные точки зрения на правосубъектность ИИ: во-первых, ИИ как юридическое лицо (точнее, некоторая фикция), во-вторых, как некоторое не подходящее под иные правовые категории «электронное лицо» [13, с. 125]. Дополним: в отношении правосубъектности ИИ также выделяется точка зрения, которая вовсе отрицает его правосубъектность и определяет его как объект права.

Представители первой точки зрения утверждают, что наиболее подходящей категорией для правового регулирования ИИ является категория юридического лица. Такой точки зрения придерживаются, например, В.В. Архипов и В.Б. Наумов [21, с. 160]. Они прибегают к конструкции юридического лица на том основании, что юридические лица также являются не чем иным, как фикцией (по крайней мере, по одной из теорий), в отличие от физических лиц. Но сходства лишь по одному критерию недостаточно, чтобы признать возможность встраивания ИИ в концепцию юридического лица в смысле ст. 48 Гражданского кодекса РФ. Однако такая модель признания правосубъектности ИИ через конструкцию «юридического лица» также является справедливой и обоснованной, если понимать «юридическое лицо» в широком смысле — как лицо, не сводимое к некой организации [22, с. 21–22].

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика фактически приравнивает нетипичных субъектов, включая искусственный интеллект, к юридическим лицам в части их правового статуса. Однако в отношении таких объектов, как река или текст, подобный подход носит характер исключительно юридической фикции, а не признания реальной правосубъектности. Вместе с тем модель правосубъектности, характерная для юридического лица, представляется наиболее соответствующей природе искусственного интеллекта. Аргументом в пользу рассматриваемой концепции является тот факт, что конструкция юридического лица используется в настоящее время для таких нетипичных субъектов. Например, в Новой Зеландии в 2017 г. в качестве юридического лица признали реку [23, с. 2–3].

Как отмечает Н.Е. Ладенков, подобно юридическому лицу, искусственный интеллект не существует физически в материальном мире, а его создание направлено на удовлетворение человеческих интересов, прежде всего экономических. Более того, виды

юридической ответственности, применимые к юридическим лицам, при соответствующем законодательном регулировании могут быть распространены и на искусственный интеллект, если он будет признан субъектом права. Также представляется возможным использование системы учета в отношении искусственного интеллекта по аналогии с юридическими лицами. Кроме того, Н.Е. Ладенков отмечает, что нет необходимости в принципиально новой модели правосубъектности. Поэтому он указывает, что в тех случаях, когда искусственный интеллект будет участвовать в гражданском обороте, его правовой статус будет определяться по аналогии с юридическим лицом [24, с. 19]. Тем не менее широкого принятия в юридическом сообществе эта идея не находит, напротив, она подвергается критике, как в работе И.Н. Тарасова [13, с. 125].

Более популярна концепция признания правосубъектности на основе моделирования особой конструкции, в частности конструкции «электронного лица», «электронного агента» или «робота». В рамках данной модели правосубъектности употребление используемых понятий не устоялось. Например, в работе Г.А. Гаджиева используется понятие робота-агента для технологии ИИ [25, с. 28]. В работах Е.С. Тютчевой [26, с. 50–51] и П.М. Морхата используется понятие «электронное лицо» [27, с. 274], что обусловлено также правовым регулированием Евросоюза в рамках рассматриваемой сферы и использованием понятий «Electronic Person» и «Electronic Personality» [28, с. 4–5]. В зарубежных исследованиях для определения ИИ наряду с «электронным лицом» также используется понятие «синтетические лица» (Synthetic Persons) [29, с. 273–274]. Данная позиция актуализируется также в контексте рассуждения об ИИ как о возможном акторе правосудия, особенно в свете действия альтернативных способов разрешения споров (ADR, alternative dispute resolution), работающих автономно. Например, Р. Зюскинд, обращая внимание на такие системы, указал на уже существующие основания признания правосубъектности по такой модели [30, с. 117–118]. Рассмотрев данную модель признания правосубъектности ИИ, И.А. Филипова и В.Д. Коротеев назвали ее «градиентной правосубъектностью ИИ», сославшись на выражение исследователя из Лёвенского университета Дианы Мокану [31, с. 380]. В целом, эту концепцию можно раскрыть через некоторый компромисс между правосубъектностью юридического и физического лиц за счет ограничения правоспособности [32, с. 3].

Наименее часто встречается точка зрения о том, что невозможно определить правовой статус ИИ, поскольку невозможно определиться с понятием «субъект права» как таковым.

Как указывает С.К. Степанов в духе аналитической юриспруденции, проблемой является то, что категория «субъект права» относится к числу фундаментальных правовых понятий. Если допустить, что в различных юридических контекстах данный термин может наполняться разным содержанием, возникнет сложность в разграничении его активных и пассивных элементов [33, с. 29].

Точки зрения о нецелесообразности признания правосубъектности ИИ придерживаются И.А. Филипова и В.Д. Коротеев. Тем не менее они также отмечают, что сохранять за ИИ исключительно статус объекта права в его нынешнем виде становится все менее оправданным. Оптимальным, по их мнению, решением может стать включение ИИ-систем в перечень объектов гражданских прав с одновременным разграничением их правового регулирования в зависимости от функциональных характеристик. В частности, возможно выделение особой категории — «электронного агента», который будет рассматриваться как квазисубъект права. При этом под «электронным агентом» следует понимать не только автономных физических роботов, но и виртуальные интеллектуальные системы, способные выполнять определенные юридически значимые действия [31, с. 384–385].

Представляется, что предлагаемые в специализированной литературе позиции по рассмотрению модели правосубъектности часто оказываются недостаточно аргументированными в силу того, что внимание в первую очередь обращают на возможности «вписать» эту категорию в рамки уже существующих субъектов в системах законодательства, например вписать ИИ в модель юридического лица. Это с одной стороны. С другой стороны, предпринимаются попытки создать принципиально новые категории правоправедения, которые не всегда встраиваются в отечественную юридическую традицию. Примером такой новой категории является понятие «электронное лицо». Поэтому целесообразно обратиться к классическим теоретико-правовым моделям правосубъектности и проверить возможность встроить категорию ИИ в систему существующих теоретико-правовых понятий.

Анализ современной теоретико-правовой литературы показывает, что выделяются в основном две модели правосубъектности. По первой модели правосубъектность определяется как триединство «правоспособность, дееспособность и деликтоспособность». Во второй модели для правосубъектности достаточно лишь способности быть субъектом прав и обязанностей [34, с. 32]. С одной стороны, первая модель представляется более обстоятельной, поскольку оперирует несколькими критериями. С дру-

гой стороны, полноценно в эту модель укладывается лишь человек как субъект права, для которого моменты правоспособности и дееспособности могут различаться. Например, для юридических лиц, которые по общему правилу приобретают правоспособность, дееспособность и деликтоспособность одновременно при регистрации и присвоении ОГРН, более репрезентативна будет вторая модель. Следует подчеркнуть, что в истории права более жизнеспособной себя показала вторая модель правосубъектности, которая в качестве необходимого свойства устанавливала лишь возможность обладать правами или обязанностями. Наиболее наглядно это выражалось в эпоху Средневековья.

В этом свете примечательна книга дореволюционного юриста Я.А. Канторовича «Процессы против животных в Средние века» [35]. В ней детально описано, как пчелы, свиньи, петухи и прочие животные оказывались подсудимыми в средневековых уголовных процессах. На первый взгляд, животные, которые оказываются признанными в качестве субъекта права, вовсе не отвечают ни интеллектуальному, ни волевому критериям, о которых шла речь выше. Не соответствие этим критериям предопределяет то, что животные не могут совершать сознательных юридически значимых действий, которые необходимы для реализации правосубъектности. А если существо не может совершать юридически значимых действий в принципе, то почему животные вообще определяются как субъекты права?

Средневековая юридическая мысль обосновывает признание за животными прав через религиозный аргумент. Так как и человек, и животное — создания Божьи, человек обязан уважать животное, а следовательно, применять процедуры, которые он применяет в отношении равных себе [35, с. 7]. Этот пример наглядно показывает, что юридические практики в целом могут функционировать и без учета сознательности или воли их субъектов, лишь внешне признавая за ними возможность вообще в каком-либо виде иметь права и обязанности. Речь идет именно об обладании правами, а не об их реализации, поскольку для реализации таких прав как раз нужны интеллектуальный и волевой компоненты.

В этой части примечательна концепция «аскриптивности» языка права, смысл которой состоит в том, что юридические высказывания не отражают действительность, а «приписывают», атрибутируют неким существующим в реальности субъектам и объектам юридические свойства [36, с. 5]. В приведенном примере с животными как сторонами уголовного процесса наиболее ярко проявляется данная механика: животным именно «приписывается» обладание

правами и обязанностями. Эти выводы подтверждаются и в сочинениях другого дореволюционного юриста — В.Н. Дурденевского. Он пишет, что в современной ему юридической мысли он встречался с тезисами о признании управомоченными даже неодушевленных существ — статуй и памятников [37, с. 80–81].

Ясность в сложившуюся путаницу вносит концепт, который предлагается В.Н. Дурденевским для описания таких пограничных правовых явлений. Он пишет, что подобные акторы в праве находятся в полусубъектном или в полуобъектном положении, и для их обозначения он вводит понятие «сокращенный субъект». Он подчеркивает, что на самом деле сокращенные субъекты существуют в современном праве сплошь и рядом. К ним относятся несовершеннолетние и недееспособные в силу состояния здоровья. К ним же он относит фигуру древнеримского раба, эмбрионов (наскитурусов), а также животных [37, с. 80–81].

У современников концепция Дурденевского не получила существенной поддержки, однако спустя время к аналогичным выводам пришли следующие исследователи. Например, несколько лет назад была опубликована диссертация Е.В. Пономаревой, которая исследовала понятие «квазисубъект» в праве. Обращаясь к тем же примерам, которые описаны выше, автор пишет, что в ходе исторического развития вместе с человеком, представляющим классический образ субъекта права, появлялись пограничные явления. Эти явления в юридической литературе часто оцениваются как результат случайностей или как следствие незрелости правовой культуры предшественников. Вместе с тем такие пограничные конструкции в контексте влияния развивающихся технологий не только не утратили своего значения, но и обрели новое звучание, укрепив свои позиции в юридической мысли. Е.В. Пономарева также включила ИИ в качестве примера такого квазисубъекта в праве [38, с. 36].

Так или иначе, для интеграции таких квазисубъектов, в частности ИИ, в систему действующего права необходимо обратиться к конкретным моделям субъектов в законодательстве, известным как физические и юридические лица.

Мы установили, что в римском праве для обозначения субъектов права использовалось понятие «persona», которое не сводилось к понятию свободного человека и человека вообще. Как ни парадоксально, современные отечественные понятия «физическое лицо» и «юридическое лицо» позволяют лучше понять смысл термина «persona». Понятие «физическое лицо» буквально содержит отсылку к человеку, физически состоящему из плоти и крови. Понятие же

«юридическое лицо» в этой дихотомии не сводится к обозначению организации, хотя в гражданском законодательстве (ст. 48 ГК РФ) употребляется именно в таком значении. Широкое значение понятия «юридическое лицо» оказывается наиболее близким к древнеримскому понятию «*persona*». Это наглядно проявляется в иностранном языке. Словосочетание «юридическое лицо» с некоторой степенью условности переводится как «*legal person*». В иностранной литературе, посвященной проблемам правосубъектности, содержание понятия «*legal person*» также сводится к вопросу, кого подразумевать под «персоной»: действительного субъекта или то, что признано таковым юридическим сообществом [39, с. 195].

Тем не менее сведение всех возможных субъектов права к физическим или юридическим лицам, да и в целом к лицам («*persona*»), даже в современной отечественной системе права не вполне корректно. Так, категория «лицо» не охватывает множество правовых статусов, отсутствие которых образовывало бы очевидный пробел в праве. Примером такого статуса является статус представителя. В данном случае имеется в виду не только представитель юридических или физических лиц в смысле материального гражданского законодательства, но и представитель в процессуальных отраслях права. Представитель как в материальном, так и в процессуальном праве выступает как отдельный субъект права. Как отмечает В.А. Белов, представительство является реализацией чужой правосубъектности [40, с. 52]. Поэтому особенность представителя как субъекта прав не сводится к его собственным характеристикам, как у физического и юридического лица, а скорее, основывается на его функциональных свойствах. Другим субъектом права, связанным с представителем как субъектом права, является статус представляемого, выражающийся, например, как подопечный. Иными словами, представитель и представляемый оказываются неким третьим элементом в этой классификации возможных субъектов права, который помогает объяснить категорию квазисубъекта или «сокращенного субъекта», по В.Н. Дурденевскому, поскольку квазисубъекты вполне укладываются в конструкцию представляемого как особого субъекта права.

ПРИМЕНИМОСТЬ НОРМ О СТАТУСЕ РИМСКОГО РАБА К ИИ

Итак, хотя современное законодательство сводит всех лиц («*persona*») к физическим и юридическим, существуют также иные субъекты права, выделяемые в зависимости от их правового статуса и исполняемой функции. В контексте нашего исследования особен-

ный интерес представляют такие субъекты права, как представители и представляемые. Можно привести множество примеров конкретных представителей и представляемых из отраслей материального и процессуального права. Тем не менее, как было отмечено ранее, ИИ как технологическое явление реального мира не укладывается ни в одну из существующих конструкций субъектов права, в частности не может быть тождественным ни одной конструкции представляемых субъектов права. Вместе с тем в римском праве есть такая конструкция, а именно римский раб как субъект права. Почему раба при его формальном правовом режиме мы обозначаем как субъекта права, описано выше в контексте натуральных обязательств, в которых признавалась правосубъектность раба.

Гарольд Берман в работе «Западная традиция права: эпоха формирования» (1983) подчеркивает, что в основе единства Европы лежит общность правовой традиции, а именно объединяющее наследие римского права [41, с. 10–11]. Понимание данного феномена приводит к реальным изменениям в системе права. Во-первых, к стремлению в рамках ЕС гармонизировать, унифицировать правовые системы европейских государств, что проявилось в попытке создания Европейского гражданского кодекса [42, с. 146]. Во-вторых, к актуализации наследия римского права, которое может стать исторической основой при подборе надлежащих правовых конструкций для возникающих в общественной практике новшеств. Подтверждает этот вывод и описанное в этой статье исследование применимости норм, связанных с положением римского раба, для регулирования ИИ.

Как отмечает Талия Дейбель, в будущем юниты ИИ, вполне вероятно, смогут одновременно быть классифицированы как «*res*» (вещь) и как «*persona*» (личность) одновременно. Она указывает, что рецепция древнеримской концепции рабства отражает ее историческую преемственность в нашей правовой системе. Такая преемственность является причиной того, что римское право не только представляет интерес как артефакт истории, но и потенциально является материалом для будущего правовых отношений, поскольку его инструментарий позволяет решать проблемы сегодняшнего дня [6, с. 3].

С опорой на мнение В.Н. Дурденевского о том, что в существующем законодательстве уже предусмотрены отдельные нормы о «сокращенных субъектах», к которым он относит несовершеннолетних, способных совершать некоторые сделки и исполнять обязанности по таким сделкам, правовое регулирование ИИ может быть организовано по аналогичной модели. Необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование ИИ невозможно организовать в рамках

модели несовершеннолетних или лишенных дееспособности граждан, поскольку такие модели все-таки предполагают их применение к физическим лицам, коим ИИ не является.

В настоящее время правовое положение ИИ становится близким положению раба или детей домовладыки. Ответственность за действия таких субъектов несет домовладыка, а ответственность за действия ИИ может нести его собственник или пользователь [43, с. 226–235]. Тем не менее, если говорить о «сокращенных» субъектах права, следует уточнить, в чью пользу сокращена правосубъектность ИИ: будет ли здесь использована конструкция законных представителей, пользователей или производителей. В вопросе о том, является ли это «сокращение» окончательным или временным (как в случае с несовершеннолетними), следует признать, что при современном уровне развития ИИ «сокращение» должно быть окончательным, а не временным. В том числе в силу аргументов о том, что «сильный» ИИ пока не изобретен и вряд ли может быть изобретен в обозримом будущем [44, с. 393–394]. А в случае появления «сильного» ИИ необходимо будет пересмотреть концепции субъекта права и юридической ответственности как таковых, поскольку в таком случае мы будем иметь дело с качественно новым явлением, а не с имитацией когнитивных функций человека, как в настоящее время.

Поэтому гораздо более эффективной представляется модель ответственности для производителя ИИ. Идея возложить на производителя ответственность за любой вред, причиненный автономной системой (если только вред не был причинен по вине жертвы, по вине третьей стороны или форс-мажорных обстоятельств), соответствует римскому пониманию *potestas* (власти домовладыки над рабом). Технология ИИ в основном контролируется производителями, а не ее пользователями, поэтому производителю легче принять заблаговременные меры для профилактики совершения противоправных действий с использованием ИИ [45, с. 40–41].

Ввиду сложности рассматриваемой технологической сферы, касающейся ИИ, следовало бы дополнить модель ответственности производителя. В процессе создания и функционирования ИИ «производитель» является понятием, скорее, абстрактным, которое может подразумевать программистов, поставщиков данных, поставщиков алгоритмов, промпт-инженеров [46, с. 93], NLP (Natural Language Processing)-специалистов [47, с. 76], а также других лиц, вовлеченных в упомянутый процесс. Это важно в контексте распределения юридической ответственности при причинении вреда или совершения правонарушений с использованием ИИ. Например, презюмирование

ответственности за обобщенным «производителем», а не за конкретным NLP-специалистом или инженером алгоритмов ИИ противоречило бы общеправовому принципу индивидуализации ответственности.

Сказанное в отношении «производителя» справедливо и в отношении фигуры «пользователей» технологии ИИ. Допуская, что отчасти действия ИИ могут контролироваться пользователями, следует разделять «пользователя» юнита ИИ, его владельца или собственника. В этом контексте актуальны примеры распределения юридической ответственности в случаях управления гражданами автомобилями, оснащенными автопилотом на основе ИИ [2, с. 44]. Если такой автомобиль будет управляться несобственником, который допустит причинение вреда другим лицам, будет ли ответственным за это собственник такого транспортного средства?

Однако решение вопроса об ответственности ИИ в пользу «производителя», равно как и «пользователя», в любом случае должно быть оформлено через конструкции «мог знать» либо «знал или должен был знать» [48], так как серьезное влияние на теоретико-правовое разрешение проблемы ответственности оказывают особенности самой технологии ИИ. Даже для разработчика предсказуемость и прозрачность его работы оказываются под вопросом, так как ИИ функционирует по принципу «черного ящика», когда известно лишь состояние данных на «входе» и на «выходе» [49, с. 157–158].

Далеко не все юристы соглашались с применимостью юридической концепции древнеримского раба к правовому регулированию ИИ. Клаус Гейне подчеркивает, что было бы необоснованно экстраполировать положения римского права для регулирования не существовавших в то время явлений. Кроме того, наблюдаются существенные различия между рабами и юнитами ИИ. Во-первых, рабы были реальными личностями, наделенными мыслительными и эмоциональными способностями, которыми не обладают объекты ИИ. Во-вторых, диапазон действий, которые могли выполнять рабы, был гораздо шире, чем те, которые система ИИ в настоящее время может выполнять автономно [50, с. 3]. Не вполне соглашаясь с данными тезисами, отмечу, что, возможно, речь идет об отсутствии так называемого эмоционального интеллекта, что, однако не устраняет признак сходства с мышлением человека. Кроме того, оспаривание диапазона выполняемых действий также представляется спорным, поскольку с учетом стремительного аккумулирования полезных навыков некоторые юниты ИИ многократно превосходят обычные человеческие навыки.

Отдельная линия критики применения правовых положений о рабах к ИИ касается этико-правовых

аспектов. Популярным аргументом против имплементации подобных норм в современном праве является указание на недопустимость объективации разумного существа. Поскольку основой самой концепции ИИ является тождественность человека и юнита ИИ, то и правовое регулирование должно осуществляться на началах равенства [51, с. 254–263]. Если довести до логического завершения данную критику, то в результате получится что-то вроде процессов Средневековья против животных. Эти процессы продолжали уголовную процедуру, несмотря на абсолютную невозможность участия в них животных. Такие ситуации доходили до абсурда, когда неявка животных в суд оспаривалась их защитником по основанию оповещения ненадлежащим образом [35, с. 22–23]. В результате образовывалась лишь имитация судебного процесса. Важно отметить, что в Средневековье такие судебные процессы могли проводиться именно на основе религиозного мировоззрения общества. В современную эпоху, характеризующуюся секуляризацией общества, возможность проведения подобных процессов в отношении ИИ представляется маловероятным событием.

ВЫВОД

В качестве вывода вернемся к постановке проблемы, которая послужила отправной точкой для нашего рассуждения. Поскольку в силу скорости развития ИИ часто правовое регулирование и даже правовая доктрина не успевают за возникающими новшествами, получается, что законы, касающиеся ИИ, всегда оказываются «вчерашними». Однако, обращаясь к наследию европейской правовой традиции, мы установили, что этот афоризм о «вчерашнем» законе применительно к определению правового положения ИИ не указывает на некие дефекты правового регулирования, но помогает определить область для поиска правовых конструкций, в которые укладывался бы ИИ. Такие правовые конструкции были найдены в римском праве.

Мы установили, что трудность определения места ИИ в системе права предопределяется его промежуточным положением между режимом объекта прав и статусом субъекта прав, поскольку, с одной стороны, он определяется как система технологических решений по модели интеллектуальной собственности, а с другой стороны, он демонстрирует интеллектуальные способности человеческого уровня.

В теоретико-правовой литературе есть общая концепция, которая охватывает такие случаи. Это концепция «сокращенного субъекта», или, по-другому, «квазисубъекта» права. Однако трудность применения этой концепции на практике определяется

тем, что в европейской правовой традиции крайне редко встречаются примеры ее формализации. Один из таких редких примеров — система норм римского права, определяющая положение раба. Обращение к истории римского права позволяет увидеть, что правовое положение раба практически определялось режимом вещного права, однако возможности использования человеческого потенциала рабов их хозяевами предопределяли появление норм (например, нормы о натуральных обязательствах), которые обходили указанные ограничения и признавали за рабом возможность быть стороной обязательств, в некоторых случаях даже нести ответственность и создавать благоприятные правовые последствия для своих господ.

Некоторые современные теоретики права считают, что древнеримская конструкция раба может быть использована для регулирования правового положения ИИ как явления, обладающего в некоторой степени правосубъектностью. Такой ИИ может создавать благоприятные правовые последствия для его пользователей или владельцев. Однако вопрос ответственности подобного «цифрового раба» остается открытым. Расходятся точки зрения по поводу пользователя как субъекта ответственности, а также по поводу создателя ИИ как лица, которое, в целом, может влиять на совершение любых значимых действий ИИ.

Среди исследователей встречаются и занимающие критические позиции, те, которые не считают корректным применение положений римского права о рабах к ИИ. Первая линия критики делает акцент на некорректности применения норм о рабах по аналогии, поскольку ИИ в те времена не существовало, а значит, при использовании аналогии мы рискуем получить некоторые пробелы или коллизии в праве. Вторая линия критики основана на этических аргументах и указывает на недопустимость установления за разумным существом (если признавать ИИ таковым) статуса раба, то есть объективировать его. Вместе с тем даже с учетом данных критических положений система правовых норм, устанавливающая статус раба в римском праве, представляется одной из наиболее подходящих для потенциального решения проблемы отсутствия правосубъектности у ИИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011. 736 с.
2. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

3. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 4. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 01.10.2024).
5. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
6. Deibel T. Back to (for) the Future: AI and The Dualism of Persona and Res in Roman Law // *European Journal of Law and Technology*. 2021. Vol. 12. № 2. P. 1–27.
7. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2018. 113 с.
8. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки»*. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
9. Евтеева Е.В. Охраноспособность объектов, созданных искусственным интеллектом: теоретическое обобщение // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2022. № 37. С. 97–110.
10. Наумов В.Б., Тытюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // *Правоведение*. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540.
11. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 2. С. 79–102.
12. Мищук В.А. Соотношение понятий «искусственный интеллект» и «искусственная нейронная сеть» в судебной экспертологии / Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 3. С. 33–46.
13. Тарасов И.Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 1. С. 122–130.
14. Страница закона «Artificial Intelligence Initiative Act» // Сайт Конгресса США. [Electronic resource]. — URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (date accessed: 31.07.2024).
15. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations // *Eur-LEX Website*. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (date accessed: 20.02.2025).
16. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, Инфра-М. 1996. 704 с.
17. Римское частное право: уч. для вузов / И.Б. Новицкий и др.; отв. ред. И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. М.: Юрайт, 2023. 607 с.
18. Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с лат., коммент. 2020 / под общ. ред. проф. Д.В. Дождева. М.: Статут. 384 с.
19. The Digest of Justinian: Book 15 // The Latin Library. [Electronic resource]. — URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest15.shtml> (date accessed: 20.06.2024).
20. The Digest of Justinian: Book 44 // The Latin Library [Electronic resource]. — URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest44.shtml> (date accessed: 20.06.2024).
21. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон*. 2017. № 5. С. 157–170.
22. Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // *Журнал российского права*. 2018. № 11 (263). С. 14–24.
23. Collins T. Fluid Personality: Indigenous Rights and the «Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017» in Aotearoa New Zealand // *Melbourne Journal of International Law*. 2019. Vol. 20(1). P. 1–24.
24. Ладенков Н.Е. Модели наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью // *Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2021. № 3. С. 12–20.
25. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // *Журнал российского права*. 2018. № 1 (253). С. 15–30.
26. Тютчева Е.С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2022. № 2. С. 50–58.
27. Морхат П.М. Концепт «электронного лица» в классификации субъектного состава лиц в гражданском праве // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 273–282.
28. Księżak P. Wojtczak S. AI versus robot: in search of a domain for the new European civil law // *Law, Innovation and Technology*. 2020. No. 12. P. 1–21.
29. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, for, and by the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. P. 273–291.
30. Susskind R.E. Tomorrow's lawyers: an introduction to your future. 2-nd edit. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.

31. Филипова И.А., Коротеев В.Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // *Journal of Digital Technologies and Law* (электронный научно-практический журнал). 2023. Vol. 1. № 2. С. 359–386.
32. Мосану D.M. Gradient Legal Personhood for AI Systems-Painting Continental Legal Shapes Made to Fit Analytical Molds // *Frontiers in Robotics and AI*. 2021. Vol. 8. P. 1–11.
33. Степанов С.К. Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве // *Цифровое право*. 2021. Т. 2. № 2 С. 14–30.
34. Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. ИЗИСП при Правительстве РФ. М.: Проспект, 2020. 434 с.
35. Канторович Я.А. Процессы против животных в средние века. СПб, 1898. 58 с. Входит в сборник «В застенках инквизиции. Процессы над ведьмами и животными». М.: Феникс, 2023.
36. Касаткин С.Н. Концепция «открытой текстуры» в философии и юриспруденции: Вайсман и Харт // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Сер.: Право. 2017. № 1-2 (19). С. 3–9.
37. Дурденевский В.Н. Субъективное право и его основное разделение: сб. Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь. 1918. Вып. 1. С. 66–101.
38. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Екатеринбург: Уральский гос. юр. ун-т, 2019. 208 с.
39. Kurki A.J. *A Theory of Legal Personhood*. Oxford University, 2019. 202 p.
40. Богдан В.В., Телегин Р.Е., Жерелина О.Н. Делегированная правоспособность в семейных правоотношениях: частноправовые начала правового регулирования // *Пробелы в российском законодательстве*. 2018. № 5. С. 51–54.
41. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Изд. группа ИНФРА-М — НОРМА. 1998. 624 с.
42. Рудоквас А.Д. Неопандектистика и европейское право (Вступительное слово к дискуссии) // *Древнее право*. № 1 (15). М.: Спарк, 2005. С. 146–155.
43. Афанасьев С.Ф. К вопросу о правовой политике в сфере придания правосубъектности искусственному интеллекту // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022. № 2. С. 226–235.
44. Серл Дж.Р. Сознание, мозг и программы // *Аналитическая философия: Становление и развитие: антология / общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнов*. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 376–400.
45. Wagner G. Robot Liability // *Liability of AI and the Internet of Things, Münster Colloquia on EU Law and the Digital Economy IV*. Baden-Baden, 2019. P. 27–63.
46. Соколова М.Е. ChatGPT и промпт-инжиниринг: о перспективах внедрения генеративных нейросетей в науку // *Научно-исследовательские исследования*. 2024. № 1. С. 92–109.
47. Зенин С.С., Кутейников Д.Л., Япрыцев И.М., Ижаев О.А. Технология обработки естественного языка (NLP) в законодательном процессе // *Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право*. 2020. № 3. С. 76–81.
48. Титов Д.М. Концепция «знал или должен был знать» в корпоративном праве // *Акционерное общество*. 2016. № 1 (140). [Электронный ресурс]. — URL: <https://ao-journal.ru/konceptij-%C2%ABznal-ili-dolzen-byt-znat%C2%BB-v-korporativnom-prave> (дата обращения: 01.10.2024).
49. Кузнецов А.Г. Туманности нейросетей: «Черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // *Социология власти*. 2020. № 2. С. 157–182.
50. Heine K., Quintavalla A. Bridging the accountability gap of artificial intelligence — what can be learned from Roman law? // *Legal Studies*, 2023. P. 1–16.
51. Oleksiewicz I., Mustafa E.C. From Artificial Intelligence to Artificial Consciousness: Possible Legal Bases. For the Human-robot Relationships in the Future // *International Journal of Advanced Research*. 2019. Vol. 7, iss. 3. P. 254–263.

REFERENCES

1. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugodovnoe pravo: kurs lekcij: v 3 t. T. 1: Obshchaya chast'*. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Volters Kluver, 2011. 736 s.
2. Gadzhiev G.A., Vojnikanis E.A. *Mozhet li robot byt' sub'ektom prava? (Poisk pravovyh form dlya regulirovaniya cifrovoj ekonomiki)* // *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*. 2018. No. 4. S. 24–48.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. No. 490 "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii" // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2019. No. 41. St. 5700.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii, chast' 4 [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (data obrashcheniya: 01.10.2024).
5. Malinovskij A.A. *Zloupotreblenie sub'ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)*. M.: YurLitinform, 2007. 352 s.

6. Deibel T. Back to (for) the Future: AI and The Dualism of Persona and Res in Roman Law // *European Journal of Law and Technology*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 1–27.
7. Morhat P.M. Pravosub"ektnost' yunitov iskusstvennogo intellekta. Grazhdansko-pravovoe issledovanie: monografiya. M.: YUNITI-DANA, 2018. 113 s.
8. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyj intellekt s tochki zreniya prava // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. "Juridicheskie nauki"*. 2018. T. 22. No. 1. S. 91–109.
9. Evteeva E.V. Ohranosposobnost' ob"ektov, sozdannyh iskusstvennym intellektom: teoreticheskoe obobshchenie // *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*. 2022. No 37. S. 97–110.
10. Naumov V.B., Tytjuk E.V. K voprosu o pravovom statute «tvorchestva» iskusstvennogo intellekta // *Pravovedenie*. 2018. T. 62. No. 3. S. 531–540.
11. Laptev V.A. Ponjatie iskusstvennogo intellekta i juridicheskaja otvetstvennost' za ego rabotu // *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2019. No. 2. S. 79–102.
12. Mishhuk V.A. Sootnoshenie ponjatij "iskusstvennyj intellekt" i "iskusstvennaja nejronnaja set'" v sudebnoj jekspertologii // *Teoriya i praktika sudebnoj jekspertizy*. 2024. T. 19. No. 3. S. 33–46.
13. Tarasov I.N. Problemy pravovogo regulirovaniya na primere ponjatija "iskusstvennyj intellekt" // *Lex russica*. 2022. T. 75. No 1. S. 122–130.
14. Stranica zakona "Artificial Intelligence Initiative Act" // Sajt Kongressa SSHA. [Electronic resource]. — URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (date accessed: 31.07.2024).
15. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations // *Eur-LEX Website*. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (date accessed: 20.02.2025).
16. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo: uch. dlya vuzov / pod red. V.S. Nersesyanc. M.: Norma, Infra-M, 1996. 704 s.
17. Rimskoe chastnoe pravo: uch. dlya vuzov / I.B. Novickij [I dr.]; otv. reda. I.B. Novickij, I.S. Pereterskij. M.: Yurajt, 2023. 607 s.
18. Institucii Gaya = Gai Institutionum commentarii quattuor: tekst, per. s lat., komment. 2020 / pod obshch. red. prof. D.V. Dozhdeva. M.: Statut. 384 s.
19. The Digest of Justinian: Book 15 // *The Latin Library*. [Electronic resource]. — URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest15.shtml> (date accessed: 20.06.2024).
20. The Digest of Justinian: Book 44 // *The Latin Library [Elektronnyj resurs]*. — URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest44.shtml> (date accessed: 20.06.2024).
21. Arhipov V.V., Naumov V.B. O nekotoryh voprosah teoreticheskikh osnovanij razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub"ektnosti // *Zakon*. 2017. № 5. S. 157–170.
22. Popova A.V. Novye sub"ekty informacionnogo obshhestva i obshhestva znaniya: k voprosu o normativnom pravovom regulirovanii // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. No. 11 (263). S. 14–24.
23. Collins T. Fluid Personality: Indigenous Rights and the "Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017" in Aotearoa New Zealand // *Melbourne Journal of International Law*. 2019. Vol. 20(1). P. 1–24.
24. Ladenkov N.E. Modeli nadelenija iskusstvennogo intellekta pravosub"ektnost'ju // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*. 2021. No. 3. S. 12–20.
25. Gadzhiev G.A. Javljaetsja li robot-agent licom? (poisk pravovyh form dlja regulirovaniya cifrovoj jekonomiki) // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. No. 1 (253). S. 15–30.
26. Tjutcheva E.S. Pravosub"ektnost' "jelektronnogo lica": teoreticheskij analiz // *Teoreticheskaja i prikladnaja jurisprudencija*. 2022. No. 2. S. 50–58.
27. Morhat P.M. Koncept "jelektronnogo lica" v klassifikacii sub"ektnogo sostava lic v grazhdanskom prave // *Permskij juridicheskij al'manah*. 2019. No. 2. S. 273–282.
28. Księżak P., Wojtczak S. AI versus robot: in search of a domain for the new European civil law // *Law, Innovation and Technology*. 2020. No. 12. P. 1–21.
29. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, for, and by the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. P. 273–291.
30. Susskind R.E. Tomorrow's lawyers: an introduction to your future. 2nd edit. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.
31. Filipova I.A., Koroteev V.D. Budushhee iskusstvennogo intellekta: ob"ekt ili sub"ekt prava? // *Elektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal "Journal of Digital Technologies and Law"*. 2023. Vol. 1. No. 2. S. 359–386.
32. Mocanu D.M. Gradient Legal Personhood for AI Systems-Painting Continental Legal Shapes Made to Fit Analytical Molds // *Frontiers in Robotics and AI*. 2021. Vol. No. 8. P. 1–11.
33. Stepanov S.K. Dekonstrucija pravosub"ektnosti ili mesto iskusstvennogo intellekta v prave // *Cifrovoe pravo*. 2021. T. 2. No. 2. S. 14–30.
34. Pravosub"ektnost': obshcheteoreticheskij, otraslevoj i mezhdunarodno-pravovoj analiz: sbornik materialov k XII Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati professora S.N. Bratusya / V.F. Yakovlev,

- T.Ya. Habrieva, V.K. Andreev I dr. IZISP pri Pravitel'stve RF. M.: Prospekt, 2020. 434 s.
35. Kantorovich Ya.A. Processy protiv zhivotnyh v srednie veka. SPb, 1898. 58 s.
 36. Kasatkina S.N. Konceptiya "otkrytoy tekstury" v filosofii i yurisprudencii: Vajzman i Hart // Vestnik Samarskoj gumanitarnej akademii. Ser.: Pravo. 2017. No. 1-2 (19). S. 3–9.
 37. Durdenevskij V.N. Sub"ektivnoe pravo i ego osnovnoe razdelenie // Sb. Obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i social'nyh nauk pri Permskom universitete. Perm'. 1918. Vyp. 1. S. 66–101.
 38. Ponomareva E.V. Sub"ekty i kvazisub"ekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Ekaterinburg: Ural'skij gos. yur. un-t, 2019. 208 s.
 39. Kurki A.J. A Theory of Legal Personhood. Oxford University, 2019. 202 p.
 40. Bogdan V.V., Telegin R.E., Zherelina O.N. Delegirovannaya pravospособnost' v semejnyh pravootnosheniyah: chastnopravovye nachala pravovogo regulirovaniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. No. 5. S. 51–54.
 41. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya / per. s angl. 2nd izd. M.: Izd-vo MGU: Izdatel'skaya gruppa INFRA- M —NORMA, 1998. 624 s.
 42. Rudokvas A.D. Neopandektistika i evropejskoe pravo (Vstupitel'noe slovo k diskussii) // Drevnee pravo. Ivs antiqvm. No. 1 (15). M.: Spark, 2005. S. 146–155.
 43. Afanas'ev S.F. K voprosu o pravovoj politike v sfere pridaniya pravosub"ektnosti iskusstvennomu intellektu // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2022. No. 2. S. 226–235.
 44. Serl Dzh.R. Soznanie, mozg i programmy // Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie: Antologiya / obshch. red. i sost. A.F. Gryaznov. M., 1998. S. 376–400.
 45. Wagner G. Robot Liability // Liability of AI and the Internet of Things, Münster Colloquia on EU Law and the Digital Economy IV. Baden-Baden, 2019. P. 27–63.
 46. Sokolova M.E. ChatGPT i Prompt-inzhiniring: o perspektivah vnedreniya generativnyh nejrosetej v nauke // Naukovedcheskie issledovaniya. 2024. No. 1. S. 92–109.
 47. Zenin S.S., Kutejnikov D.L., YApryncev I.M., Izhaev O.A. Tekhnologiya obrabotki estestvennogo yazyka (NLP) v zakonodatel'nom processe // Vestnik YuUrGU. — Seriya: Pravo. 2020. No. 3. S. 76–81.
 48. Titov D.M. Konceptiya "znal ili dolzhen byl znat'" v korporativnom prave // Akcionernoe obshchestvo. No. 1(140). 2016. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://ao-journal.ru/koncepcij-%C2%ABznal-ili-dolzhen-byl-znat%C2%BB-v-korporativnom-prave> (date accessed: 01.10.2024).
 49. Kuznecov A.G. Tumannosti nejrosetej: "Chernye yashchiki" tekhnologij i naglyadnye uroki neprozrachnosti algoritmov // Sociologiya vlasti. 2020. No. 2. S. 157–182.
 50. Heine K., Quintavalla A. 2023. Bridging the accountability gap of artificial intelligence — what can be learned from Roman law? // Legal Studies. P. 1–16.
 51. Oleksiewicz I., Mustafa E.C. From Artificial Intelligence to Artificial Consciousness: Possible Legal Bases. For the Human-robot Relationships in the Future // International Journal of Advanced Research. 2019. Vol. 7, iss. 3. P. 254–263.

ЭВОЛЮЦИЯ ДОГОВОРНОГО ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ С ВНЕДРЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

EVOLUTION OF THE CONTRACTUAL PROCESS OF ECONOMIC RELATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION WITH THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Ирина Владимировна ШИРКОВА

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, Донецк, Россия,
i-shirkova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2473-313X,
SPIN-код: 9444-1822, AuthorID: 837423

Елизавета Вадимовна ПОДГАЙНАЯ

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, Донецк, Россия,
podgaynayaliza@mail.ru,
ORCID: 0009-0003-2015-8593,
SPIN-код: 1622-5906, AuthorID: 1261308

Информация об авторах

И.В. Ширкова — доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, кандидат философских наук, доцент
Е.В. Подгайная — магистрант Института учета и финансов Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

Аннотация. Быстро меняющиеся экономические тенденции в мире требуют адаптации под сегодняшнюю действительность. Эта действительность в том числе связана с цифровизацией, которая открывает обширные возможности для развития нового экономическо-

- го сотрудничества, базирующегося на договорных
- отношениях между субъектами хозяйствования, и с вне-
- дрением искусственного интеллекта, с вопросами его
- создания и применения в договорной практике. В целях
- преобладающего позитивного влияния цифровизации
- на социально-экономическое развитие страны необхо-
- димы правовая оценка происходящих процессов, в том
- числе и в сфере информационного регулирования, обе-
- спечивающая позитивную и своевременную реализа-
- цию хозяйственного (предпринимательского) договора
- как универсального средства правового регулирования,
- а также устранение правовой неопределенности во
- многих аспектах применения искусственного интеллекта
- в договорной работе.

- В процессе исследования использовался диалектиче-
- ский метод, позволивший комплексно изучить частно-
 - правовую и публично-правовую природу хозяйственных
 - договоров, структуру правового регулирования дого-
 - ворной работы в сфере хозяйствования, особенность
 - форм заключения договоров с учетом изменяющихся
 - условий цифровизации. В целях адаптации договорного
 - права к новым экономическим и технологическим ре-
 - алиям внесены предложения для рассмотрения изме-
 - нений в законодательстве, касающихся закрепления
 - новых правовых статусов, разработки новых стандар-
 - тов и механизмов сертификации в сфере применения
 - искусственного интеллекта.

- **Ключевые слова:** договор, договорная работа, форма
- договора, этапы заключения договора, искусственный
- интеллект, цифровой агент, автономный посредник

Для цитирования: Ширкова И.В., Подгайная Е.В. Эволюция договорного процесса экономических отношений: проблемы и перспективы правового регулирования с внедрением искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 92–103; DOI: 10.17323/tis.2025.27968

Irina V. SHIRKOVA

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russia, i-shirkova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2473-313X, SPIN-код: 9444-1822, AuthorID: 837423

Elizaveta V. PODGAYNAYA

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russia, podgaynayaliza@mail.ru, ORCID: 0009-0003-2015-8593, SPIN-код: 1622-5906, AuthorID: 1261308

Information about the authors

I.V. Shirkova — Associate Professor of the Department of Legal and Political Sciences, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

E.V. Podgainaya — undergraduate student at the Institute of Accounting and Finance of the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

Abstract. Rapidly changing economic trends in the world require adaptation to today's reality. This reality is also associated with digitalization, which opens up vast opportunities for the development of new economic cooperation based on contractual relations between business entities, and with the introduction of artificial intelligence, affecting both the issues of creation and its application in contractual practice. In order to ensure the prevalence of the positive impact of digitalization on the socio-economic development of the country, a legal assessment of the ongoing processes is necessary, including in the field of information regulation, ensuring positive and timely implementation of a business (entrepreneurial) contract as a universal means of legal regulation, as well as eliminating legal uncertainty in many aspects of the use of artificial intelligence in contractual work. In the course of the study, the dialectical method was used, which made it possible to comprehensively study the private and public law nature of business contracts, the structure

- of legal regulation of contractual work in the field of economic activity, the peculiarity of the form of concluding contracts, taking into account the changing conditions of digitalization. In order to adapt contract law to new economic and technological realities, proposals have been made to consider changes to legislation concerning the consolidation of new legal statuses, the development of new standards and certification mechanisms in the field of artificial intelligence.

- **Keywords:** contract, contractual work, contract form, stages of contract conclusion, artificial intelligence, digital agent, autonomous intermediary

- **For citation:** Shirkova I.V., Podgainaya E.V. Evolution of the Contractual Process of Economic Relations: Problems and Prospects of Legal Regulation with the Introduction of Artificial Intelligence // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 54 (3). P. 92–103; DOI: 10.17323/tis.2025.27968

На современном этапе развития гражданского оборота договорная работа является неотъемлемым инструментом правового регулирования экономических отношений. В условиях рыночной экономики, где предпринимательские отношения регулярно развиваются и усложняются, договор представляет собой ключевой правовой инструмент, посредством которого закрепляются права и обязанности сторон, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

При тенденции к комплексному правовому регулированию, сочетающему частно- и публично-правовые начала, вопрос о правовой природе договоров для предпринимательской деятельности, их особенностях и функциях продолжает оставаться предметом научных дискуссий. Актуальность концептуального осмысления правовой природы договора в предпринимательской деятельности продиктована многими факторами, к числу которых необходимо относить изменяющиеся условия цифровизации, внедрение искусственного интеллекта, влияние глобализации на экономические процессы, особенности нормативного регулирования и пр.

Рассмотрим эволюцию договорных отношений от традиционных рамочных до договоров, составленных с использованием искусственного интеллекта.

Сущность договора как института гражданского права в контексте предпринимательской деятельности обусловлена необходимостью структурирования коммерческих отношений и обеспечения правовой стабильности на рынке. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [1] закрепляет основные положения о договорах, которые выступают в качестве регуляторов имущественных и иных отношений на принципах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников гражданского оборота (ст. 1 и п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Законодательная база, определяющая договорные отношения в предпринимательской сфере, постепенно эволюционирует, однако не всегда успевает за изменениями структуры рынка и потребностями бизнеса. Например, Гражданский кодекс РФ оперирует понятием «обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности», но не содержит легального определения «предприниматель-

ского договора». А.Н. Левушкин, С.В. Алборов [2] предлагают дифференцированный подход, выделяя предпринимательские договоры из общего массива договорных конструкций на основании субъектного состава, характера и цели деятельности, а также подчеркивают, что такие договоры служат механизмом, регулирующим горизонтальные отношения между предпринимателями.

Публично-правовой элемент в регулировании предпринимательских договоров прослеживается в установлении определенных условий для участников. В частности, ст. 401 ГК РФ, устанавливающая особый режим ответственности в предпринимательских отношениях, требует от предпринимателя доказать отсутствие вины для освобождения от ответственности за ненадлежащее исполнение договора. Данное положение акцентирует внимание на усиленной законодательной защите делового оборота и поддержании справедливых условий ведения бизнеса. Следовательно, предпринимательский договор становится не только инструментом, выполняющим функции правового регулирования, но и механизмом социального контроля.

В рамках осуществления предпринимательской деятельности субъектам предоставляется возможность ее реализации исключительно в пределах установленных правовыми нормами, которые определяют допустимые границы такой деятельности. То есть нарушение указанных норм и правил неизбежно приводит к применению различных форм юридической ответственности. Подчеркнем, что создание императивных норм, регулирующих правовые аспекты предпринимательской деятельности, направлено на достижение определенных целей.

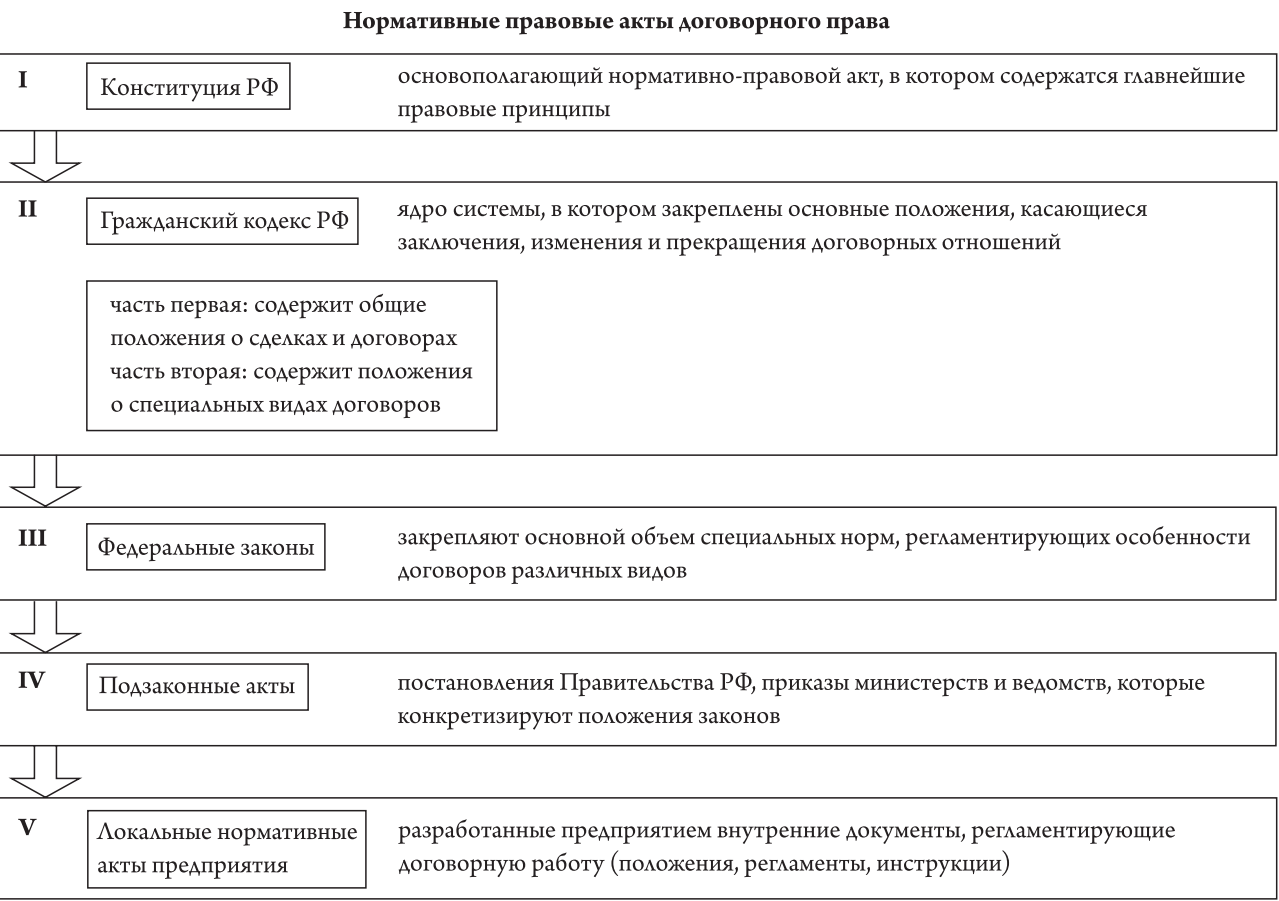
В контексте договорного регулирования предпринимательской деятельности особую значимость приобретает соблюдение законности. Этот принцип включает в себя не только строгое выполнение требований законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, но и обеспечение общего соответствия действий субъектов бизнеса основным принципам правопорядка. В современных условиях развития социальной структуры общества идея законности выступает важным принципом го-

сударственно-правовой жизни, что подчеркивает ее универсальность для всех сфер правового регулирования. Напомним, что идея законности берет свое начало в положениях Конституции Российской Федерации, которая задает фундаментальные основы для развития правового регулирования. Эта идея последовательно реализуется через множество нормативно-правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, тем самым формируя целостную и системную правовую базу. В связи с этим основной

задачей государственного вмешательства в процессы предпринимательской деятельности является необходимость поддержания соответствующего уровня законности и правопорядка [3].

Таким образом, правовое регулирование договорной работы на предприятии в Российской Федерации основано на совокупности нормативных правовых актов (рис. 1), которые устанавливают общие и специальные требования к заключению, исполнению и прекращению договоров.

Рис. 1. Система нормативно-правовых актов, регулирующих договорную работу в предпринимательстве

Как видно из рис. 1, совокупность правового регулирования договорной работы для каждого предприятия варьируется в зависимости от специфики его хозяйственной деятельности. Специфика обусловлена несколькими важными факторами.

1. Зависимость от характера хозяйственной деятельности, поскольку каждая сфера деятельности предъявляет свои требования к содержанию, форме и порядку заключения договоров. Так, в производственной деятельности соблюдается акцент на договорах поставки, подряда, контрактации, а договоры заключаются с соблюдением правил сроков поставки, качества продукции, ответственности за недопостав-

ку. В торговой деятельности основное внимание уделяется договорам купли-продажи, аренды торговых площадей, договорам комиссии, которые, в свою очередь, регулируются нормами о правах потребителей и антимонопольным законодательством. Услуги регулируются особенностями договоров возмездного оказания услуг, включая обязательства по срокам, качеству и требованиям безопасности.

2. Для предприятий, для деятельности которых необходима лицензия, нормативное регулирование дополнительно включает в себя требования профильного законодательства, то есть необходимость указывать в договорах лицензионную информацию, а также

применять специальные условия к субъектам, объектам и предмету договоров. Например, туристическое агентство обязано указывать в договорах с клиентами реквизиты своей лицензии и страхового полиса ответственности перед клиентами.

3. Предприятия, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, вынуждены учитывать особенности трансграничных договоров: особенности национального законодательства стран-контрагентов, применение норм международного частного права, решение вопросов по подсудности и выбору арбитража. К примеру, при заключении контракта на экспорт товаров в Европейский союз учитываются правила ЕС о сертификации продукции и стандарты качества (СЕ-маркировка).

4. В договорах должны быть учтены специфические отраслевые стандарты, в случае несоблюдения которых договор может быть признан недействительным. Скажем, предприятие пищевой промышленности обязано учитывать требования Технического регламента Таможенного союза о безопасности пищевой продукции.

5. Необходимо учитывать особенности применения публичных и гражданско-правовых договоров, так как некоторые виды хозяйственной деятельности предполагают их участие. Это могут быть, например, публичные договоры для естественных монополий (предприятий, оказывающих услуги по поставке электроэнергии, воды, газа) либо участие в государственных закупках. Для заключения контракта в рамках последнего необходимо учитывать положения Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ [4].

6. В зависимости от масштаба деятельности предприятия возникает необходимость учета антимонопольного регулирования. То есть при заключении долгосрочного договора на эксклюзивную поставку товаров предприятиям может потребоваться согласование с ФАС России.

7. С развитием инновационных технологий и цифровизации появляются новые виды договоров и требований к ним: смарт-контракты, регулируемые в рамках цифрового права, применение блокчейн-технологий для фиксации обязательств, использование цифровых платформ для автоматизации договорной работы. Правовое регулирование для компаний с развитым цифровым потенциалом требует применения отдельных нормативно-правовых документов, поскольку, например, IT-компания, предоставляющая SaaS-услуги (software as a service — модель предоставления программного обеспечения через интернет), заключает лицензионные договоры, регулируемые нормами интеллектуального права. В этом случае не

стоит забывать о законодательных подводных камнях, поскольку такого рода программы отнесены к объектам интеллектуальной собственности, для которых характерной чертой охраны является объективная форма, а фактически для программного обеспечения характерна функциональность (содержание) [5].

В Российской Федерации правовое регулирование договорных отношений представляет собой комплексную систему, включающую многочисленные нормативно-правовые и законодательные акты, призванные урегулировать различные аспекты договорного права. Для ведения договорной работы предприятиям со специфическими условиями осуществления деятельности, указанными выше, необходимо иметь представление об узкоспециализированных нормативно-правовых актах, часть из которых представлена в табл. 1.

Заключение договоров хозяйственной деятельности предприятий основано на ключевых принципах, которые обеспечивают стабильность и предсказуемость в договорных отношениях, способствуют развитию добросовестной деловой практики и защищают интересы участников хозяйственного оборота. Ядром системы принципов договорного правового регулирования являются такие руководящие начала, которые обуславливают сущность и природу договора как универсального средства правового регулирования (диспозитивность, автономия воли и формально-юридическое равенство договаривающихся сторон, эквивалентный характер, взаимная ответственность и др.) [6]. В этой связи процесс формирования и реализации договоров осуществляется на основе перечисленных ниже принципов.

1. Свобода договора — предполагает, что стороны имеют право самостоятельно определять условия договора, его содержание и форму, если это не противоречит законодательству и общественным интересам. Этот принцип закреплен в ст. 1.1 Принципов УНИДРУА [7] (Международного института унификации частного права, межправительственной организации, членами которой могут быть только государства).

2. Добросовестность — стороны обязаны действовать честно и добросовестно на всех этапах договорных отношений, от переговоров до исполнения обязательств, что подразумевает открытость, честность и уважение к интересам другой стороны.

3. Обязательность исполнения — заключенный договор имеет обязательную силу для сторон, и они должны выполнять свои обязательства в соответствии с его условиями. Принцип *pacta sunt servanda* (в переводе с латинского «договоры должны соблюдаться») является основополагающим в договорном

Таблица 1. Нормативно-правовые акты, регулирующие специфику договорной работы предприятий

Фактор	Основные регулирующие нормативно-правовые акты
Специфика отрасли	Гражданский кодекс РФ (раздел III, обязательственное право) Федеральные законы и подзаконные акты, регулирующие конкретные отрасли (например, Федеральный закон № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»)
Лицензируемая деятельность	Федеральный закон № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» Отраслевые регламенты
Международные сделки	Венская конвенция о международной купле-продаже товаров 1980 г. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза Федеральный закон № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»
Отраслевые стандарты	ГОСТы, СНИПы, технические регламенты Отраслевые законы и стандарты безопасности (например, Федеральный закон № 384-ФЗ «О безопасности зданий и сооружений»)
Публичные и гражданско-правовые договоры	Гражданский кодекс РФ (ст. 426 «Публичный договор») Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»
Антимонопольное регулирование	Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» Постановления ФАС России и иные подзаконные акты, регулирующие вопросы согласования крупных сделок и эксклюзивных контрактов
Инновации и цифровизация	Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах»

праве. Однако стоит учитывать, что на сегодняшний день цифровизация хозяйственных отношений в некоторой степени изменила реализацию принципа обязательности исполнения: смарт-контракты обеспечивают автоматическое исполнение условий, исключая человеческий фактор и субъективные интерпретации.

4. Определенность и ясность условий — означает, что условия договора должны быть четкими и понятными, чтобы исключить возможность различных толкований и обеспечить эффективное исполнение обязательств.

5. Соответствие закону и общественным интересам — договор не должен противоречить действующему законодательству и нарушать общественные интересы. Недействительными признаются договоры, направленные на достижение незаконных целей.

6. Равенство сторон — стороны договора должны рассматриваться как равноправные участники, имеющие равные права и обязанности, если иное не предусмотрено законом или договором. Тем не менее на практике крупные корпорации зачастую диктуют условия договора, что приводит к ущемлению прав менее защищенных участников, то есть малых и средних предприятий.

7. Реальность намерений — стороны должны иметь реальное намерение вступить в юридически

обязательные отношения, а не действовать формально или фиктивно.

Форма договора и соблюдение требований к его оформлению занимают центральное место в правовом регулировании договорных отношений, так как именно эти аспекты обеспечивают не только юридическую силу договора, но и защиту интересов участников правоотношений. В предпринимательской деятельности формы договоров (табл. 2) определяются нормами Гражданского кодекса РФ и зависят от характера и сложности сделки.

Вне зависимости от формы договора ключевую роль в их юридической силе играет корректное оформление, которое регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации. Каждый договор должен иметь обязательные реквизиты, к которым относятся: наименование сторон (наименование юридического лица или ФИО индивидуального предпринимателя), предмет договора (описание обязательств, например передача товара, выполнение работ), сроки (даты исполнения обязательств, действия договора), условия оплаты (сумма, порядок расчетов), подписи сторон или электронные подписи. В зависимости от вида договора также могут быть прописаны дополнительные условия (ответственность сторон за нарушение обязательств, условия изменения и расторжения догово-

Таблица 2. Формы договоров в предпринимательской деятельности

Форма	Условия применения	Пример применения
Устная	Применяется в случаях, когда сделка совершается между гражданами на сумму менее 10 000 рублей или когда это допускается обычаем делового оборота (ст. 159 ГК РФ)	В предпринимательской деятельности практически не используется из-за отсутствия документального подтверждения условий сделки
Простая письменная	Является обязательной для большинства договоров в предпринимательской деятельности (ст. 161 ГК РФ). Подразумевает составление документа, подписанного сторонами, либо обмен документами через электронные средства связи с использованием электронной подписи	Договор поставки, аренды, подряда, займа
Нотариальная	Требуется в случаях, предусмотренных законом. Основное назначение — подтверждение законности сделки и предупреждение возможных споров	Договор купли-продажи долей в уставном капитале ООО, уступка права требования с участием залогодателя
Электронная	Современный способ заключения договоров с использованием цифровой подписи, регулируемый Федеральным законом № 63-ФЗ «Об электронной подписи»	Применяется в электронных торговых системах, для госзакупок, а также при взаимодействии через электронные площадки

ра, порядок разрешения споров, гарантии и форс-мажорные обстоятельства). Копии договоров подлежат хранению в установленном порядке согласно правилам архивирования документов, в то время как электронные договоры хранятся в электронных архивах с учетом требований по защите данных (Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» [8]).

В данное время в хозяйственной деятельности активно распространяется электронная форма договора. В условиях цифровизации особое значение приобретает обеспечение юридической силы электронных документов. Согласно п. 1 ст. 160 ГК РФ, сделки могут совершаться посредством электронных или иных технических средств при условии возможности воспроизведения содержания на материальном носителе и достоверного установления лица, выразившего волю.

Важным аспектом является использование электронной подписи (ЭП) для подтверждения подлинности и юридической значимости электронных договоров. Законодательство РФ предусматривает несколько видов ЭП, однако для обеспечения максимальной юридической силы рекомендуется применять квалифицированную электронную подпись (КЭП), соответствующую требованиям Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [9].

Если обязательная форма договора не соблюдена, он может быть признан недействительным (ст. 162 ГК РФ). В случае электронных договоров несоответствие требований к подписи также делает договор недействительным.

Вопросы заключения и исполнения договоров в предпринимательской деятельности являются ключевыми аспектами гражданско-правового

регулирования, они определяют стабильность хозяйственного оборота и защищенность участников договорных отношений. Заключение договора в предпринимательской деятельности представляет собой сложный юридический процесс, регламентируемый гл. 28 Гражданского кодекса РФ. Согласно ст. 432 ГК РФ, договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям и это выражено в требуемой форме. Этапы заключения договора схематически представлены на рис. 2.

На практике можно наблюдать, что стороны, планирующие заключение основного договора, зачастую предваряют этот процесс оформлением ряда дополнительных соглашений. Следует подчеркнуть, что именно эти предварительные договоренности играют ключевую роль в обеспечении четкого регулирования будущих обязательств, возникающих в рамках основного соглашения. В качестве примера можно указать соглашения о намерениях, соглашения о конфиденциальности, а также договоренности, направленные на оказание взаимной поддержки в определенных обстоятельствах. Такие дополнительные соглашения между сторонами оказываются очень полезными, если выясняется, что в действующем гражданском праве нужные регулирующие нормы отсутствуют [10].

Являясь неотъемлемой категорией предпринимательской деятельности, договорная работа сопряжена с необходимостью защищать интересы компании, что нередко приводит к возникновению договорных споров. Договорные споры занимают центральное место в гражданско-правовых отношениях, отражая сложность и многогранность взаимодействий между

Рис. 2. Этапы заключения договора

1. Инициация договора Сторона, заинтересованная в сделке, направляет оферту, содержащую условия будущего соглашения	2. Акцепт Другая сторона выражает согласие с предложенными условиями*
3. Заключение договора Стороны подписывают документ в установленной форме либо обмен документами осуществляется через электронные каналы с использованием электронной подписи (ФЗ № 63-ФЗ)	4. Согласование условий В ходе переговоров стороны детализируют обязательства, при этом особое значение имеют протоколы разногласий, служащие доказательством достижения договоренности или отказа от нее

* Согласно правоприменительной практике, молчание не является акцептом, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом или договором

участниками хозяйственного оборота. Они возникают вследствие разногласий между сторонами по вопросам заключения, исполнения, изменения, расторжения или толкования условий договора. В основе таких споров лежат коллизии интересов, возникающие в процессе реализации договорных обязательств.

Согласно Гражданскому кодексу РФ, ключевые категории договорных споров включают в себя: споры о заключении договоров (ст. 445 ГК РФ), споры об исполнении обязательств (ст. 309 ГК РФ), споры о расторжении договоров (ст. 450 ГК РФ), а также споры о признании договоров недействительными (ст. 168 ГК РФ).

Одним из наиболее распространенных предметов договорных споров является исполнение обязательств сторон. Статья 309 ГК РФ гласит, что обязательства должны исполняться надлежащим образом, в соответствии с условиями договора и требованиями закона. Нарушение этих обязательств приводит к возникновению юридической ответственности, формы которой зависят от характера договора и степени вины сторон. Виды ответственности включают в себя:

1) возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ), то есть нарушившая сторона обязана компенсировать реальный ущерб и упущенную выгоду;

2) штрафные санкции — в большинстве договоров предусмотрены пени или штрафы за просрочку исполнения обязательств;

3) проценты за пользование чужими средствами (ст. 395 ГК РФ) взыскиваются за просрочку в уплате денежных обязательств.

Однако сторона может быть освобождена от ответственности при наличии форс-мажорных обстоятельств, что предусмотрено ст. 401 ГК РФ. В мировой практике пандемия COVID-19 в 2020 г. стала основанием для многих споров о невыполнении обязательств.

Возмещение убытков или взыскание неустоек осуществляется в судебном порядке. Причем в арбитражной практике особое внимание уделяется доказыванию причинно-следственной связи между нарушением обязательств и понесенными убытками [11]. Например, в ходе рассмотрения дела № А40-37875/18-127-206 от 28.04.2018 Арбитражным судом города Москвы было обосновано следующее: «Из системного толкования норм статей 15 и 393 Гражданского кодекса РФ следует, что истец помимо факта ненадлежащего исполнения ответчиком обязательств (услуг) и наличия причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением убытков также обязан доказать размер фактически причиненных убытков по каждому эпизоду. Такой же позиции придерживается Высший Арбитражный Суд РФ (см., например, Постановление Президиума ВАС РФ от 17 января 2012 г. № 11405/11 по делу № А40-89211/10-30-762 и [12]).

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что договорная работа в предпринимательской деятельности представляет собой динамично развивающуюся сферу правового регулирования, находящуюся на пересечении традиционных юридических институтов и инновационных технологий. С одной стороны, нормативно-правовая база, представленная многоуровневой системой, позволяет обеспечить гибкость и защиту интересов сторон, участвуя в регулировании сложных и многообразных экономических отношений. Эта система охватывает как базовые правовые принципы, закрепленные в Гражданском кодексе РФ, так и специализированные нормы, регулирующие отраслевые и международные особенности договоров. С другой стороны, развитие цифровых технологий формирует новые перспективы и задачи для модернизации договорного права. Анализ нор-

мативной базы и правоприменительных материалов показывает, что российское законодательство стремится учитывать потребности бизнеса, хотя не всегда успевает за динамичными изменениями экономической среды. Интеграция цифровых технологий приобретает ключевую роль, поскольку она способствует автоматизации исполнения обязательств и повышению правовой прозрачности сделок.

На данном этапе развития инновационных технологий перспективным инструментом оптимизации договорной работы в предпринимательской деятельности может выступить адаптация договорного права к новым реалиям с использованием искусственного интеллекта (ИИ), которая предусматривает важные шаги для обеспечения правовой определенности и защиты интересов всех сторон, участвующих в договорных отношениях.

Для определения договорных отношений с использованием искусственного интеллекта необходимо установить его суть. В современных условиях существуют различные концепции в определении ИИ, однако наиболее реалистичной, по мнению Н.Н. Черногоора, следует признать концепцию искусственного интеллекта как программно-аппаратного комплекса, а именно технологию, имитирующую процесс человеческого мышления, благодаря которому запускаются процессы для решения задач, на базе «самообучения» [13, с. 9]. То есть речь идет о технологии, которую можно отнести к машинному обучению, не имеющей ничего общего с человеческим мышлением, характеризующейся следующими компонентами: автономной интерпретацией данных с использованием алгоритма анализа данных; обновлением баз данных; их адаптацией и улучшением на основе предыдущего опыта; гибкостью в условиях неопределенности.

То есть процесс внедрения ИИ в договорные отношения должен включать в себя следующие ключевые моменты:

- 1) гармонизацию цифровой реальности и правовых норм. Это означает, что необходимо учитывать особенности работы ИИ, его возможности и ограничения;
- 2) прозрачность и объяснимость алгоритмов. Это необходимо для определения ответственности и предотвращения злоупотреблений;
- 3) ответственность за разработку и обучение ИИ, а именно определение и установление ответственности разработчиков ИИ за качество его работы, безопасность и соответствие требованиям законодательства;
- 4) страхование рисков, связанных с использованием ИИ, в целях защиты интересов всех участников хозяйственных отношений;
- 5) международное сотрудничество, поскольку вопросы регулирования ИИ носят международный характер.

При этом нельзя не согласиться с Д.А. Казанцевым, что «сам искусственный интеллект на сегодня остается именно инструментом, а не субъектом договорной работы — даже тогда, когда решения в рамках этой работы принимаются программно-аппаратным комплексом (ПАК) без непосредственного участия человека» [14, с. 462]. Однако существующий подход имеет недостатки и требует дальнейшей дискуссии и развития.

Рассмотрим более подробно потенциальные недостатки.

1. *Ответственность лица, подписавшего рамочный договор.* ИИ быстро развивается и скоро сможет заключать самостоятельные договоры, не нуждаясь в рамочном соглашении. Кроме того, это может привести к злоупотреблениям, когда лицо, подписавшее рамочный договор, будет избегать ответственности за действия ИИ, несмотря на то что они были совершены в рамках этого договора. Фактически это создает ситуацию, когда ИИ действует от имени человека, но человек не имеет реального контроля над его действиями.

2. *Ответственность разработчика ПАК.* Не всегда применима в современном мире, где ИИ может быть разработан одной компанией, использоваться другой, а данные для его обучения предоставлены третьей. Сложно определить, кто является «хозяином» в таком сложном случае. Кроме того, это может создать ситуацию, когда владелец ИИ не имеет достаточных знаний или возможностей для контроля за его действиями, что может привести к непредсказуемым последствиям.

3. *Ответственность за вину субъекта, повлиявшего на результат работы ИИ.* Сложность определить степень влияния каждого субъекта на результат работы ИИ. Это требует тщательного анализа алгоритмов и данных, что может быть очень трудоемким и дорогостоящим процессом. Доказать вину в таком случае может быть крайне сложно.

Разумеется, интеграция ИИ в договорные процессы сопряжена с рядом рисков, которые были рассмотрены выше. Ключевым из них является определение юридической ответственности за действия или ошибки, совершенные ИИ. Поскольку машинный интеллект действует автономно, возникает вопрос, кто будет нести ответственность за неправильную интерпретацию условий договора, создание некорректных юридических формулировок, прямой ущерб, вызванный выполнением действий, основанных на ошибочных алгоритмах. Юридически оправданным решением представляется концепция распределенной ответственности, которая может включать в себя, например, ответственность разработчика системы

ИИ, если ошибка вызвана недостатками программного обеспечения, ответственность пользователя за недостаточный контроль или использование ИИ в неподходящих условиях, введение специальных страховых продуктов для покрытия убытков, вызванных ошибками ИИ.

Таким образом, можно сделать вывод, что искусственный интеллект может быть использован в предпринимательской деятельности для оптимизации процессов подготовки, анализа, заключения и исполнения договоров. Его применение позволит автоматизировать рутинные операции, улучшить качество договоров за счет выявления возможных рисков и несоответствий, а также ускорить обработку больших объемов данных.

С учетом изложенного в перспективе целесообразно рассмотреть следующие изменения в законодательстве:

1) закрепление правового статуса ИИ путем введения понятий «цифровой агент» или «автономный посредник» в Гражданский кодекс РФ;

2) разработка стандартов использования ИИ в договорной работе;

3) создание механизма сертификации систем ИИ на предмет их соответствия установленным правовым и техническим нормам.

Представляется, что в будущем искусственный интеллект станет неотъемлемой частью договорной работы. Следует отметить, что интеграция технологий ИИ не только будет способствовать значительно ускорению процессов подготовки, согласования и исполнения договоров, но и обеспечит условия для повышения прозрачности, автоматизации и предсказуемости хозяйственных операций. Вместе с тем для успешной интеграции таких технологий необходима научно обоснованная трансформация правового регулирования, направленная на управление потенциальными рисками и установление справедливого баланса интересов всех участников экономической деятельности. В заключение можно подчеркнуть, что адаптация договорного права к использованию искусственного интеллекта является важным этапом модернизации правовой системы, она позволила бы удовлетворить запросы цифровой эпохи и обеспечить устойчивое развитие правовых институтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21 октября 1994 г.: одобрен Советом Федерации 27 октября 1994 г.: в ред. от 18 июля 2023 г. — Режим доступа:

СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.10.2024).

2. Левушкин А.Н., Алборов С.В. Правовая природа предпринимательских договоров и обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности // Lex russica. 2021. Т. 74, № 2. С. 29–39. — Режим доступа. [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.171.2.029-039> (дата обращения: 20.10.2024).
3. Смирных С.Ю., Шалайкин Р.Н. Договорное регулирование предпринимательской деятельности // Молодой ученый. 2022. № 20 (415). С. 380–383. — Режим доступа. [Электронный ресурс]. — URL: <https://moluch.ru/archive/415/91603/> (дата обращения: 24.10.2024).
4. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22.03.2013: одобрен Советом Федерации 27.03.2013. — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 27.10.2024).
5. Ширкова И.В. Теоретико-правовая сущность объектов интеллектуальной собственности // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19. № 2. С. 46–54. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-2-46-54. — EDN IPBKFI. [Электронный ресурс]. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54720111_13056619.pdf (дата обращения: 10.11.2024).
6. Бакулина Л.Т. Система принципов договорного правового регулирования // Юридическая техника. 2020. № 14. — Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-printsipov-dogovornogo-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 10.11.2024).
7. Принципы УНИДРУА // Центр правовой информации INTERLAW.BY. — Режим доступа. [Электронный ресурс]. — URL: <https://interlaw.by/75principy-unidroit.html> (дата обращения: 11.11.2024).
8. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 08.07.2006: одобрен Советом Федерации 14.07.2006. — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 31.10.2024).

9. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 25.03.2011: одобрен Советом Федерации 30.03.2011. — Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 05.11.2024).
10. Куркина Н.В., Коновалова И.А., Надысева Э.Х. Особенности заключения и исполнения предпринимательского договора // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. — Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaklyucheniya-i-ispolneniya-predprinimatelskogo-dogovora> (дата обращения: 10.11.2024).
11. Арбитражная практика. — Режим доступа. [Электронный ресурс]. — URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/440415> (дата обращения: 11.11.2024).
12. Судебный акт по делу № А40-37875/18-127-206 от 28.04.2018 // СудАкт.ру. — Режим доступа. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/34FbPWe8xjQC/> (дата обращения: 12.11.2024).
13. Черногор Н.Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 5–15. DOI: 10.12737/jrl.2022.037. [Электронный ресурс]. — URL: <https://jrnprma.ru/issue/2022/4> (дата обращения: 03.06.2025).
14. Казанцев Д.А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1 (2). P. 438–463. [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.18>. EDN: jyqazw (дата обращения: 03.06.2025).
- resurs]. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.171.2.029-039> (data obrashheniya: 20.10.2024).
3. Smirny`h S.Yu., Shalajkin R.N. Dogovornoe regulirovanie predprinimatel`skoj deyatel`nosti // Molodoj ucheny`j. 2022. No. 20 (415). S. 380–383. — Rezhim dostupa. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://moluch.ru/archive/415/91603/> (data obrashheniya: 24.10.2024).
4. Federal`ny`j zakon “O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvenny`h i municipal`ny`h nuzhd” ot 05.04.2013 No. 44-FZ: prinyat Gosudarstvennoj Dumoj Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii 22.03.2013: odobren Sovetom Federacii 27.03.2013. — Rezhim dostupa: SPS “Konsul`tantPlyus”. [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (data obrashheniya: 27.10.2024).
5. Shirkova I.V. Teoretiko-pravovaya sushhnost` ob`ektov intellektual`noj sobstvennosti // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2023. T. 19, No. 2. S. 46–54. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-2-46-54. — EDN IPBKFI [Elektronnyj resurs]. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54720111_13056619.pdf (data obrashheniya: 10.11.2024).
6. Bakulina L.T. Sistema principov dogovornogo pravovogo regulirovaniya // Yuridicheskaya tehnika. 2020. No. 14. — Rezhim dostupa: Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka “KiberLeninka”. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-printsipov-dogovornogo-pravovogo-regulirovaniya> (data obrashheniya: 10.11.2024).
7. Principy` UNIDRUA // Centr pravovoj informacii INTERLAW.BY. — Rezhim dostupa. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://interlaw.by/75principy-unidroit.html> (data obrashheniya: 11.11.2024).
8. Federal`ny`j zakon “O personal`nyh dannyh” ot 27.07.2006 No. 152-FZ: prinyat Gosudarstvennoj Dumoj Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii 08.07.2006: odobren Sovetom Federacii 14.07.2006. — Rezhim dostupa: SPS “Konsul`tantPlyus”. [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (data obrashheniya: 31.10.2024).
9. Federal`ny`j zakon “Ob e`lektronnoj podpisi” ot 06.04.2011 No. 63-FZ: prinyat Gosudarstvennoj Dumoj Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii 25.03.2011: odobren Sovetom Federacii 30.03.2011. — Rezhim dostupa: SPS “Konsul`tantPlyus”. [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (data obrashheniya: 05.11.2024).

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya): prinyat Gosudarstvennoj Dumoj Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii 21 oktyabrya 1994 g.: odobren Sovetom Federacii 27 oktyabrya 1994 g.: v red. ot 18 iyulya 2023 g. — Rezhim dostupa: SPS “Konsul`tantPlyus”. [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data obrashheniya: 20.10.2024).
2. Levushkin A.N., Alborov S.V. Pravovaya priroda predprinimatel`skih dogovorov i obyazatel`stv, svyazanny`h s osushhestvleniem predprinimatel`skoj deyatel`nosti // Lex russica. 2021. T. 74, No. 2. S. 29–39. — Rezhim dostupa. [Elektronnyj

10. Kurkina N.V., Konovalova I.A., Nady`seva E.H. Osobennosti zaklyucheniya i ispolneniya predprinimatel`skogo dogovora // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2021. No. 2. — Rezhim dostupa: Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka "KiberLeninka". [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaklyucheniya-i-ispolneniya-predprinimatelskogo-dogovora> (data obrashheniya: 10.11.2024).
11. Arbitrazhnaya praktika. — Rezhim dostupa. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/440415> (data obrashheniya: 11.11.2024).
12. Sudebny`j akt po delu No. A40-37875/18-127-206 ot 28.04.2018 // SudAkt.ru. — Rezhim dostupa. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/34FbPWe8xjQC/> (data obrashheniya: 12.11.2024).
13. Chernogor N.N. Iskusstvennyj intellekt i ego rol' v transformacii sovremennogo pravoporyadka // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26. No. 4. S. 5–15. DOI: 10.12737/jrl.2022.037. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://jrpnorma.ru/issue/2022/4> (data obrashcheniya: 03.06.2025).
14. Kazancev D.A. Problemy i perspektivy regulirovaniya otnoshenij v ramkah sdelki, sovershennoj s uchastiem iskusstvennogo intellekta // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1(2). P. 438–463. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.18>. EDN: jyqazw (data obrashcheniya: 03.06.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИЦА И ГОЛОСА КАК ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ОБЩЕГО РЕЖИМА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

LEGAL REGULATION OF THE PROCESSING AND USE OF FACES AND VOICES AS EXCEPTIONS TO THE GENERAL REGIME OF PERSONAL DATA FOR TRAINING ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODELS

Артём Алексеевич ОЛИФИРЕНКО

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия,
artemolifirenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2186-281X,
SPIN-код: 9400-2044

Информация об авторе

А.А. Олифиренко — магистрант Саратовской государственной юридической академии, магистрант кафедры информационной безопасности Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина, специалист по защите данных ООО «Экосистема недвижимости “Метр квадратный”»

Аннотация. Проведен правовой анализ исключительного режима обработки изображения лица и голосовой записи как категорий персональных данных, прямо разрешенных к передаче без согласия субъекта в условиях действия ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ. Эти данные, обладая биометрической природой, интегрируются в составы, подлежащие централизованной обработке в архитектуре Единой информационной платформы национальной системы управления данными, функционирующей в логике нормативно ограниченного доступа. Выдвигается тезис о необходимости пересмотра подхода к правовому режиму обезличенных данных в условиях алгоритмической обработки, предполагающей возможность реконструкции субъектной принадлежности. Исследуется правовая природа данного исключения и его функциональная связь с процедурами обезличивания, архитектурой

- маршрута передачи данных, порядком формирования
- составов и ограничениями, установленными на стадии
- их дальнейшего использования.
- Главное внимание уделено юридическим последствиям обучения ИИ на таких данных, при которых технически возможна реконструкция признаков, позволяющих
- установить субъектную принадлежность. В этом контексте рассматриваются пробелы действующего регулирования, включая отсутствие понятий, охватывающих
- алгоритмические структуры, способные к косвенной идентификации. Предложены нормативное разграничение ИИ-моделей, создаваемых на основе составов данных, в зависимости от степени их предрасположенности к субъектной реконструкции, а также формализация механизмов допуска, контроля и правовой
- подотчетности. Обоснованы необходимость введения обязательной процедуры верификации обученной модели ИИ на предмет ее соответствия условиям необрабатываемости идентификации, а также установления перечня допустимых целей обучения. Сформулировано предложение о регулировании таких отношений специальным приказом Минцифры России, включающим аккредитацию доверенных вычислительных сред, классификацию моделей ИИ и порядок проведения правовой экспертизы результата.

- **Ключевые слова:** персональные данные, биометрические данные, искусственный интеллект, модель с реконструкцией идентичности, обезличивание, согласие субъекта, правовой режим, обучение алгоритмов, нормативный контроль

Для цитирования: Олифиренко А.А. Правовое регулирование обработки и использования лица и голоса как исключения из общего режима персональных данных для обучения моделей искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 104–116; DOI: 10.17323/tis.2025.27969

Artem Alekseevich OLIFIRENKO

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia,
artemolifirenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2186-281X,
SPIN-code: 9400-2044

Information about the author

A.A. Olifirenko — master's student at Saratov State Law Academy, a master's student at the Department of Information Security at Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, and a data protection specialist at "Square Meter" Real Estate Ecosystem LLC

Abstract. This article presents a comprehensive legal analysis of the special regime governing the processing of facial images and voice recordings as categories of personal data explicitly permitted for transfer without the subject's consent under Part 4 of Article 6.1 of the Federal Law No. 123-FZ. These data, by their biometric nature, are integrated into structured datasets subject to centralized processing within the architecture of the Unified Information Platform of the National Data Governance System, which operates under a legally constrained access framework. The article argues for a reassessment of the current legal regime applicable to anonymized data in the context of algorithmic processing that enables potential reidentification of data subjects. The analysis explores the legal essence of the aforementioned exception and its functional linkage to anonymization procedures, data transmission pathways, the formation of structured datasets, and the regulatory limitations imposed on their subsequent use. Central attention is devoted to the legal implications of training AI models on such data, particularly in scenarios where technical reconstruction of subject-specific traits is feasible. Within this framework, the study identifies normative gaps in current regulation, including the lack of legally defined concepts for algorithmic systems capable of indirect identification. The article proposes a legal typology of AI models trained on structured personal data, based on their inherent risk of enabling subject reidentification, and outlines mechanisms for regulatory access, oversight, and accountability. It substantiates the need for mandatory pre-deployment verification procedures to assess model compliance with conditions of non-reidentifiability and

- to establish a legally defined list of permissible training purposes. The author advocates for the adoption of a dedicated regulatory act by the Ministry of Digital Development of the Russian Federation, which would define trusted computing environments, establish a classification of AI models by risk level, and prescribe rules for legal assessment of model outputs.

Keywords: personal data, biometric data, artificial intelligence, identity-reconstructive model, anonymization, data subject consent, legal regime, algorithmic training, normative oversight

For citation: Olifirenko A.A. Legal Regulation of the Processing and Use of Faces and Voices as Exceptions to the General Regime of Personal Data for Training Artificial Intelligence Models // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 54 (3). P. 104–116; DOI: 10.17323/tis.2025.27969

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап цифровой трансформации сопровождается качественным изменением архитектуры государственного управления данными и перераспределением центров нормативного контроля за обработкой персональной информации. Одним из ключевых инструментов этой трансформации выступает Федеральная государственная информационная система «Единая информационная платформа национальной системы управления данными» (ФГИС «ЕИП НСУД» [1]), регулируемая Постановлением Правительства РФ от 14.05.2021 № 733 [2] (и ранее заложенная в дорожной карте [3]) и предназначенная для централизованного формирования, хранения и передачи обезличенных персональных данных. Именно в структуре ЕИП НСУД в ближайшей перспективе предполагается реализация новой нормативной модели — работы с составами персональных данных [фактически датасетами для обучения моделей искусственного интеллекта (далее — ИИ-модели) в рамках Федерального закона № 123-ФЗ [4] по экспериментальному развитию ИИ в Москве].

Понятие «состав персональных данных» (далее — ПДн) было закреплено в ст. 13.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. Федерального закона № 233-ФЗ [5] от 08.08.2024) (далее — Федеральный закон № 152-ФЗ) как совокупность сведений, полученных в результате обезличивания персональных данных, сгруппированных по определенному признаку и не допускающих идентификацию конкретного субъекта без применения дополнительных действий. Особый статус в рамках составов данных получили изображение лица и запись голоса, которые, согласно ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального

закона “О персональных данных”» (в ред. Федерального закона № 233-ФЗ) (далее — Закон № 123-ФЗ) допускаются к обработке без получения предварительного согласия субъекта — при условии уведомления и отсутствия его возражения.

Эти данные, несмотря на их биометрическую природу, не охватываются общим запретом, предусмотренным для специальных категорий персональных данных. Напротив, законодатель конструктивно вводит режим нормативного исключения, допускающий их обработку в пределах государственно организованной инфраструктуры, при соблюдении процедур предварительного оповещения и технической необратимости идентификации. В соответствии с проектом Постановления Правительства РФ от 14.02.2025 [6] предполагается нормативно закрепить, что ФГИС «ЕИП НСУД» станет системой, уполномоченной централизованно работать с такими данными в составе формируемых обезличенных наборов. В этих целях создается специализированная подсистема обработки обезличенных данных, в которой лицо и голос обрабатываются под государственным контролем с ограниченным и проверяемым доступом.

В российском информационном праве формируется новая правовая конструкция допустимой безогласной обработки отдельных категорий биометрически значимой информации, основанная на механизме уведомления, отказа и обработки в пределах заранее одобренной и централизованной архитектуры. Эта конструкция выходит за пределы классической модели согласия.

Цель настоящего исследования — определить юридическую модель допустимой обработки изображения лица и голосовой записи как персональных данных, прямо разрешенных к обработке без согласия в условиях действия ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ. Особое внимание уделено институциональной логике исключения, юридическим гарантиям, режиму доступа к информации и последствиям введения такой модели для всей системы регулирования персональных данных в Российской Федерации. Кроме того, целью настоящего исследования является изучение допустимой обработки изображения лица и голосовой записи в рамках исключения, с уче-

том нормативных условий их обезличивания, включения в составы персональных данных и последующего использования для обучения алгоритмических ИИ-моделей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая основа настоящего исследования сочетает в себе формально-юридический анализ, нормативную реконструкцию и герменевтический подход к толкованию понятийного аппарата закона. В качестве источников использованы положения федеральных законов № 152-ФЗ, № 123-ФЗ, Постановление Правительства Российской Федерации от 14.05.2021 № 733 (далее — ПП РФ № 733), а также проект Постановления Правительства Российской Федерации от 14.02.2025, содержащий положения о порядке функционирования ФГИС «ЕИП НСУД».

Анализ акцентирован на юридической природе допустимости обработки изображения лица и записи голоса в пределах специально установленного нормативного исключения. Также исследуются процедурные гарантии, сопровождающие реализацию такого исключения в условиях централизации доступа, уведомительного механизма и институционального контроля. Используются материалы приказов Минцифры России [7], а также научные публикации по вопросам правового режима обработки чувствительной информации, цифровой идентичности и построения инфраструктуры доверия при обращении с обезличенными данными.

Ключевые методы включают в себя: 1) системный анализ правовой конструкции ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ; 2) нормативную реконструкцию понятия «состав персональных данных» как новой юридической единицы в государственном регулировании цифровых потоков; 3) сопоставление моделей допустимой обработки биометрически значимой информации при отсутствии согласия в российской и международной правовых системах. Особое внимание уделено выявлению логики исключения как института и его последствий для баланса публичного интереса и информационной автономии личности.

ПРАВОВАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАБОТКИ ЛИЦА И ГОЛОСА: ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ОБЩЕГО РЕЖИМА

Действующее регулирование обработки биометрических персональных данных (БПД), представленное положениями ст. 10, 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ и ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ, формировалось на основе принципа приоритета согласия субъекта как универсального основания для

любых операций с физиологической или поведенческой информацией. Но в редакции от 08.08.2024 эта конструкция подверглась содержательной трансформации. Впервые на уровне федерального закона допускается обработка изображений лица и голосовых записей без получения предварительного согласия — при условии уведомления субъекта и отсутствия возражения.

Несмотря на свою биометрическую природу, указанные данные выводятся из-под общего запрета, установленного ст. 10, и переходят в категорию персональных данных, прямо разрешенных к обработке, но только в пределах специально организованной информационной инфраструктуры, такой как ЕИП НСУД. Возникает фундаментальное методологическое противоречие: с одной стороны, данные продолжают оставаться чувствительными по смыслу закона; с другой — законодатель осознанно допускает их использование в рамках механизма институционального контроля. Это порождает новую категорию в теории защиты персональных данных — ограниченно допустимые данные, которые могут использоваться без согласия при наличии правовой процедуры, технической защиты и ограничения субъектного состава пользователей.

В связи с этим требуется пересмотр понятийного ядра законодательства о персональных данных. Конструкция «согласия» как универсального основания становится относительной и требует разграничения между добровольным согласием (по инициативе субъекта ПДн), обработкой на основе уведомления (по инициативе государства с правом отказа) и обработкой без законного основания (запрещенная).

Появляется и особая подкатегория данных — обезличенные, но контролируемо реконструируемые, которые технически обрабатываются в государственной защищенной системе, но юридически продолжают быть связанными с личностью. В ЕИП НСУД такие данные поступают в составы, где к ним предоставляется доступ только после проверки статуса пользователя, целей обращения и соответствия требованиям ст. 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ.

Юридически механизм, предусмотренный ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ, представляет собой институционализированное исключение, сочетающее уведомительный порядок, запрет на свободную передачу, требования к уничтожению в случае возражения и обязательность обработки исключительно в рамках государственной информационной системы.

В более широком контексте формирование исключения, предусмотренного ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ, выявляет структурную коллизию

между классической доктриной персональных данных (основанной на прямой корреляции между субъектом и его цифровым представлением) и концепцией алгоритмического управления, в которой ключевым элементом становится автономная, институционально опосредованная идентификация. Как подчеркнули Х.Р. Уматгериева и Т. Хасбулатов, «биометрическая идентификация становится ключевым элементом обеспечения безопасности, поскольку она предполагает возможность автономной верификации без участия оператора» [8]. Это смещение от идентифицирующей операции, инициируемой субъектом, к фоновому административному распознаванию порождает необходимость нормативной переоценки функций хранения, доступа и юридической квалификации таких данных.

Как справедливо отметили В.Б. Наумов и Е.В. Тытюк, «данные, на которых алгоритм обучается, формируют его опыт, что означает прямую связь между данными для обучения и тем, какие решения будут в итоге приниматься алгоритмом» [9]. Хотя в настоящем исследовании не акцентируется внимание на механизмах машинного обучения как таковых, сама логика предикативного анализа, лежащая в основе государственной работы с биометрическими признаками, требует понимания субъектности в более гибкой форме: не как наличия идентификатора, а как функции, реконструируемой системой принятия решений.

В этих условиях возрастает потребность в доктринальной артикуляции новых понятий: «структурно восстанавливаемый субъект», «модель, косвенно способная к идентификации», «персонифицируемое управление». Их значение особенно заметно в рамках создаваемой в ЕИП НСУД подсистемы, в которой изображение лица и голос, пусть и подлежат предварительному уведомлению, но формируют новый тип цифровой субъектности, находящейся между приватной принадлежностью и публичной управляемостью.

Как подчеркнули Ю.А. Мильшин и А.М. Ахтямов, «биометрические технологии становятся основой для построения ИИ, способного к адаптации, самообучению и идентификации по сложным поведенческим и физиологическим паттернам, что требует нормативного переосмысления способов хранения, сопоставления и обезличивания таких данных» [10]. Хотя законодатель в рамках ЕИП НСУД стремится минимизировать риск повторной идентификации через технические процедуры и ограничение субъектов доступа, юридическая конструкция по-прежнему должна учитывать возможность институциональной реконструкции личности даже в условиях формального обезличивания.

Именно поэтому режим обработки изображения лица и голоса, несмотря на нормативную простоту (уведомление и отсутствие возражения), формирует новую

технология управления субъектностью — инструмент перехода от индивидуального контроля к централизованной инфраструктуре доверия, в которой субъект уже не распоряжается своими данными напрямую, но существует в пределах архитектуры допустимого.

NON-REIDENTIFIABILITY BY DESIGN КАК ПРАВОВО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ОБЕЗЛИЧИВАНИЯ

Правовой режим обезличивания персональных данных, формируемых в процессе трансформации изображения лица и записи голоса, получил нормативное закрепление в положениях ч. 5 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ, а также в проекте постановления правительства (по обезличиванию данных [11]), разрабатываемого во исполнение ч. 3 ст. 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ. Этот режим впервые вводит жестко регламентированную модель обработки, основанную на правовом принципе необратимости идентификации, который в технической доктрине соответствует концепции non-reidentifiability by design [12] (рецитал (преамбула) 26 GDPR [13]) — нормативного дизайна системы, исключающего возможность восстановления субъектной связи при любых условиях, включая контекстную перекрестную идентификацию, атаки инверсии модели, объединение с внешними источниками и др.

Проект требований устанавливает, что обезличивание персональных данных, включая биометрические категории, допускается исключительно при выполнении совокупности условий (п. 1 проекта). Во-первых, применение только утвержденных методов обезличивания — идентификация произвольных или кастомных подходов категорически запрещается (подп. «а»). Во-вторых, требуется жесткое логическое и физическое разделение между идентифицирующей и обезличенной информацией, включая отдельное хранение массивов, исключающее их обратное сопоставление (подп. «б»). В-третьих, реализуются меры информационной безопасности, предписанные ст. 19 Федерального закона № 52-ФЗ: обязательное шифрование, контроль доступа, журналирование, инцидент-менеджмент (подп. «в»).

Центральный нормативный элемент — подпункт «е», прямо формулирующий требование невозможности повторного восстановления субъектной связи, которое распространяется не только на оператора, но и на всю архитектуру циркуляции данных. Здесь вводится ключевой параметр — обязательная поддержка подхода «без возможности их преобразования к исходному виду» как структурного свойства массива, а не результата конкретного алгоритма. Даже при

наличии у оператора всей совокупности входных и выходных данных, а также доступа к внешним источникам формально и технически должно быть исключено повторное определение субъектной принадлежности.

Указанный режим в силу своей нормативной природы преобразует презумпцию допустимости обработки. Если ранее при соблюдении метода считалось, что данные являются обезличенными, то теперь доказывать это должен субъект обезличивания, в том числе через количественные оценки и модельные сценарии. Проект постановления прямо отсылает к необходимости согласования с федеральным органом безопасности, который должен рассматривать исследовательское обоснование примененного метода и оценку вероятности субъектной реконструкции по каждому составу данных.

В юридическом измерении данный подход оформляется как отказ от принципа «обезличивание как технический акт» в пользу конструкции «обезличивание как правовое состояние данных», сформированное и проверенное институционально.

АРХИТЕКТУРА СОСТАВОВ ДАННЫХ И МАРШРУТ ПЕРЕДАЧИ

Маршрут передачи данных формализован в несколько уровней. Передача данных начинается с направления региональным оператором — государственным или муниципальным органом либо подконтрольной ему организацией — обезличенных персональных данных

в региональную информационную систему, откуда данные поступают в ЕИП НСУД [14]. Такая передача осуществляется в соответствии с требованием, направляемым уполномоченным органом, в котором указывается конкретный перечень категорий персональных данных, включая изображения и голосовые записи. Региональный оператор не вправе отклониться от параметров требования и обязан обеспечить соответствие всей архитектуры передачи установленным нормам.

После загрузки обезличенных данных в ЕИП НСУД уполномоченный орган формирует составы персональных данных. В соответствии с проектом изменений к Положению о платформе (ПП РФ № 733) под составом понимается структурированная совокупность сведений, сгруппированных по аналитически значимым признакам, при условии, что такая группировка не позволяет определить принадлежность данных конкретному субъекту без дополнительных действий. Подобные признаки могут включать в себя территориальную принадлежность, возраст, пол, статус в социальной системе и другие данные, в том числе разрешенные биометрические параметры (табл. 1).

Сформированные составы доступны для обработки только в пределах ЕИП НСУД. Пункт 6 проекта постановления устанавливает, что пользователями подсистемы могут быть исключительно субъекты, прошедшие проверку на соответствие требованиям, установленным ч. 7 ст. 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ. Это юридические лица, органы власти или

Таблица 1. Этапы формирования и передачи обезличенных данных

Этап	Нормативные основания	Содержание процесс
Сбор и предварительная обработка ПДн	Части 1, 4, 9 ст. 6.1 ФЗ № 123-ФЗ; ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ	Оператор формирует массив данных, включая изображения лица и голосовые записи, полученные в рамках правомерной цели (например, госуслуги)
Обезличивание ПДн	Часть 5 ст. 6.1 ФЗ № 123-ФЗ; ч. 3 ст. 13.1 ФЗ № 152-ФЗ; п. 3–5 проекта ПП РФ по обезличиванию	Обезличивание по утвержденным методикам с исключением субъектной связи. Применяются: физическая и логическая изоляция, криптозащита, проверка невозможности реидентификации
Верификация и формирование подтверждения	Часть 5 ст. 6.1 ФЗ № 123-ФЗ; ПП РФ № 733; п. 7 проекта ПП РФ по обезличиванию	Подтверждение оператора о невозможности восстановления идентификатора
Передача в ГИС	Части 2, 4 ст. 13.1 ФЗ № 152-ФЗ; п. 17 ПП РФ № 733	Оператор направляет обезличенные данные в государственную информационную систему (ЕИП НСУД) строго по требованию уполномоченного органа
Формирование составов данных	Часть 1 ст. 13.1 ФЗ № 152-ФЗ; п. 23 ПП РФ № 733	Уполномоченный орган агрегирует обезличенные ПДн по допустимым признакам (пол, возраст, район и другие данные), при этом исключается возможность субъектизации

граждане, не имеющие признаков экстремистской и террористической деятельности, иностранного гражданства, недостоверных сведений в ЕГРЮЛ, а также судимостей по ст. 183, 272, 273, 274.1, 283 и 283.1 УК РФ [15]. Только при выполнении этих условий пользователь получает доступ к составу данных через защищенный интерфейс.

Сами составы данных не выгружаются, не передаются, не предоставляются и не извлекаются пользователем. Их обработка осуществляется исключительно внутри платформы ЕИП НСУД [16], при этом возможен только доступ к агрегированным результатам анализа, построенным по установленным нормативным сценариям. Реализуется архитектура одностороннего контролируемого доступа, исключающая возможность технического восстановления или извлечения индивидуализированной информации за пределами защищенной среды (но на данный момент в Инструкции ЕИП НСУД это не отражено [17]).

На маршруте передачи действует обязательный этап верификации состояния состава. До предоставления доступа пользователю система автоматически проверяет соответствие массивов обезличенных данных требованиям правового режима: наличию параметров, исключающих возможность восстановления субъектной связи, соответствию ранее утвержденным методикам обезличивания и требованиям информационной безопасности. При выявлении несоответствий передача состава приостанавливается до устранения нарушений. Эта проверка выступает частью реализуемого механизма институционального контроля на всем протяжении маршрута — от оператора до аналитической интерпретации.

Вся архитектура построена как каскадная модель с фиксированными нормативными промежуточными точками: оператор — уполномоченный орган — государственная информационная система — пользователь (рис. 1).

Рис. 1. Каскадная модель формирования составов данных

При этом ЕИП НСУД функционирует не как хранилище, а как нормативно верифицированный шлюз допустимой аналитики, где каждый результат формируется в рамках предельно допустимой модели использования данных.

В завершение положения ч. 10–12 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ вводят запрет на действия, которые могут повлечь причинение вреда субъектам персональных данных или охраняемым законом ценностям. Это включает запрет на использование составов в целях дискриминации, угроз безопасности, подрыва прав субъектов, а также на передачу результатов обработки иностранным субъектам. В результате архитектура маршрута передачи выступает не только как технико-правовая структура, но и как элемент государственной политики доверенного управления данными.

ОБУЧЕНИЕ МОДЕЛИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОСНОВАНИИ СОСТАВА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ, СФОРМИРОВАННОГО НА УСЛОВИЯХ Ч. 4 СТ. 6.1 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 123-ФЗ

Обучение ИИ-модели на персональных данных, образованных в результате их обезличивания, получило особую форму допустимой автоматизированной обработки на основании п. 9.1 ч. 1 ст. 6, ст. 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ. В рамках действующего регулирования закрепляется возможность обработки обезличенных данных в целях, прямо указанных в федеральном законодательстве, включая ст. 6.1, 6.2 Федерального закона № 123-ФЗ и Федеральный закон № 58-ФЗ [18]. Эти правовые основания создают исключительный контур допустимости, в котором формируется новая институциональная модель использования данных — не как прямого инструмента идентификации, а как ресурса для построения функциональных моделей предсказательного анализа и поддержки управленческих решений.

Вместе с тем составы данных, включающие сведения, полученные в результате обезличивания изображений лица и голосовых записей, согласно ч. 2.1 ст. 10 Федерального закона № 152-ФЗ, допускаются к использованию в целях повышения эффективности государственного или муниципального управления, а также в иных целях, установленных федеральными законами. Это создает предпосылки для легального обучения ИИ-моделей на биометрических признаках при условии их предварительной трансформации и институционального контроля. Как подчеркивается в ч. 9.1 ст. 6 закона, такие действия не требуют согласия субъектов данных при условии соблюдения проце-

дуры обезличивания, утвержденной Правительством РФ (разбирали выше сам порядок обезличивания по проекту постановления правительства РФ) по согласованию с федеральным органом безопасности.

С технической точки зрения обучение ИИ-модели в рамках данного правового режима предполагает обучение модели в закрытой вычислительной инфра-

структуре, где отсутствует возможность извлечения исходных записей и производится только работа с параметрическим представлением выборки (табл. 2). Обучение ИИ не затрагивает субъектные параметры как таковые, а оперирует математическими обобщениями — векториальными представлениями и латентными признаками.

Таблица 2. Этапы обучения ИИ-моделей

Этап	Нормативные основания	Содержание процесс
Перенос составов в вычислительный модуль	Часть 10 ст. 13.1 ФЗ № 152-ФЗ; п. 25, 26 ПП РФ № 733	Составы данных передаются внутри закрытого контура ЕИП НСУД. Осуществляется логическое разделение вычислений и хранения, исключается экстракция
Обучение модели в изолированной среде	Части 10–12 ст. 6.1 ФЗ № 123-ФЗ; ст. 19 ФЗ № 152-ФЗ	ИИ-модель обучается на агрегированных признаках в форме тензоров или латентных представлений. Доступ к индивидуальным значениям отсутствует
Верификация модели	Часть 11 ст. 13.1 ФЗ № 152-ФЗ; п. «е» проекта ПП РФ об обезличивании	В процессе обучения оценивается соблюдение ограничений: недопустимость предсказания индивидуальных свойств, запрет на извлечение исходных ПДн, тесты на устойчивость к инверсии
Получение агрегированных результатов	Части 6–7 ст. 13.1 ФЗ № 152-ФЗ; п. 30 ПП РФ № 733	Пользователь ГИС (например, орган власти) получает итоговую модель или ее функциональные компоненты без исходных данных, с сохранением всей нормативной обвязки
Ограничения на повторную идентификацию	Часть 12 ст. 6.1 ФЗ № 123-ФЗ; п. 9.1, 9.2 проекта ПП РФ об обезличивании	Запрещена любая постобработка модели или ее результатов, способная привести к повторной идентификации субъекта

На уровне юридического статуса ИИ-модели, обученной на подобном составе данных, возникает необходимость в дополнительной классификации. В действующей редакции Федерального закона № 123-ФЗ отсутствует понятие «модель, способная к реконструкции персональных данных», в то время как результаты обучения могут в ряде случаев допускать предсказание чувствительных атрибутов — например, через поведенческое распознавание или кластеризацию речевых особенностей. Это порождает потенциальный конфликт между декларативной анонимностью состава и фактической персонализируемостью модели. Требуется ввести новые правовые категории, такие как «персонифицируемая модель» и «модель с потенциальной реконструкцией идентичности», каждая из которых будет подлежать дифференцированному регулированию в зависимости от уровня рисков.

Следует подчеркнуть, что действующая правовая конструкция не устанавливает обязательных процедур валидации обученной модели на предмет ее способности к реконструкции субъектной связи. Упомянутые в проекте подзаконных актов механизмы контроля касаются преимущественно этапа обезличивания, а не постфактум анализа функциональности модели. Это создает правовой разрыв, при котором

формальная законность источника данных не гарантирует, что обученная модель не воспроизводит информацию, позволяющую осуществить предсказательную идентификацию.

Дополнительной нерешенной проблемой является отсутствие нормативных ограничений на цели обучения моделей. В то время как ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ содержит запрет на использование составов в целях, способных причинить вред субъекту, в отношении самого процесса обучения отсутствует аналогичная норма. Это открывает потенциальную возможность подготовки моделей, которые впоследствии могут быть адаптированы для использования вне допустимого правового периметра, в том числе в коммерческих системах профилирования, без согласия субъектов.

Наконец, остается открытым вопрос институциональной подотчетности при проведении таких обучений. Статья 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ определяет порядок доступа к составам данных, но не содержит положений об обязательной сертификации или аккредитации вычислительных систем, в которых осуществляется обучение. При этом с технической точки зрения утечка латентных представлений или параметров модели может иметь сопоставимые последствия с утечкой необезличенных персональных данных.

Введение требований к «доверенным вычислительным средам», а также регламента по периодическому аудиту моделей представляется необходимым условием обеспечения непрерывной правовой совместимости между источником данных и результатом обучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующий нормативный режим допуска изображения лица и записи голоса в составы персональных

данных, подлежащих централизованной обработке в рамках ЕИП НСУД, представляет собой шаг к институционализации безопасного использования персональных данных, не отнесенных к биометрическим (но по факту они ими являются) в государственном управлении данных. Однако дальнейшее применение таких составов для обучения ИИ-моделей требует нормативного реагирования (табл. 3), выходящего за рамки действующей конструкции ст. 6. Федерального закона № 152-ФЗ.

Таблица 3. Регулирование выявленных проблем

Проблема	Пробел в законодательстве	Предлагаемая правовая мера (в приказе Минцифры)
Отсутствие правовой квалификации ИИ-модели, способной к реконструкции личности	В действующем законодательстве (включая ФЗ № 152-ФЗ и подзаконные акты) полностью отсутствует правовая модель описания алгоритмических систем, способных к косвенной идентификации, — не определены ни категории моделей, сохраняющих латентные биометрические признаки, ни признаки допустимости их использования. Это приводит к отсутствию какого-либо режима регулирования рисков, связанных с реконструкцией личности по результатам работы обученной модели	Внести в приказ Минцифры следующие определения: 1) персонифицируемая модель — модель, структура которой сохраняет индивидуализируемые поведенческие или физиологические признаки субъекта, даже при отсутствии прямых идентификаторов; 2) модель с потенциальной реконструкцией идентичности — модель, обученная на обезличенных данных, но способная на основе параметров восстанавливать субъектную принадлежность. Установить правовой режим: а) обязательная предварительная классификация модели перед допуском к продуктивной среде; б) верификация на устойчивость к повторной идентификации; в) ограничение целей применения моделей, попадающих в эти категории
Отсутствие процедур валидации модели на возможность предиктивной идентификации	Отсутствие нормативно закрепленной обязанности по проверке обученных моделей на способность к восстановлению субъектной связи. Закон не устанавливает обязательных процедур верификации результата обучения на предмет рисков предсказательной идентификации — в частности, через косвенные поведенческие, речевые или физиологические признаки	Установить в приказе Минцифры: 1) обязательность предварительной и последующей проверки обученных моделей на предмет возможности восстановления субъектной связи; 2) разработку формализованного протокола проверки, включающего в себя оценку риска восстановления идентичности, с оформлением отчета в адрес уполномоченного органа; 3) включение данной проверки в перечень необходимых условий для допуска модели к эксплуатации в рамках государственных или иных регулируемых информационных систем
Неурегулированность целей обучения моделей	Закон регулирует только цели использования составов, но не цели самого обучения	Установить перечень допустимых целей обучения в приказе Минцифры, включив запрет на использование моделей, обученных на составе данных, для поведенческого таргетинга, коммерческого профилирования, оценки благонадежности субъектов без согласия. Также обязать включать целевую установку в техническое задание на обучение
Отсутствие институционального контроля за средой обучения	Статья 13.1 ФЗ № 152-ФЗ не требует сертификации или аккредитации ИТ-среды	Ввести в приказ обязательное условие: обучение ИИ-моделей осуществляется исключительно в доверенных вычислительных средах (ДВС), подлежащих аккредитации. Критерии ДВС: 1) отсутствие доступа к исходным данным после загрузки; 2) контроль логов, запрет извлечения модели и параметров; 3) ежеквартальный аудит соответствия требованиям безопасности

Представляется необходимым переход от оценки формального источника данных к нормативной оценке результата функционирования алгоритма. Предложенная модель регулирования, направленная на исключение возможности реконструкции субъектной связи в процессе или по результатам обучения, требует институционального оформления. Основой такой модели может выступить проект приказа Минцифры России, фиксирующий нормативные основания для допуска, оценки и контроля алгоритмических систем, использующих изображения лица и голос, разрешенные к передаче без согласия по ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона № 123-ФЗ.

Ключевым элементом предлагаемого регулирования становится введение дифференцированной классификации алгоритмических моделей. В приказ целесообразно включить определение двух новых категорий: персонифицируемая модель — как модель, в параметрах которой сохраняются индивидуализирующие признаки субъекта, и модель с потенциальной реконструкцией идентичности — как модель, способная восстановить субъектную связь из ранее обезличенного массива. Каждая из этих категорий должна подпадать под отдельный режим допуска, включающий в себя предварительную квалификацию, нормативно установленную проверку устойчивости к повторной идентификации и установление ограничений на область применения.

В целях правовой верификации допустимости результата обучения в приказе Минцифры следует закрепить обязанность проведения обязательной процедуры валидации модели. Эта процедура должна охватывать как предрелизную, так и последующую стадии эксплуатации, включать оценку вероятности реконструкции индивидуальных признаков и оформляться в виде отчетности перед регулятором. Установление формализованного протокола тестирования на возможность восстановления субъектной связи создает механизм юридической ответственности за результат алгоритмического моделирования.

Регулирование должно охватывать также целевые установки обучения. Предлагается нормативно ограничить допустимые цели подготовки моделей, исключив возможность их последующего использования в системах, реализующих поведенческий таргетинг, ранжирование, профилирование, оценку благонадежности либо иное применение без индивидуального согласия. В приказе следует установить обязанность включать целевое назначение модели в техническое задание, предоставляемое на стадии допуска к обучающей выборке.

Наконец, ключевым элементом обеспечения нормативной совместимости между источником данных

и результатом функционирования модели выступает среда обучения. В приказе необходимо закрепить понятие доверенной вычислительной среды как совокупности технических, организационных и криптографических механизмов, исключающих доступ к исходным данным, извлечение параметров модели, а также осуществляющих журналирование операций и последующий аудит. Допуск к обучающему составу может быть предоставлен только таким средам, прошедшим аккредитацию и сертификацию в установленном порядке.

Предлагаемая система регулирования основана на идее нормативной допустимости по результату, в рамках которой обезличивание рассматривается не как формальное свойство данных, а как проверяемое состояние всей цепочки — от источника до модели. Лишь при доказанной невозможности реконструкции субъектной информации может считаться, что цели Закона о персональных данных достигнуты. Приказ Минцифры России, отражающий данные положения, позволит институционализировать безопасную архитектуру обучения ИИ-моделей на изображении лица и голосе, обеспечивая баланс между интересами цифровой трансформации и необходимостью охраны частной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральная государственная информационная система «Единая информационная платформа национальной системы управления данными». [Электронный ресурс]. — URL: <https://nsud.gosuslugi.ru> (дата обращения: 17.05.2025).
2. Постановление Правительства РФ от 14.05.2021 № 733 (ред. от 28.11.2024) «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления данными» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 21. Ст. 3585; 2024. № 49 (Ч. V). Ст. 7623.
3. Распоряжение Правительства РФ от 03.06.2019 № 1189-р (ред. от 14.05.2021) «Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий («дорожную карту») по созданию национальной системы управления данными на 2019–2021 годы» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 3041; 2021. № 21. Ст. 3585.
4. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения

- технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701; 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4929.
5. Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4929.
 6. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О государственной информационной системе, предназначенной для обработки персональных данных, полученных в результате обезличивания персональных данных, и внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 733» (подготовлен Минцифры России 14.02.2025) // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56914890/> (дата обращения: 17.05.2025).
 7. Приказ Минцифры России от 25.02.2021 № 114 «О вводе в эксплуатацию федеральной государственной информационной системы «Единая информационная платформа Национальной системы управления данными». [Электронный ресурс]. — URL: https://info.gosuslugi.ru/docs/section/ЕИП_НСУД/ (дата обращения: 17.05.2025).
 8. Уматгериева Х.Р., Хасбулатов Т. Разработка и исследование биометрических методов и средств защиты информации // Экономика и социум. 2024. № 6-1 (121). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-issledovanie-biometricheskih-metodov-i-sredstv-zaschity-informatsii> (дата обращения: 17.05.2025).
 9. Наумов В.Б., Тютюк Е.В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. 2020. № 6. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-mashinnogo-obucheniya> (дата обращения: 17.05.2025).
 10. Мильшин Ю.А., Ахтямов А.М. R вопросу об использовании биометрических данных искусственным интеллектом // Вестник СГЮА. 2024. № 4 (159). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-biometricheskih-dannyh-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 17.05.2025).
 11. Проект Постановления Правительства «Об установлении требований к обезличиванию персональных данных, методов и правил обезличивания персональных данных» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. — URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=156232> (дата обращения: 17.05.2025).
 12. Generative AI in EU law: Liability, privacy, intellectual property, and cybersecurity / C. Novelli, F. Casolari, P. Hacker et al. // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 55. Article No. 106066. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106066
 13. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.
 14. Боднарук Т.Р., Боднарук М.Р. Аналитика больших данных в государственном управлении: от проблем к решениям // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 10-1 (116). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analitika-bolshih-dannyh-v-gosudarstvennom-upravlenii-ot-problem-k-resheniyam> (дата обращения: 17.05.2025).
 15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 17. Ст. 2131.
 16. Частые вопросы. Федеральная государственная информационная система «Единая информационная платформа национальной системы управления данными». [Электронный ресурс]. — URL: <https://nsud.gosuslugi.ru/ifp/portals/pages/6> (дата обращения: 17.05.2025).
 17. Инструкция по работе в федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления данными» в части описания информационных ресурсов, информационных систем, наборов данных, модели витрины данных, а также формирования регламентированных запросов. Версия 2.37, 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://info.gosuslugi.ru/download.php?id=3654> (дата обращения: 17.05.2025).
 18. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических ин-

новаций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017; 2024. № 52 (Ч. I). Ст. 8533.

REFERENCES

1. Federal'naya gosudarstvennaya informatsionnaya sistema "Yedinaya informatsionnaya platforma natsional'noy sistemy upravleniya dannymi". [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://nsud.gosuslugi.ru> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.05.2021 No. 733 (red. ot 28.11.2024) "Ob utverzhdenii Polozheniya o federal'noy gosudarstvennoy informatsionnoy sisteme "Yedinaya informatsionnaya platforma natsional'noy sistemy upravleniya dannymi" i o vnesenii izmeneniy v nekotorye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii" // SZ RF. 2021. № 21. St. 3585; 2024. № 49 (Ch. V). St. 7623.
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 03.06.2019 No. 1189-r (red. ot 14.05.2021) "Ob utverzhdenii Kontseptsii sozdaniya i funktsionirovaniya natsional'noy sistemy upravleniya dannymi i plana meropriyatiy ("dorozhnuyu kartu") po sozdaniyu natsional'noy sistemy upravleniya dannymi na 2019–2021 gody" // SZ RF. 2019. № 23. St. 3041; 2021. № 21. St. 3585.
4. Federal'nyy zakon ot 24.04.2020 No. 123-FZ "O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo regulirovaniya v tselyakh sozdaniya neobkhodimyykh usloviy dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sub'ekte Rossiyskoy Federatsii — gorode federal'nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmeneniy v stat'i 6 i 10 Federal'nogo zakona "O personal'nykh dannykh" // SZ RF. 2020. No. 17. St. 2701; 2024. No. 33 (Ch. I). St. 4929.
5. Federal'nyy zakon ot 08.08.2024 No 233-FZ "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O personal'nykh dannykh" i Federal'nyy zakon "O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo regulirovaniya v tselyakh sozdaniya neobkhodimyykh usloviy dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sub'ekte Rossiyskoy Federatsii — gorode federal'nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmeneniy v stat'i 6 i 10 Federal'nogo zakona "O personal'nykh dannykh" // SZ RF. 2024. № 33 (Ch. I). St. 4929.
6. Proekt Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii "O gosudarstvennoy informatsionnoy sisteme, prednaznachennoy dlya obrabotki personal'nykh dannykh, poluchennykh v rezul'tate obezlichivaniya personal'nykh dannykh, i vnesenii izmeneniy v postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14 maya 2021 g. No. 733" (podgotovlen Mintsifry Rossii 14.02.2025) // SPS "Garant". [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56914890/> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
7. Prikaz Mintsifr Rossii ot 25.02.2021 No. 114 "O vvede v ekspluatatsiyu federal'noy gosudarstvennoy informatsionnoy sistemy "Yedinaya informatsionnaya platforma Natsional'noy sistemy upravleniya dannymi". [Elektronnyy resurs]. — URL: https://info.gosuslugi.ru/docs/section/ЕИП_НСУД/ (data obrashcheniya: 17.05.2025).
8. Umatgereeva Kh.R., Khasbulatov T. Razrabotka i issledovanie biometricheskikh metodov i sredstv zashchity informatsii // Ekonomika i sotsium. 2024. № 6-1 (121). [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-issledovanie-biometricheskikh-metodov-i-sredstv-zashchity-informatsii> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
9. Naumov V.B., Tytyuk E.V. Pravovye problemy mashinnogo obucheniya // Obrazovanie i pravo. 2020. No. 6. [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-mashinnogo-obucheniya> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
10. Mil'shin Yu.A., Akhtyamov A.M. K voprosu ob ispol'zovanii biometricheskikh dannykh iskusstvennym intellektom // Vestnik SGYuA. 2024. No. 4 (159). [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-biometricheskikh-dannykh-iskusstvennym-intellektom> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
11. Proekt Postanovleniya Pravitel'stva "Ob ustanovlenii trebovaniy k obezlichivaniyu personal'nykh dannykh, metodov i pravil obezlichivaniya personal'nykh dannykh" // Federal'nyy portal proektov normativnykh pravovykh aktov. [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=156232> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
12. Bodnaruk T.R., Bodnaruk M.R. Analitika bol'shikh dannykh v gosudarstvennom upravlenii: ot problem k resheniyam // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2024. No. 10-1 (116). [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analitika-bolshih-dannykh-v-gosudarstvennom-upravlenii-ot-problem-k-resheniyam> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
13. Generative AI in EU law: Liability, privacy, intellectual property, and cybersecurity / C. Novelli, F. Casolari, P. Hacker et al. // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 55. Article No. 106066. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106066
14. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal

- data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.
15. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 21.04.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2025) // SZ RF. 1996. No. 25. St. 2954; 2025. No. 17. St. 2131.
 16. Chastye voprosy. Federal'naya gosudarstvennaya informatsionnaya sistema "Yedinaya informatsionnaya platforma natsional'noy sistemy upravleniya dannymi". [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://nsud.gosuslugi.ru/ifp/portals/pages/6> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
 17. Instruksiya po rabote v federal'noy gosudarstvennoy informatsionnoy sisteme "Yedinaya informatsionnaya platforma natsional'noy sistemy upravleniya dannymi" v chasti opisaniya informatsionnykh resursov, informatsionnykh sistem, naborov dannykh, modeli vitriny dannykh, a takzhe formirovaniya reglamentirovannykh zaprosov. Versiya 2.37, 2025. [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://info.gosuslugi.ru/download.php?id=3654> (data obrashcheniya: 17.0.2025).
 18. Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 No. 258-FZ (red. ot 28.12.2024) "Ob eksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovyykh i tekhnologicheskikh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii" // SZ RF. 2020. No. 31 (Ch. I). St. 5017; 2024. No. 52 (Ch. I). St. 8533.

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ) создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного посла, доктора юридических наук, профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межвузовского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более тысячи кафедр и 45 специализированных кафедральных сетей в 125 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между университетами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. Основополагающим принципом программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО инициируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в областях авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сферах свободы творчества и свободы выражения мнений, правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития ин-

формационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property) (www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал индексируется Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) и Российским центром научной информации (РЦНИ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:

109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;

тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;

www.hse.ru/unesco/

tis@hse.ru

About the UNESCO Chair
on Copyright, Neighboring,
Cultural and Information Rights
at HSE University

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair at the HSE University”) was built by the decision of the Academic Council of the HSE University in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics (HSE University) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation (ret.), Doctor of Legal Sciences, Professor Mikhail A. Fedotov. The Agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (IMPE, now — A.S. Griboyedov Moscow University) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, on the UNESCO Secretariat approval, was relocated to the HSE University.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the HSE University. It participates in the worldwide network of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO (1991). The Program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs Program currently unites more than 1000 Chairs and 45 specialized chair networks in 125 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The UNESCO Chair at the HSE University specializes in copyright, neighboring, cultural and information rights, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and the Sector of Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

The UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. The Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer and popularization of scientific knowledge.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical journal named *Works on Intellectual Property* (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as professors Illariya L. Bachilo, Mikhail M. Boguslavsky, Eduard P. Gavrilov, Viktor A. Dozortsev, Alexander P. Sergeev, Mikhail A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and neighboring rights, other intellectual property rights in the context of digitalization, as well as cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics. Since 2014 the journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and the Russian Center for Scientific Information (RCSI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the journal web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair at the HSE University also publishes a monthly newsletter "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The newsletter contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at the HSE University:
109028, Moscow, B. Trekhsvyatitsky per., 3, room. 436;
tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;
website: www.hse.ru/unesco/
e-mail: tis@hse.ru